

ЧАСТЬ III

ЗНАК БОГОРОДИЦЫ

I

Связанный игвами и раруггами, четвертый русский жругр, еще не успев набрать силу, молча взирает на то, как слуги Гагтунгра бесчинствуют в его стране, не только физически убивая его народ, но и развращая духовно.

Потомок третьего красно-бурого уицраора России трехцветный жругр даже в таком незавидном положении все равно готовится к борьбе со Стэбингом и его хозяином. Именно для этого он выращивает свое человекоорудие, которое в нужный момент достанет из массы и выдвинет на авансцену истории.

А пока трехцветный накапливает силы, его кровный «желто-блакитный» брат Укрон уже разворачивается во всю мощь. Воля Стэбинга заставляет его торопиться с исполнением замыслов Гагтунгра.

Разделить народ, подвластный ему, на «овец и козлищ». Натравить молодых, воспитанных в специальных лагерях фанатиков на тех, кто еще помнит о единстве великого сверхнарода. Сделать так, чтобы брат шел на брата, убивал во славу Гагтунгра и гаввах густым облаком поднимался в небеса, ублажая дьявола.

Уже крушатся отчие памятники, уже вопят толпы на улицах матери городов русских.

И гнев великого сверхнарода России наконец достигает человекоорудия русского жругра.

Чувствуя все растущую инвольтацию энергии, но пока еще не зная, что делать перед лицом могущественного врага, человекоорудие ждет толчка, чтобы начать действовать. А это непросто. Потому что силы его еще невелики. И он не может даже помышлять о тех делах, которые позволяли себе человекоорудия краснобурого третьего уицраора России.

Но и ждать вечно нельзя. Потому что люди уже начинают глухо роптать, требуют, чтобы он наконец-то исполнил их волю.

Страшно выйти на бой со Стэбингом. Но еще страшнее не исполнить волю народа, который, затаив дыхание, наблюдает за борьбой молодого, агрессивного «жовто-блакитного» Укрона.

А тот вытаскивает из подземных сакуал на поверхность души предателей и убийц. Выталкивает на сцену свое человекоорудие — толстозадого, сладкоголового шоколадного короля.

И уже стонут под ударами Укрона последние защитники единого сверхнарода. Выходят на улицы толпы одураченных.

И слабый, трусливый человек бросает свое место борьбы. И униженно ползет подписывать с игвами договор о капитуляции.

В этот момент человекоорудие четвертого российского жругра наконец принимает решение и вступает в борьбу.

Наступает момент истины. Все с изумлением смотрят, как из пыли и праха, разрывая путы, поднимается новый российский жругр. Как растет его мощь, питаемая шаввой, доставляемой ему сверхнародом. Как его орудие неожиданно обретает силу и достоинство.

II

Солнце в зените. Жара, несмотря на осень, не отпускает. Солнце палит совсем по-летнему, давит на плечи, на голову.

«Греция. Вечная Греция. Всегда солнечно, — думал Миров, ожидая на перекресте улиц своего гида. Всегда пыльно. Тут царство света, царство огня. А у нас в Питере, наверное, дожди, прохладно. Сюда бы стадо облаков побольше. Покувыркались бы, покружили по небу. Все веселей бы стало. Разнообразней. Грохот бы стоял как из-под копыт. А потом — настоящий ливень!»

Олег нетерпеливо огляделся. Гид опаздывал. Две черненькие девчущки жались к тени на остановке. Маленькие, смуглые, с одинаковыми косичками. Присели на корточки в своих цветных платьицах над огромными эмалированными чашками, полными лепешек, и тихонько шептались. Вокруг них бегал совсем маленький неумытый мальчишка, улыбался, дразнил их, высунув язык. Вскочит одна, тоненько закричит на него — и он улепетьвается.

«Мигранты! Бич Божий для Европы, — думал Миров, разглядывая еще одну девочку, совсем ребенка, которая сидела рядом с остановкой автобуса с протянутой ручкой. — Что мне до них до всех! До греков... И до этих...»

Он не успел «дожевать» эту мысль, как рядом остановился вместительный, но не новый «форд». Приехал экскурсовод, Алексей Элпиадис.

Вчера, когда он созвонился с ним и сообщил адрес своей гостиницы, тот сильно удивился. Как выяснилось — все богатые русские останавливаются в отелях ближе к морю. А этот район в центре Афин уже оккупируют мигранты, перебирающиеся в Грецию тысячами. Но Мирову было все равно. В прошлом он оставил все

эти штучки-дрючки. Все эти сравнения. Кто на чем ездит? Кто чем владеет? Где живет? Теперь было важно другое. Найти новую дорогу. Начать иную жизнь.

А где же его искать, этот новый путь, как не в колыбели человечества?! Тем более что его вела какая-то воля. Тогда, в момент ухода, будто кто-то знающий шепнул ему на ухо: «Поезжай в Грецию!» Для чего? Почему? Непонятно!

И вот он пытался понять это, сидя в гостинице в центре Афин и периодически перемещаясь по стране от одних руин к другим. Он побывал уже в знаменитых Микенах, съездил в Эпидавр, поглядел на развалины древнего «санатория», прошелся по храмам Афин. Поднялся на холм Акрополя. И вот теперь собрался в знаменитые Дельфы, где оракулы в туманных предсказаниях угадывали судьбу стран, народов и великих полководцев.

Из «форда» появился невысокий интеллигентный волосатый и слегка носатый грек. В больших темных очках. С тату на руках. Он чисто, без какого-либо акцента, говорил по-русски. И звали его Алексей.

«Алексей — божий человек», — вспомнил Олег.

Его проводник был кандидатом исторических наук. Но деньги зарабатывал экскурсиями для туристов. Хорошими экскурсиями.

Уже через минуту Миров спрятался от солнца в кондиционированной прохладе салона. И обнаружил, что он здесь не один — в машине обитала женщина. Даже не женщина, а девушка, юная особа. Грациозная. Тонкая. С чистым лицом. Светлокожая, но с восточным разрезом орехового цвета глаз. Коротко остриженная, похожая на юную лань или газель. Явно не гречанка.

«Смешение кровей, — глянув на нее, подумал Олег. — Японка и белый?! Или из Индонезии? А может, корейнка!»

Кто она? И почему у него где-то там, глубоко-глубоко в груди, гулко стукнуло сердце?.. Кто знает? Говорят, мужчины всегда влюбляются в женщин, похожих на их матерей. Миров, правда, так не думал. Потому что его первая любовь совсем не была копией его матери. А потом столько было всего! Столько...

Элпиадис церемонно представил спутницу:

— Виктория. Студентка. Изучает греческую культуру. У нее сегодня свободный день, и она попросилась с нами в Дельфы. Вы не будете против?

С чего бы ему быть против?

* * *

«Дороги дальней стрела по степи пролегла...» И только шорох резины.

Они уже в предгорьях. И на горизонте — зеленые склоны.

В салоне шел «светский» разговор:

— Кстати говоря, Виктория родом из Крыма, из Севастополя. А Крым очень похож природой и культурой на нашу Элладу! — заметил Алексей.

— Да?! — удивился и одновременно чему-то обрадовался Миров.

Девушка поддержала разговор:

— И все равно различия есть. Ведь в Крыму было столько народов! Кто только не жил — греки и готы, и гунны, и венецианцы... Те же татары. Там и сейчас живет за сотню народов...

— Да, даже караимы сохранились. Как они убедили немцев, что не являются потомками иудеев? Удивительный народ... — добавил Элпиадис, показывая недюжинное знание тонкостей истории не только Греции, но и Крыма.

А дорога петляла, постепенно забираясь все выше и выше.

Незаметно, как это и водится в таких случаях, разговор зашел о том, что болит. А у греков болит все. Элпиадис вспомнил о деньгах, которые Греция не может отдать.

Вступили в Евросоюз, греки начали жить в долг. Постоянно меняющиеся правительства брали у ЕС кредиты. За счет них повышали зарплаты, пенсии, пособия. Вся страна жила в свое удовольствие. При этом хитрые потомки Одиссея поддельвали отчетность для европейцев. Показывали постоянный рост экономики. И судя по всему, долги возвращать не собирались. Но наступил час расплаты. Евросоюз в лице Германии, а Германия — в лице фрау Меркель стали требовать возврата трехсот миллиардов евро. Но какой там возврат? Греки и проценты-то не могут отдавать!

— У нас тут бытует один анекдот, — рассказывал Алексей. — В роддоме отец спрашивает врача: «А почему ребенок, как рождается, сразу начинает плакать?» А врач ему отвечает: «Греческие дети начинают плакать, как только узнают, что должны немцам тридцать тысяч евро». У нас такой долг сегодня на душу населения.

Элпиадис не сдерживал чувств:

— Германия сегодня превратилась в четвертый рейх! А в Европе установилась власть ростовщиков. И эти ростовщики — банкиры — сосут кровь из нашего народа. Они — настоящие хозяева Европы!

Мирову было странно слышать такую оценку европейского миропорядка. Понятное дело, когда ругают капиталистов в бывших странах соцлагеря. Но здесь, в колыбели демократии, это выглядело дико.

— Но ведь вы с Европой одного корня! И все европейские завоевания пошли отсюда, — начал развивать тему Олег. На что получил вежливую отповедь, которая сильно поколебала его представления о Европе как о едином пространстве. А главное — как о цивилизации, с которой надо брать пример.

— Господи! Все европейцы — немцы, британцы, итальянцы, французы — настоящие варвары! Дикие и бескультурные! Они не впитали эллинскую или римскую цивилизацию. Они пришли как вандалы. Разрушили Рим, разрушили города, культуру. А потом на обломках построили свои варварские империи. А мы — новые эллины, настоящие потомки греко-римской цивилизации, потомки Византии. И Россия, которая получила от нас христианство, есть настоящее продолжение Рима. Запад только и делал, что поработал другие народы. А в России, как и в поздней Римской империи, все этносы были равноправными...

Миров считал себя либералом и полагал, что Запад для нас и есть образец. Поэтому слегка удивился таким выводам общительного грека.

А Элпиадис развивал мысль:

— Они живут на подмене понятий. Присвоили себе в Средние века титулы — императоры Священной Римской Империи. И вешают всем лапшу на уши, что у них — демократия, закон, порядок. А на самом деле они такие же варвары, как и были всегда. Только носят личину цивилизованности.

Видимо, горячие тирады Алексея задели и Викторию:

— Возвращаясь в прошлое, — заметила она, — лучше видишь будущее!

В этот момент в Алексее заговорил историк:

— Конечно! В античной Греции тоже не было полной демократии. Она менялась, вырабатываясь веками. Сначала правила родовые вожди. Их называли «настоящие люди». Те, кто владел домом, хозяйством, тот и имел право голоса на собрании. Потом произошло разделение по имуществу, по деньгам. За исполнение общественной работы не платили. И люди состоятельные за свой счет занимались улучшением общественной жизни. Строили храмы, дороги. Так сказать — искали уважения. Были и тираны. Императоры. Самодержцы. Но это все равно не отменяло народовластия.

Мирову был чрезвычайно интересен такой взгляд на историю, и он переспросил:

— Это как же императоры могут быть демократами?

— Императоры правили от имени народа. Они как божьи помазанники должны были улавливать божью волю, то есть волю народа. И затем транслировать ее элите.

Миров был слегка озадачен:

— Замысловато!

С юных лет он зачитывался историей спартанцев. Восхищался их героическими деяниями. Восторгался их общественным устройством. Поэтому сейчас ему на ум пришла Древняя Спарта, и он заметил:

— Мне кажется, идеалом древней греческой демократии была Спарта, ее государственное устройство.

— Ничего подобного! — неожиданно для него возразила Виктория. — Они не были гуманистами, а значит, не были и демократами...

— Да, да! Я читал. Неполющенных детей бросали в пропасть...

— Сейчас последние исследования показали, что не бросали в пропасть, а оставляли умирать от обезвоживания на палящем солнце, — заметил Элпиадис. — При этом обязывали родителей наблюдать за этим процессом. Так они воспитывали в людях жестокость... Многие от этого сходили с ума. Вряд ли спартанцы могут быть образцом. Они были в первую очередь воинами с жестокими обычаями. Кстати говоря, и извращениями, потому что до тридцати лет им запрещалось жениться. И за это время многие из них становились педерастами и педофилами... Из-за этого и произошло моральное перерождение народа. А уже оно вызвало и физическое вырождение. Спарта канула в Лету, не оставив ничего, никакого культурного или гуманистического наследия. Кстати говоря, специалисты Третьего рейха во время Второй мировой все там раскопали. Но ничего не нашли, кроме фундаментов нескольких казарм...

Помолчали.

Тут Элпиадис остановил машину на смотровой площадке, будто зависшей на головокружительной высоте над пропастью. Они подошли к краю. Глянули вниз. Там, глубоко-глубоко, змеился горный поток. Вода прыгала с камня на камень, пенилась, играла...

Элпиадис сделал для Миров несколько снимков — сфотографировал и его одного, и с юной черноглазой спутницей.

По дороге обратно к машине, словно продолжая свой внутренний диалог, гид заметил:

— Мы и ментально разные с Западом. У вас, как и у нас, есть тяга к общине, к семье, к своим. Западные люди индивидуалисты. А знаете, как назывался индивидуалист, человек, живущий вне социума, в Древней Элладе?

— Как?

— Идиот!

— Вот как?... — Озадаченный всем услышанным, Миров устроился на сиденье и молчал до места, где когда-то располагался знаменитый дельфийский храм Аполлона.

А Алексей продолжал поминать «незлым тихим словом» ЕС и Германию:

— Немецкая мечта о четвертом рейхе теперь наконец воплотилась в Европейском союзе. Слышали, у нас начали продавать аэропорты, острова, железные дороги, чтобы заплатить проценты по их кредитам? И кто это купит? Опять немцы! Все отойдет им. За эти фантики. За евро. Попомните мое слово, они и до вас доберутся! Потому что вы, как и мы, эллины, им ненавистны. Европа всегда хотела захватить богатства России. И каждые сто лет объявляет против вас крестовый поход.

— Удивительно! — поддержала разговор вместо молчавшего Миров Виктория. — С чего вы это взяли?

— Да посмотрите на свою историю. Возьмем, скажем, тысяча шестьсот двенадцатый год. Поляки появляются в Москве. Вместе с Лжедмитрием идут шведы, немцы и много всяких других любителей поживиться за чужой счет.

— А дальше?

— Шведы. Северная война. Битва под Полтавой в тысяча семьсот девятом году. Предательство украинского гетмана Мазепы. Карл Двенадцатый ведь собрался идти на Москву. Следующий заезд — в тысяча восемьсот двенадцатом году, когда вся Европа под руководством Наполеона мерзла на смоленской дороге.

— Еще одна неудачная попытка — тысяча девятьсот четырнадцатый. Первая мировая война. Немцы, австрийцы, турки, — подхватила Виктория.

— Да что говорить о ста годах! У вас как-то не принято вдаваться в эти детали, но в сорок первом вместе с Гитлером против Советского Союза были почти все европейские страны: австрийцы, итальянцы, венгры, румыны, поляки, испанцы, — подливал масла в огонь Алексей. — Вы, русские, просто слишком добрые. И все быстро забываете.

— Надо же! — заметила девушка. — Но если верить вашей теории, то Запад вот-вот должен снова пойти войной на Россию, ведь у нас снова начало века. Сейчас тринадцатый год. И что-то я не вижу такого поворота событий. Русские наоборот работают с западными партнерами. Строят, торгуют. И, кажется, нет сейчас таких противоречий. И, наверное, не будет...

— Дай бог! Дай бог! — проговорил сдержанно Элпиадис.

Дорога заканчивалась просторной, вырубленной в склоне горы, парковкой.

Они покинули машину и, купив билеты в кассе, начали подъем. На высоте, в горах дышалось легче. Тропинка вела вверх и вверх, пока они не оказались среди знаменитых руин.

По ходу подъема Элпиадис рассказывал:

— В микенскую эпоху Дельфы уже были заселены. Потом, согласно мифам, бог Аполлон победил в этих местах змея Пифона, сына Геи, который охранял вход в Дельфийское прорицалище. Много веков слава о здешних предсказателях гремела не только по всей Элладе, но и по всей Ойкумене. Это был важнейший религиозный, духовный и культовый центр. Здесь проводились музыкальные конкурсы и знаменитые Пифийские игры...

Они поднялись на площадку, где стоял храм Аполлона. Алексей показал так называемый Пуп Земли — огромный округленный сверху камень, покрытый причудливым узором, остатки сокровищниц, украшенных богатыми рельефами.

— Посещал Дельфы и Александр Македонский. Спрашивал оракула об исходе своих походов, — добавил мазков к картине Алексей.

— А где происходило само, как бы это назвать, гадание или действие? — поинтересовался Олег.

— Предсказание, — нашла подходящее слово Вика.

— Ну да! Предсказание.

— А вот здесь! — И она в своем тоненьком голубом платье по-хулигански вскочила на сохранившуюся каменную платформу храма с торчащими по кругу остатками колонн.

Среди них она показалась Олегу еще более неземной, утонченной и юной.

Виктория сделала несколько театральных жестов, сурово насупилась, подняла тонкие руки вверх и начала что-то бормотать про себя...

Элпиадис пояснил:

— Технология предсказаний была отлажена... Жрица-пифия омывалась в священном роднике и спускалась в адитон — особую священную комнату. Пила там воду, жевала листья лавра и, сидя на треножнике, вдыхала дурманящие пары, идущие из расщелины в скале. От всего этого она впадала в транс и произносила бессвязные речи. А специальные жрецы-прорицатели толковали ее изречения, облекая их в стихотворную форму...

Эллиадис решил не идти дальше. И остался ждать их на площадке у храма. А Олег с Викой медленно пошагали по тропинке вверх, туда, где раскинулся древнейший стадион. Они поднимались все выше и выше, пока наконец не оказались почти на вершине. И уже отсюда увидели большую огороженную площадь, остатки каменных трибун, на которых сидели зрители. И еще какие-то каменные блоки. Весь древний стадион порос густой травой и был окаймлен хвойно-лиственным лесом.

Олег ощущал странную душевную близость с этой девушкой. И разговор у них, при всей его специфичности и историчности, получался какой-то особый, доверительный. Говорила она что-то простое, а он все равно чувствовал за словами тайну.

— Вот тут все и происходило! — рассказывала его юная спутница. — Здесь, — она показала рукой, — была отмечена дистанция. Тут они бежали. Причем уже в те времена были разные стили бега. На короткие дистанции — один. На длинные — другой. Мерой длины был стадий. Отсюда и слово появилось — стадион...

Пахло густыми травами, горячий воздух был насыщен хвойным ароматом. Они стояли здесь, в центре Эллады, и им было хорошо...

Но длилось это недолго. Уже возвращаясь вниз, Миров почувствовал привычный тревожный ход мыслей. И поддерживая спутницу за локоток, неожиданно даже для самого себя произнес:

— Сколько езжу по миру... А проще назвать страны, где я не бывал... и вижу: везде кипят одни и те же страсти. Где человеку найти успокоение души? Как выйти из этого горнила? Нет спасения нигде! И так было всегда! И в древние времена... И сейчас... нет покоя в душах!

Мгновенно став серьезной, его юная спутница задумчиво проговорила:

— Мы ведь в Дельфах... И я вам, как пифия, скажу кое-что: то, что вы ищете, наверное, есть на Афоне. В монашеской республике. Я, конечно, там не была, женщин туда не пускают. Но я чувствую. Святая гора, обитель Богоматери принимает всех. И лечит души. А Греция — она сегодня взбаламученная.

Обратный путь прошел в молчании. Они попрощались у отеля. И в этот момент Миров почему-то почувствовал, что из его жизни уходит какой-то важный для него человек.

III

Паром бодро и весело режет некрупную волну. Слева по борту вздымаются из воды крутые скалы с пустынными прибрежными пляжами. Выше берег зарос девственным лесом, который тянется, кажется, до самого горизонта. Справа в туманной дымке видны размытые очертания берегов. Солнце, море, скалы и живописные купола храмов, разбросанных там и сям, создают неповторимый, ни с чем не сравнимый облик Афона — монашеской республики, много веков существующей в этих краях.

Сопровождающий Мирова болгарин Дмитрий тоже необычен. Молодой гид одет во все черное, подпоясан кожаным ремнем с серебряной пряжкой и стальными колечками. На ней выбито изображение горы Афон и Матери Божьей. Парень давно не брит и серьезен, но глаза за стеклами очков восторженные.

Порекомендовал его Эллиадис. Сказал, что лучше Дмитрия никто не знает удел Богородицы и его обитателей: «Он поможет во всем. И обо всем договорится». Встретились они в Уранополисе, что в переводе с греческого означает «город неба». Поговорили перед дорогой. А на следующий день Миров, одетый как подобает — в брюки и рубашку с длинными рукавами — поджидал болгарина у офиса, в кото-

ром греческие чиновники выдают паломникам «диамонитирион» — разрешение на посещение монашеской республики. Дмитрий помог обойти длинную очередь из паломников. И вот уже сотрудник центра проверил паспорт Олега, заглянул в свою картотеку, принял двадцать пять евро и выдал плотный лист с непонятным греческим текстом и печатями. При входе на паром полицейский снова внимательно изучил их документы, и они оказались на судне: внизу стояли автомобили, а на верхней палубе и в салоне расположилась толпа мужчин всех возрастов и сословий.

Солнце припекает. Чайки носятся кругами, то падая к воде, то взмывая под облака.

Много монахов. Рядом с ними сидит один. Тощий, как былинка. На голове черная вязаная шапочка. На носу черные солнечные очки. Весь такой аккуратненький. С палочкой-костыликом.

«Неужели он чем-то отличается от меня? — думает Олег. — Неужели все эти люди знают что-то такое, чего не знаю я?»

А спутник тем временем вводит его в курс дела. Восторженно рассказывает о чудесах, творимых Богородицей в этих местах.

— История полуострова пестра. С далеких времен селились в этих краях мудрецы и поэты. Поклонялись своим богам. Курили им фимиам из века в век, из тысячелетия в тысячелетие. Все изменилось около двух тысяч лет назад, когда сюда, по преданию, приплыла Богородица. С тех пор эти места стали Ее уделом...

Олег вполуха слушал рассказ просвещенного спутника и никак не мог понять, хвастлив болгарин или по-детски прост. За короткое время общения Дмитрий успел рассказать, что учился в Швейцарии на гранты, знает десять языков, защитил докторскую, консультирует константинопольского патриарха. И в Грецию поехал работать по велению Богоматери.

— Я очень хотел. Но не было никакой возможности. Поэтому я горячо молился. И по моей молитве мне было дано. Вдруг неожиданно позвонили из управления. И сказали: «Есть место в Греции. Хочешь?» Я ответил: «Да!» Разве это не чудо?

Миров слушал крики летающих вокруг парома чаек и перекличку следующих на Афон пассажиров. Греки, сидевшие на палубе, трещали как сороки. А так как их языка он не знал, то ему только слышался какой-то стрекот: чи-чи-чи-чи!

Неожиданно Дмитрий обернулся к Олегу и жестом указал на оконечность полуострова — вздымающуюся из воды гору:

— Добрый знак. Видите облако над вершиной? Это значит, что Богородица сегодня здесь. Повезло вам. Такое очень редко бывает...

И действительно: вокруг — чистое синее небо, а над пиком — густое облако. «Может, и правда добром встречает меня Богородица?»

Паром круто повернул к непривычно пустынному причалу. На нем никого не было, кроме одинокого бородатого монаха с удочкой. Вокруг него тусовались с пяток разномастных кошек.

— Еще в конце десятого века был установлен запрет на посещение Афона женщинами и ввоз сюда животных женского пола, — пояснил Дмитрий. — Разрешено жить только кошкам. А то мыши съедят все, что можно...

Подхватив нехитрые пожитки, они вместе с несколькими паломниками и монахами сошли на берег. Там, метрах в трехстах, виднелись мощные стены Ксенофонтова монастыря. С него они и собирались начать свое путешествие по Святой горе.

По абсолютно раздолбанной дороге они добрались до ворот обители. У каменной стены обнаружился небольшой американский джип, на котором им и предстояло перемещаться в пространстве. Дмитрий позвонил кому-то. И минут через

пять появился черный молодой монах — принес ключ от машины и получил плату за аренду.

Дмитрий пояснил:

— Раньше они просто оставляли ключ в машине. Но тут было несколько случаев, когда приезжие нагло садились в пустой транспорт и уезжали. Теперь, как видите, ключи передают из рук в руки. Хотя здесь случайных людей не бывает, а едут только лучшие, но...

«И на старуху бывает проруха!» — додумал Олег.

Они положили вещи в салон и прошли в открытые ворота.

Монахья встретил их тишиной.

Перейдя двор, они оказались в древнем храме с толстенными каменными стенами, внутри которого хранится главная святыня монастыря. Перекрестившись, Дмитрий подвел Олега к иконе. Тот, подражая своему чичероне, тоже перекрестился и приложился к образу Богородицы...

Постояв в полутьме, прохладе и тишине храма, паломники вышли на улицу и направились в лавку, где монахи продавали иконы и церковную утварь. Здесь они неожиданно обнаружили целую стайку чумазых, босоногих, веселых мальчишек, которые носились по каменным плитам, играли в прятки и вообще создавали атмосферу довольства, жизни и свежести. И она, как ни странно, не диссонировала с общим фоном монастырской жизни и, очевидно, не раздражала монахов и послушников. Наоборот, они с радостными и довольными лицами наблюдали за возней детей и поощряли их игры.

Олега удивила такая ситуация, и он поинтересовался у Дмитрия:

— Я как-то по-другому представлял себе жизнь в монастыре. Все должны быть суровыми, занятыми и с утра и до вечера стоять на коленях! А здесь все как-то иначе?

Греко-болгарин улыбнулся и ответил вполне откровенно:

— Знаете, Олег Павлович, наверное, ваше представление сложилось из книг и разного рода рассказов несведущих людей. Может быть, повлияло то, что Русская православная церковь — организация очень консервативная, да и ортодоксальная...

— Может быть! — согласился с ним Олег, до конца не врубаясь в то, как связана атмосфера греческого монастыря на Афоне с таким весьма далеким и туманным понятием, как консервативность Русской православной церкви.

Но Дмитрий уже пустился в очередной пространный рассказ:

— Ваша церковь — это такой православный талибан в хорошем смысле этого слова. В шестидесятые годы у нас сложилась аналогичная ситуация — церковь была консервативна, а народ особо в нее не ходил. Они жили как бы параллельно. И чем дальше, тем больше рос этот разрыв. Пока... Пока в шестидесятых не началось среди греческой интеллигенции некое движение за обновление церковной жизни. Несколько тысяч художников, писателей, артистов, композиторов, музыкантов, то есть людей сугубо творческих профессий, ушли в церковь. Кто монахами, кто пастырями. И провели мощную реформу религиозной жизни. Их поддержали педагоги. А вслед за преподавателями вузов в церковь потянулись и студенты, молодежь. Храмы и монастыри наполнились жизнью. Новая волна принесла в церковь творчество, поэтому сегодня греческая община чувствует себя уверенно и на подъеме...

— Я тоже удивился, когда увидел, как таксист, который вез меня, остановился у храма и вышел из машины, а потом с поклоном перекрестился.

— Народ, если видит хороший пример, следует ему...

— Интересно! — согласился с гидом Олег.

— Сейчас у нас кризис, — продолжал Дмитрий, — всем чиновникам сократи-

ли зарплату, но никто даже не заикнулся о том, что надо уменьшить ее и служителям церкви.

— То есть они считаются на службе у государства?

— Да. Это и хорошо. Священник не должен думать о хлебе насущном и искать, где заработать. Он не должен зависеть от сильных и богатых. Его дело — воспитывать народ. А как он может воспитывать тех, от кого зависит?!

— Да, действительно, ваша жизнь построена по-другому, — заметил Олег, усаживаясь в монастырский джип, за который было уплачено триста евро аренды.

— Государство содержит только священников. На монахов это не распространяется. Они живут своим трудом, — будто прочитал его мысли Дмитрий.

* * *

Мощная машина несла их по каменистым дорогам. Вверх-вниз. От одного монастыря к другому. И в каждом их ждали чудотворные иконы, мощи, раритеты, истории, а главное — люди. Во время этого путешествия по «джунглям» полуострова у Олега Мирово было такое ощущение, будто он попал на другую планету.

В Иверском монастыре они увидели чудную картину: монахи — молодые и пожилые, безусые и бородатые — все разом расположились на травке во дворе и были заняты тем, что начищали до блеска светильники, священные сосуды и прочую золотую и серебряную церковную утварь.

В Пантократоре паломников накормили обедом из тушеной фасоли, кабачков и белого хлеба. На десерт дали дыню и арбуз и даже налили по стопарю сладкого греческого вина.

В Ватопедский монастырь они припоздали. Но по звонку Дмитрия добродушный улыбчивый греческий монах все равно открыл храм и вынес, чтобы они приложились, величайшую святыню христианского мира — пояс Пресвятой Богородицы. Да-да, тот самый, к которому выстраивались гигантские очереди в Москве и других городах России.

В общем, поездка удалась.

Конечной целью был русский Пантелеймонов монастырь.

По дороге к нему Дмитрий посерьезнел, даже загрустил. Только что он рассказывал, как в самолете рядом с ним летели «на работу» румынские карманники и хвастались, что теперь, когда Румыния вошла в Европейский союз, они имеют возможность ездить без виз по всем столицам и воровать у тамошних граждан не по наитию, а строго по графику, чередуя Брюссель, Париж, Лондон, Вену. Но, увидев шлагбаум на дороге, осекся на полуслове и перешел на другой тон.

— Это уже земля русского монастыря. Видите, первое, что они делают, — отгораживаются от мира.

Преодолели «полосатого стража» и оказались на хорошей трассе, явно недавно проложенной за немаленькие деньги. Проехали по ней дальше. Дмитрий как-то заволновался:

— Раньше они не пускали никого на машинах аж за два километра. Теперь шлагбаум сняли. К чему бы это?

Пантелеймонов монастырь был как с иголочки. Все в нем было новехонькое, сияло, блестело.

Олег шел по аллеям с аккуратно подстриженными деревьями и удивлялся:

— Говорят, Ватопед — самый богатый. Да он с нашим рядом не стоял! Чистый новодел! А я-то думал, у нас руины!

— Это потому, что сюда навещался Путин. И очень часто монастырь посещают самые высокопоставленные чиновники России. Они его и облагодетельствовали, — объяснил Дмитрий. — Дали средства на все.

Олег увидел встроенный в старинное здание храма на горе огромный лифт и понял, что денег здесь не считают. Они поднялись наверх, туда, где во вновь отделанной церкви шло богослужение. И здесь Олег явственно понял, в чем разница между греками и нами. Она читалась в лицах монахов. Не было на них улыбок и радости. Наши монахи выглядели хмурыми, торопливыми и как-то странно настороженными. В своих черных рясах они вдруг сильно напомнили Олегу Павловичу охранников... Но что есть, то есть.

— Здесь очень жесткий настоятель! — шепотом говорил Дмитрий, когда они потихоньку шли по церкви, чтобы приложиться к иконам.

Постояв минут двадцать, послушав пение, они спустились вниз.

Дмитрий куда-то позвонил, и из длинного корпуса им навстречу вышел один из монахов. Худой, бледный, болезненной белизной контрастирующий со своим застегнутым на все пуговицы черным нарядом. Этот брат тоже показался Олегу несчастным и недовольным...

Олег Павлович душевно попрощался с Дмитрием и остался наедине с братом Серафимом, который повез его в гостиницу при монастыре.

* * *

Первое ощущение не обмануло Олега. Монастырь был, можно сказать, крутой. Величавый и огромный. В принципе, в нем могли бы жить тысяча человек. Но славные потомки Одиссея явно не хотели, чтобы здесь процветала возрождающаяся Русская церковь, и греческое правительство строго ограничило численность русских иноков. Восемьдесят человек. И не более.

Утром Миров вышел в зеленый, похожий на сад широченный двор монастыря и понял, что «не попал» в ритм жизни. Хмурый привратник у ворот объяснил: в монастыре ложатся спать в восемь вечера, а уже в два ночи встают на утреннее богослужение.

— А сейчас служба уже закончилась, и все разошлись по своим послушаниям...

Заранее наученный Дмитрием, как надо входить в новую жизнь, чтобы никого не напрягать и не напрягаться самому, Олег Павлович без лишних вопросов сказал:

— Хотелось бы потрудиться на благо обители.

— А пойдите во-он туда, где дверь открыта. Там сидит заведующий хозяйством. Он вас и определит.

Миров так и сделал.

— Потрудиться? — переспросил его басистый «завхоз». И голос его гулко прозвучал под сводами. — Это можно! Есть у нас несколько работ. На выбор. Сейчас идет заготовка крапивы. Есть дела в костнице¹. Можно и на огород...

Миров мысленно нарисовал себе картинку, как он голыми руками собирает крапиву и решительно произнес:

— В костницу можно?

В общем-то он, конечно, не представлял себе, что это такое. Но это наверняка лучше, чем собирать крапиву!

— Можно! Конечно, можно! — ласково забасил в окладистую бороду заведующий хозяйством. — Вы идите к себе в келью. За вами придут.

Он лежал на жесткой кровати в своей гостевой келье. Стол. Стул. Коврик. Распятие. И прислушивался к отдаленному стройному пению. Думать ни о чем не хотелось. «Как будет, так будет! Что впереди, то впереди!»

¹ Костница (синоним лат. слова *оссуарий*) — место или же здание для хранения скелетированных останков.

Стук в дверь поднял его с лежанки. На пороге стоял маленький монашек:

— Это вас определили ко мне? — монашек оглядел статного молодца, который напросился ему в помощники. — Вы переоденьтесь как-то попроще, — сказал он, — работы много. Я подожду за дверью...

Пока они шли по коридорам и лестницам к загадочной костнице, брат Илиодор бойко рассказывал о сути дела:

— Братия у нас тут в основном пожилая, хотя в последнее время в обитель потянулась и молодежь. Работы бывает много.

Тут-то и выяснилось, что хоронят монахов по-особому. Умер. Зашивают в рясу и так погребают на монастырском кладбище. Ставят крест — отметку. А через три года захоронение разрывают. К тому времени плоть истлевает, череп и кости извлекают из могилы, промывают, вытирают насухо и разбирают. Разобрав, черепа полируют. А остальное расфасовывают по ящикам: руки, ноги...

Вот сегодня на них был возложен урок — достать брата Мафусаила.

От такой перспективы Олегу стало не по себе, а сбор крапивы показался детской забавой. Но было уже поздно, как говорится, назвался груздем — полезай в кузов!

Они взяли лопаты, прихватили деревянный ящик и спустились к монастырскому кладбищу. Это был участок земли, не густо, но основательно усеянный крестами, — без всяких лишних слов, эпитафий, цветов и венков, которые украшают обычные кладбища. Только зеленая травка и деревянные кресты.

Илиодор прочитал молитву. А затем по едва заметным и понятным только ему самому признакам нашел нужное захоронение. Отмерил шагами расстояние и, показав Олегу точку в траве, легко сказал:

— Тут копай!

Миров взялся за лопату, поплевал на ладони и начал вгрызаться в сухую афонскую почву.

Наконец лопата тупо уперлась во что-то. Олегу стало дурновато.

Но инок, уловив его состояние, подбадривал всеми способами.

Еще с десяток минут интенсивного совместного труда, и маленький, худой, с растрепанной бородой напарник, заглянув в яму, сказал:

— Ну, брат Мафусаил, готов. Созрел за три года! — И пояснил недоумевающему Олегу: — У нас так считается. Если истлело тело быстро, значит хороший, святой жизни был человек.

— А если нет? — спросил Олег.

— Тогда закапываем обратно. Будем ждать.

И дал команду:

— Бери за тот край ящика! А я — за этот. Понесли в костницу! Там разберем, расфасуем брата!

Понесли. Положили на специальном столе. И инок Илиодор торжественно достал череп с крепкими, словно и не старческими зубами:

— Вот что осталось от человека! Все прах и тлен!

В костницу заглянул и вошел по какой-то надобности полный жизни краснощекий с пушистой, как мох, бородой плотный монах.

— Брат Мелхиседек? — спросил вошедший.

— Мафусаил! — ответил Илиодор, обмывая череп.

— Ох, помню, шутником он был! Любил потешаться надо мною. Проказничал, хотя и был уже в возрасте. Помню, как-то разбудил меня ранним утром. И говорит: «Вставай быстрее! Там за тобой пришли!» Я спросонья понять ничего не могу. Кто? Что? А он говорит: «Там, за дверью стоят. Иди!» Я встал, подошел. Дверь кельи открыл. А там... никого. Обиделся и говорю: «Зря ты так, брат. Нет там никого». А он так серьезно: «Проспал ты. Там бесы стояли...» А потом как прыснет в кулак. И побежал...

— Да, шутить любил он, — согласился брат Илиодор, любовно разглядывая череп и устанавливая его на стол.

Затем достал кисточку, обмакнул в краску и начал выводить прямо на лбу: «Схимонах Мафусаил. Скончался в 2010 году».

Закончив работу, полюбовался надписью и поставил новообретенный череп на полку, неброско украшенную цветочными узорами. В общий ряд с сотнями других черепов, стоящих в шкафах и на полках вдоль стен.

Мирову, который будто в прострации смотрел на это грустное и захватывающее зрелище, инок пояснил:

— Видишь, у того кость светлая, желтоватая! Праведным, значит, был он при жизни. Ну, давай будем доставать остальные. Ты крупные, берцовые очищай от трухи. И вон в те ящики складывай. А я буду мелкие собирать. Работы много. Только поспевай, не зевай... Будешь хорошо работать, я тебе потом покажу место, где плакал Путин, когда приезжал к нам. О, тогда такая встреча была. Мы его встречали как императора России. Великий человек.

Так в трудах праведных прошел первый день Олега Павловича Мирова на Святом Афоне.

Потом в большой общей трапезной они отобедали. На первое были щи из крапивы. На второе — тушеные овощи.

«Да, это не как у греков! — думал Олег. — Тут порядочек дай бог!»

После этой трапезы Миров вполне усвоил основы жизни иноков на Святом Афоне: «Есть как можно меньше. А работать и молиться как можно больше».

Перед тем как идти в храм на ночное богослужение, он исповедался.

В храме стояла тишина и благолепие. А главное, было где сесть. Вдоль стен стояли деревянные кресла — подставки (стасидии), которые поддерживали молящихся во время длинных богослужений. Но увы и ах! Есть где сесть, да не про его честь. Все места уже были заняты.

И он понял, что тут тоже жизнь — варезку не разевай!

Так что, простояв всю долгую службу, он, абсолютно измученный и измотанный, отправился к себе в келью.

Понял он и то, что монахи все же люди и не чужды обычных человеческих слабостей. Когда он, ничтоже сумняшеся, захотел поездить еще и по другим греческим монастырям, то Илиодор, с которым они по-человечески сошлись, предупредил его:

— Ты у греков иконы не покупай! У них не то!

Оказалось, что наши насельники ревниво относились к этому делу и сражались за покупателей истово. Хотя чем их иконы отличаются от тех, что продаются в греческих лавках, Олег так и не понял. Разве что ценой. У наших дороже.

Прошло какое-то время. Миров пригляделся к жизни. Сначала он удивлялся. Потом возмущался. А затем смирился: в чужой монастырь со своим уставом не лезь! Плохо было то, что жесткая, почти палочная дисциплина, суровый, аскетический образ жизни, постоянный голод так и не дали ему главного — духовного успокоения. Не ощущал он того света, тепла и любви, которых ожидал и которыми хотел напиться, чтобы строить свою жизнь заново. «Нет благодати!» — думалось Олегу. А раз нет благодати, то и ждать ее, сидя на месте, он не захотел. И решил Олег Миров идти дальше. А из монастыря куда можно дальше? Известное дело — в скит. В глухой заброшенный скит, которых здесь, на Афоне, немеренное количество. И никто толком здесь не знает, кто в этих скитах живет и чем занимается. Так что съездил он в «столицу» Афона, сходил в единственный на всю республику магазин, запасся продуктами. И одним ранним, еще прохладным утром вышел с котомкой-рюкзачком из ворот Пантелеймонова монастыря. Поклонился. Перекрестился на купола. И пошел... по тропинке в гору.

Это строение на склоне горы сначала показалось ему кучей камней. Белых камней. Но когда он пригляделся, то понял, что это хижина. По дороге сюда Олег уже встречал несколько таких же вот заброшенных, а возможно, просто запущенных скитов.

Он постучал со словами:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Из-за двери донеслось хриплое:

— Аминь!

Миров открыл скрипучую дверь. После яркого солнца снаружи в полутьме закрытого помещения он почти ничего не видел и только через некоторое время начал различать белое пятно у противоположной стены кельи.

Там за столом сидел сухой, но крепкий мужчина со спутанными волосами и белой бородой. Одет он был в залатанную выцветшую черную рясу с закатанными рукавами, на ногах красовались плетеные тапки. Перед ним на затертом деревянном столике стояла бутылка с маслом и лежало несколько луковиц.

Хозяин оглядел вошедшего с головы до ног, понимающе кивнул и, неожиданно энергично потряхивая белой гривой, спросил на чистом русском языке:

— И что здесь, на Святой горе, ищет брат масон? Что он здесь потерял?

Миров растерялся и даже уронил рюкзак, который держал в руках. «Откуда он узнал? Кто он? Шпион? Хитрец? Шарлатан? Святой?!» — пронеслось у него в голове.

Улыбнувшись, старец (так для себя определил он звание этого человека) ответил на эти незадаанные вопросы:

— Все просто! Только масоны переступают порог с левой ноги. Таков уж их обычай!

Олег выругался про себя. И уже спокойно представился:

— Миров Олег Павлович! Паломничаю! Ищу мира в душе...

— Тогда ты зря сюда пришел! — ответил ему старец. — Здесь, на Афоне, нет мира. Здесь идут великие духовные битвы! И мир искать в этих краях — последнее дело. Впрочем, проходи, человек, в мое скромное жилище. Видишь, и я в борении. По идее, тебя как масона я должен изгнать отсюда. Но я переборол свое желание. И приглашаю тебя войти. Заходи! Садись! Можем даже перекусить чем Бог послал.

Миров последовал его приглашению и присел на лежанку возле стола. А сидящий напротив человек наконец представился:

— Зовут меня отец Анатолий. А в миру звали Анатолий Казаков. Служил я в спецназе КГБ. Дослужился до подполковника. А потом понял, что не тому Богу служу. И ушел в монастырь. Но и там бесы пытали меня. И теперь я испытываю себя здесь, на Святой горе Афон. А ты кто таков, человек? Вижу, что не из простых. Впрочем, если нет желания, можешь и не рассказывать. Садись к столу. Правда, у меня ничего, кроме оливкового масла и лука, нет. Ну, чем богаты, тем и рады!

Через несколько минут они уже, сидя друг напротив друга, макали луковицы в тарелку с разлитым на доньшке оливковым маслом и хрустели ими, закусывая выложенным Мировым хлебом.

— Живу с огорода, который сам и посадил за кельей! — рассказывал о своих подвигах отец Анатолий. — Не сегодня-завтра пойдет новая волна урожая... А пока вот так вот. Поцусь. Да, оно, может, и правильно делается. Борюсь с бесом. Был я монах. И было такое у нас дело. По поручению правящего архиерея участвовал я в розыске церковной реликвии вместе с мирскими. И полюбил одну женщину. Да

так полюбил, что разум потерял. Себя потерял. И такой в моей душе наступил раздрай, что Спаси Господи! Как я ни молился, как ни постился, не мог ее забыть... И тогда решил я услышать волю Божией Матери. Пойти сюда. На Афон. И здесь, в пустыне, выслушать в посте, трудах и молитве Ее наставление. Узнать, есть ли в моей любви грех, или она послана Ею на радость мне. Жду знака уже который год. По знаку и определю свою дальнейшую стезю... А тебя что сюда привело? Откровенность за откровенность...

Миров коротко, стараясь не рассказывать лишнего, сообщил, как разочаровался в масонстве и решил поискать духовного отдохновения в этих краях. На откровенность его не тянуло, и говорил он, понимая, что если промолчит, то вряд ли «безмянного» человека хозяин оставит ночевать у себя в келье. А он устал и надеялся у старца передохнуть. Остался в итоге и ночевать. Под голову подложил рюкзак. А сверху на лежанку подстелил тоненькую поролоновую подстилку.

К утру сильно похолодало. И он, свернув калачиком свои метр девяносто два, тоскливо думал: «И чего я здесь делаю? И чем все это кончится?»

Он чувствовал себя заброшенным далеко-далеко. Какой-то песчинкой, никому не известной и никому не нужной. Что по сути дела так и было.

«Жил-жил, — думал он, прислушиваясь к шорохам ночи, — а счастья не нашёл. А что такое счастье? Это раньше-то я думал, что счастье в том, чтобы чего-то достичь, получить, победить. А теперь? А теперь понимаю: оно должно быть где-то внутри. В себе. А я его не нахожу. Мутно внутри меня. Бродят какие-то несуразные мысли. Мотают, обжигают душу воспоминания. И никак не приходит то удивительное, памятное по молодым годам ощущение ясности бытия и того тока силы и радости во всем теле! Не дается оно мне. Не приходит. А когда нет этого самого божественного тока силы в становом хребте, и жизнь оказывается тоже «не в жилу».

Утром он встал совсем разбитым, вышел из кельи... А тут красота! Солнце высоко. Рядом с кельей течет звонкий ручеек. А вдаль море — от горизонта до горизонта.

Остался Олег Павлович у бывшего спецназовца. Стали жить-поживать: помогают, кто как умеет, и за работу, в огород. Потом поедят — и опять трудиться.

Наступает вечер. Выходит на темном, звездном небе луна. Цикады стрекочут. А они сидят на скамеечке у кельи и ведут разговор.

О прошлом не вспоминают. Что говорить! Оба — бывшие офицеры. Оба ищут себя. Потому разговор соответствующий. Можно сказать, духовный.

Отец Анатолий закоперщик, а Олег больше слушает да помалкивает или поддакивает.

— Все говорят о любви к Богу, — будто отвечает сам себе на какие-то непростые мысли отец Анатолий. — А ведь мы созданы по образу и подобию Его. Значит, надо любить нас. Людей. Ближних своих. Но ведь ближе тебя самого у тебя нет никого! Значит, надо начинать с себя. В первую очередь полюбить себя! Принять себя таким, каков ты есть! А у нас не получается. Вот отчего мы так мучаемся. Ну, ты, например. Оттого, наверное, в первую очередь, что ты себя сам не принимаешь?

Миров слегка задумался:

— А что, я не люблю себя, что ли?

— Не похоже...

— Почему? Докажи! — Миров даже слегка взволновался.

— Если бы ты любил себя, разве позволил бы сам себя разрушать?

— Как разрушать?

— Ну, такими вот мыслями тягостными. Ведь чуть сам себя не порешил! И сейчас вроде нашел или ищешь новый путь в своей жизни. А сам полон сомнений. Не спишь ночами.

— Значит, если мучаешься, сомневаешься, то себя не любишь? Так по-твоему, Анатолий?

— И не только себя, но и ближних своих!

— Докажи!

— Пожалуйста! — Старец встал на ноги. Сделал несколько разминающих движений: — За последние две тысячи лет столько сказано о любви к ближнему своему, что люди окончательно запутали этот вопрос. И за любовь принимают бог знает что. Вот семья. Муж, жена — плоть едина. Живите, радуйте друг друга. Ан нет! Самые кровавые дела — семейные. То и дело слышно: убил из ревности, бьет — значит любит! Вот и множатся скандалы. Льется кровь. Разве это любовь? А родители и дети? Тут уж, кажется, все, родная кровинушка. Все хотят друг другу только добра. Нет места злобе и ненависти. И что же? Например, мать желает, чтобы у дочери была жизнь лучше, чем у нее. Для этого учит музыке. Заставляет тренькать на фортепиано. Ей кажется, что для дочери это и есть путь в жизни. А дочери это не надо. И учеба превращается в ад. С криками, ежедневной руганью... Со временем обе становятся истеричками. Тещи «любят» дочерей. А расплачиваются за эту «любовь» зятя. Свекрови «любят» сыновей. И мучают невесток. Это частная жизнь. А возьми религиозную. Церковь «любила» паству. И «во имя спасения их душ» пытала, сжигала прихожан на кострах...

Что говорить о политике? Гитлер «любил» немецкий народ... Чем его «любовь» обернулась для Германии — теперь знают все. А коммунисты... гнали людей к счастью буквально насильно. Где же тут любовь? Нет ее. А есть только собственные комплексы и жажда власти над другими людьми. А почему так? Да потому, что все эти люди ущербны, жаждут управлять другими, использовать их для своих эгоистических целей. Поэтому я говорю: прежде чем «любить» ближних, надо «полюбить себя». А что это значит? Очистить себя! Привести душу в порядок. Очистишься — и станет намного легче. Избавишься от страхов, комплексов, ненависти, злобы, зависти, гордыни. Вот тогда и только тогда можно заводить разговор о любви к ближним.

От этого разговора старец даже слегка разгорячился. А Олег Павлович молчал. «Да, интересно он ставит вопрос. Значит, если любишь себя, то заботишься о себе. И в первую очередь — о своем духовном здоровье. А потом любишь другого бескорыстно? У меня такое есть?» — спрашивал себя он. И сам себе откровенно ответил: «Нет, наверное. Хотя почему же нет? А в молодости? Боже мой! Татьяна! Да это было что-то невообразимое. Ради нее я готов был на любые жертвы. И хорошо же нам было вместе тогда! Так хорошо, как никогда потом в жизни! И куда все ушло?... Эх куда меня занесло! Но это так! Старец прав. А я-то дурак! Как я не догадался о такой простой вещи...»

* * *

Так в трудах телесных и душевных шли дни.

Олег пытался достичь успокоения души и, наконец, обрести радость жизни.

Часто во время ночных бдений он ворочался на своем жестком ложе, стараясь изгнать тяжелые, как камни, мысли. Потом, не найдя успокоения, вставал, выходил на улицу и долго сидел на ветхой скамеечке у двери кельи.

Глядел на небо, на мириады тихо мерцающих звезд. И, шаря глазами по этим мириадам, он думал о том бесконечном, вечном и таинственном, что таило в себе это звездное небо. Порой он с радостью узнавал какое-нибудь созвездие, которое запомнилось ему то ли из школьной программы по астрономии, то ли со времен службы на флоте. В такие минуты он следовал совету нового друга-наставника и пытался, глядя в синий сумрак неба, сделать то, о чем рассказывал ему Анато-

лий. Иногда это ему удавалось, иногда нет. На какое-то время грясина мыслей расступалась, показывалась чистая вода. А потом «болото» затягивалось зеленой ряской. И ум снова начинал засоряться ненужными мыслями. Он возвращался обратно в скит, где, стоя на коленях, молился отец Анатолий.

В одно из таких ночных бдений, закончив молитву, Анатолий поднялся с колен и проговорил:

— Вижу, что ты хочешь у меня что-то спросить, но опасаясь?

— Вроде все делаю, как ты говоришь. А толку чуть! Вроде откроется тишина... А потом все сначала! Как удержать ее?

— Так и должно быть! — со знанием дела заметил отшельник. — Проблема в том, что очистить сознание от ненужного хлама — первый шаг. Но есть и второй — заполнить очищенную чашу новым содержанием. Чистой водой, которая и начнет приносить тебе радость. Такой водой является творчество.

— Какое творчество?

— Любое! Ты думаешь, я просто молюсь? Я создаю себя заново. Творю себя! И это дает мне возможность чувствовать радость жизни, ту самую благодать. Преодолеваю вот очередной барьер внутри себя. Добился нового расширения сознания. Вот говорят о Боге. Он, мол, всемогущий, всеблагий, всезнающий... Но многие забыли об еще одной его ипостаси. Бог — Он еще и Творец! Он сотворил этот мир, нас, планету. И процесс этот продолжается. И Он требует, чтобы мы стали ему помощниками, сотворцами. Каждый на своем месте. В своем деле. Да и не только Господь, само время требует от нас этого. Однообразную работу начинают делать машины. Уходят в прошлое многие профессии... Чем должны заниматься освободившиеся люди? Только потреблять? Нет, конечно. Они должны творить! Ведь еще у Карла Маркса записано, что при коммунизме самым большим богатством будет что? — Он внимательно смотрит на Олега.

— Что? — переспросил тот, явно не понимая, куда «гребет» его визави.

— Самым большим богатством будет свободное время человека, — назидательно ответил отец Анатолий. — Сейчас его появляется все больше и больше. Но на что люди его тратят? Они действуют по древнему принципу — больше «хлеба и зрелищ». Хлеб добывать стало легче, а зрелища всегда при нас: телевизор, компьютер, телефон... Мы стремительно приближаемся к идеалу общества потребления. Если так пойдет, скоро каждому вживят чип, который всю жизнь будет транслировать в мозг зрелища. Любые — спортивные, ток-шоу, концерты, игры. Человек будет всю жизнь лежать на кровати. В рот ему вставят трубку, по которой будет поступать вкусная и здоровая пища. А из задницы через другую трубку будут собирать отходы, так сказать, производства...

Миров попробовал робко возразить:

— Как-то грустно... Может, не совсем так...

На что разгоряченный проповедью Анатолий загремел:

— Так! Так! К этому все идет. Но разве это достойно человека?! Вспомним знаменитую евангельскую притчу о зарытом в землю таланте. Он дан каждому. И приумножить его, использовать в интересах людей — вот что мы должны сделать. Время требует — каждый должен становиться творцом. Пишите стихи, рисуйте картины, делайте компьютерные программы... В любой сфере жизни можно творить. Воспитание детей, украшение быта, работа в саду... Да что говорить-то — все можно делать творчески. Так и в твоём случае, брат. Ты говоришь, что успокоение приходит и уходит. Это так. Надо, чтобы оно переросло в другое качество внутри тебя. Чтобы тяжелые и тревожные мысли вытеснялись другими, творческими вибрациями... Знаешь, как бывает в молодости: когда приходит первая любовь, ты уже ни о чем, кроме нее, думать не можешь. Было у тебя такое?

Олег ответил твердо:

— Да, было. Было это безумие!

— Вот так же ты должен снова найти это состояние. Оно может проявляться во всем. В том числе и в творчестве, в любви, в семье, в воспитании детей.

Жизнь продолжалась.

Огород, оливковые деревья кормили, но и требовали постоянных трудов.

Между тем растительная пища давала возможность не голодать. И только. Вот как-то отец Анатолий посетовал:

— Недоступна здесь пища животного происхождения, кроме рыбы. А иногда хочется и молочка попить, и яйцо всмятку употребить.

Олег, похудевший так, что и рубаша, и штаны на нем висели, подхватил тему:

— Может, тогда, тысячу лет назад, когда люди были проще и откровенней, запрет держать здесь животных женского пола и был оправдан. Но теперь вроде народы цивилизовались. Можно бы тот запрет и отменить совсем.

— Цивилизовались! — усмехнулся Анатолий. — В том, что гомосексуализм легализовали? Клонирование изобрели?

— Ну, зачем же так? — начал Олег Павлович. — Вот изобрели клонирование, и теперь можно обходиться в размножении без слияния.

— Клонирование! Это сатанинская штука, направленная к гибели человечества!

— Это почему так?

— А потому, что когда двое людей сливаются в любовном экстазе, появляется третья жизнь. С новыми качествами. Можно сказать, происходит творение жизни. И когда в существо вселяется душа, то этот человек снова движется по пути совершенствования духа. А ведь смысл нашей жизни как раз в этом. Не в накоплении богатства, не в работе, а в совершенствовании души. Чему, кстати, способствует творчество. Ведь нет смысла жизни как конечной точки, как цели, которую надо достигчь. Нет и не может быть — по определению. Все в этом мире движется, меняется, совершенствуется. Автомобили, самолеты, ракеты, корабли, способы связи... Это общий закон. Общий и для человека. А клонирование — это повторение. Мертвое копирование тела. Без духа.

* * *

Третий день подряд над окрестностями висел густой туман. Висел внизу, закрывая панораму гор и моря. Висел над горою. Иногда пеленой. Иногда клоками.

Из окна кельи земля вокруг казалась белой и пушистой, как и небо. Только небо было светлей.

Уже с утра Мировым овладела томящая, расслабляющая лень. Откуда пришла? Как родилась? Вчера был бодр, весел. И все делал как-то удивительно легко, без напряжения. С удовольствием. Собирал хворост, варил овощи, медитировал и молился. Даже когда отекали ноги и деревенела спина от стояния на коленях, он, довольный, с ощущением некоторого торжества в душе валился на лежанку и извивался на ней в разных «змеиных» позах, разминая застывшие мышцы.

Радость в душе то приходила, то уходила. И Миров, пытаясь ее поймать, никак не мог окончательно сосредоточиться на пустоте.

Видя его метания, старец присел на скамеечку напротив и спросил, как у ребенка:

— Что, никак?

— Да я уж изо всех сил бьюсь над собою, — ответил Миров, — даже злиться начинаю.

— Я вижу. И вот что я тебе скажу. В этом мире множество путей. И не бывает так, что все они совпадают. Иной пятьдесят лет сидит в схиме, в затворе или пещере. А дойти не может. А иной находит этот путь в одно мгновение. У каждого человека бывают в жизни такие мгновения единения с Богом. Особенно в детстве. Вспомни их. Вспомни, когда у тебя в жизни был этот покой и эта радость. Когда ты хотел, чтобы эти мгновения не кончались.

Сказал. И ушел по делам.

А Миров лежал и перебирал те немногие мгновения своей почти полувековой жизни, которые запали в его душу: «Может, когда уходил из Таганрога! Или в детстве? Да, в детстве, кажется, что-то было такое!»

Солнечный, яркий день. Деревья пронизывают лучи. Он — ребенок в острокопечном шлеме, с деревянным мечом в руке. Только что он, Иван-царевич, победил Кощея Бессмертного. Да-да! Он точно помнит эти мгновения, когда понял, что он — не Олешка Мировой, а царевич. Настоящий, подлинный. И это ощущение знания. Полета. И все заливающей радости. Но это было и прошло. А когда же было еще? И долго. Это с нею, с Татьяной. Лейтенантская юность. Набережная севастопольской бухты. Они стоят обнявшись. И он ощущает это всем телом. Этот ток энергии и любви, радости, жизни, который пронизывает их обоих с ног до головы.

Вот когда это было! С нею! Когда они сливались в одно целое... Тогда это приходило к нему. И он не мог оторваться от нее. А она — от него. И счастье, казалось, продолжалось вечно...

Скрипнула дверь кельи. Снова вошел Анатолий. Положил охапку хвороста к печке. Внимательно посмотрел на оживленное, зарозовевшее лицо Олега. И неожиданно так сказал:

— Твой путь — это путь любви, — и добавил: — Где потерял, там и ищи!

А у Мирова в это мгновение в голове пустота. И неизвестно откуда пришло видение:

— Знаешь, а я вспомнил и, кажется, знаю, — сказал он.

— Что вспомнил? Что знаешь?

— Ну, твою историю! Ответ для тебя!

— О том, что я монах? И женщина — Мария?

— Да! Но не только это! Слушай! В тысяча девятьсот сорок пятом году в египетской пустыне было найдено апокрифическое Евангелие от Филиппа. В нем сказано: «Господь любил Марию более всех учеников, и он часто лобзал ее уста. Остальные ученики, видя его любящим Марию, сказали ему: «Почему ты ее любишь более всех нас?» Спаситель ответил им: «Почему не люблю я вас, как ее?.. И чертог брачный — не для животных и не для рабов и женщин оскверненных. Но он для мужей свободных и дев». И еще вспомнил я, что видел в музее истории религии тоже апокрифическое Евангелие от Марии Магдалины. В нем на десятой странице апостол Петр сказал Марии: «Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил тебя больше всех прочих женщин. Скажи нам слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали?»

Мария ответила...

— Это правда?! — неожиданно вскочил с места Анатолий.

— Зачем мне врать? Да еще здесь! На Святом Афоне. Помню я еще, но уже менее точно, что шла большая дискуссия среди апостолов. О первенстве. И был разговор о том, что Спаситель считал, что именно Мария Магдалина должна построить церковь... Но Петр сильно нападал на нее. И, судя по всему, последователи Петра и «патриархата» одержали верх. Ну, а дальше ты, наверное, сам знаешь из истории. На Никейском соборе император Константин вынес решение в пользу тех, кто считал, что Иисус был Богом, а не человеком...

Но Анатолий уже не слушал его. Он упал на колени и громко закричал:
— Значит, правильно сказано! Никто никому не друг и не враг. И никто никому не брат. А каждый человек другому человеку учитель! Вот ты и пришел ко мне! Привела тебя ко мне Богородица! Дала знак. Твоими устами! Я думал, что я тебе учитель! А оказалось, и ты мне учитель!

V

За окном самолета, далеко внизу, синим покрывалом раскинулось море. Не Средиземное, а его родное Черное море. Отсюда, сверху, видны контуры его берегов и плывущие по воде тени облаков. Сами облака тоже далеко внизу. Стелются, летят цепочкой над горами, водою, бездумно плывут, не зная, куда.

А он знает, куда летит! Он летит в Киев! И дальше его маршрут пойдет оттуда на полуостров Крым. К Татьяне!

Но в эти минуты он думает не о ней. Он вспоминает последний разговор со старцем Анатолием. Когда Олег совсем уж собрался уходить, тот спросил:

— Как же ты выберешься отсюда? Денег-то, небось, нет?

Миров пожал плечами. Сейчас он жалел о том, что, отправляясь в паломничество, не оставил достаточно денег на обратный путь. Думал отказаться от соблазнов.

Ответил же просто:

— С Божьей помощью!

Анатолий хмыкнул скептически, полез куда-то за печь и достал сто евро. Протянул ему:

— Это последние. Берег для себя. Но тебе они нужнее.

Тронутый его поступком, Миров хотел отказаться. Но Анатолий так смотрел на него, что рука сама потянулась к купюре.

Анатолий сел и начал целую речь:

— Я тоже, как и ты, думал ранее, что если человек отказался от имущества, денег, то он прямо в рай сразу попадает. Но сейчас я вовсе так не думаю. А почему?

— Почему?!

— Да потому, что деньги не зло. И не добро. Деньги — это, скажем условно, эквивалент сгущенной энергии. И если ею, этой энергией, управлять правильно, то деньги могут сделать очень много для творческого развития человека. Вопрос в том, как ты к ним относишься. Если трясешься от жадности и алчности и ищешь денег, чтобы тешить свое тщеславие, чревоугодие, жажду власти, тогда деньги — зло. Если же они помогают тебе духовно расти, помогают расти другим, окружающим тебя людям, это совсем другое...

— Как-то сложновато будет, — задумчиво заметил Миров.

— Можно проще. У тебя тысяча рублей. Ты можешь купить на них бутылку и закуску. А можешь — билет в музей. И не только для себя...

— Да, куда уж понятнее! — протянул Миров и положил сотню в карман.

— Смело пользуйся тем, что у тебя есть. И не заикливайся на сомнениях. Пешком туда, куда ты собрался, и в год не дойдешь...

Старец Анатолий поднялся и обнял его:

— Прощай! Бог даст — свидимся!

* * *

Самолет начал разворот при заходе на посадку. В этот миг Олег вспомнил свою первую встречу с Таней. Смешно началось их знакомство. Его, молодого лейтенанта, прибывшего на службу, комендант определил в офицерское общежитие. Вещей у него после училища было немного. Одна смена гражданки. Форменные

брюки, рубашка, туфли. Вот он, разложив свое бахолошко на кровати и развесив на плечиках в шкафу, решил, что надо погладить форменную рубашку.

Он спросил у соседа по боксу, есть ли тут утюг, и, получив утвердительный ответ, отправился по длинному коридору мимо общей кухни, пока не уткнулся в дверь с надписью «Гладильная». Зашел. И...

Она стояла к нему спиной и что-то гладила.

Только утюг шипел.

Олег окинул плотоядным взором всю ее фигурку: стройные ноги, округлые, крепкие ягодицы под колышущимся тоненьким платьицем из ситца. Перевел глаза на смуглые плечи, тонкую шею, точеную головку с собранными в пучок черными волосами.

Она была совершенна. Как спелая черешенка.

Он постоял-постоял. И кашлянул, чтоб не испугать девушку своим неожиданным появлением. Та обернулась. И Олег увидел огромные круглые очки, придававшие ее лицу с узкими черными глазами сходство со стрекозой. Черную челку. И светлую улыбку.

Да-да, именно такой была она. Веселой, озорной, неунывающей. Девушка рассмеялась, показывая белые зубы. Два передних распахались чуть-чуть «наберень».

И Олег понял в тот же миг, почему она рассмеялась. Просто прочла на его лице всю гамму чувств: изумление — никак не ожидал увидеть здесь, в Севастополе, маленькую восточную девчонку; восхищение ее совершенством и цветущей, как сакура, юностью. В ответ он тоже заулыбался и, смущаясь и запинаясь, объяснил, зачем забрел сюда:

— Я... того... это... Погладить вот надо. Рубашку... В штаб... Мне бы утюг... Да... утюг, — сообразил наконец он.

— Я сейчас закончу, — сообщила она так, будто они знакомы уже тысячу лет, — и поглажу.

— Угу! — согласился он. Как будто это было в порядке вещей, что эта незнакомая черноволосая и черноглазая девушка возьмется гладить его форменную рубашку размером с хороший лодочный парус.

Они познакомились. И он узнал, что зовут ее Таня.

А вечером вышел в город и случайно встретил ее с подругой в парке. Сначала гуляла все вместе. Потом подруга куда-то отошла. Они остались вдвоем. В ходе гуляния и совместного сидения на скамеечке много чего выяснилось. Оказалось, что они живут в этом офицерском общежитии, потому что ее отец, мичман Валерий Ким, классный специалист в области торпедного вооружения, недавно переведен сюда, на Черноморский флот, из... Киргизии. Там, на высокогорном озере Иссык-Куль, недалеко от города Пржевальска, находятся завод и испытательная база для экспериментальных торпед.

Молодой офицер с изумлением узнавал новые подробности. По Иссык-Кулю ходят три подводные лодки. С торпедными аппаратами. А на завод поставляются детали из Ленинграда, Свердловска, Алма-Аты и других городов Советского Союза. На месте из этих деталей собирались экспериментальные торпеды. Их грузили на лодки. Ими стреляли: торпеды неслись по заливу. Разбивались о берег. Вылетали из воды с гигантской скоростью...

— Нам, детям, — рассказывала Татьяна, — предлагали после испытаний собирать на берегу отлетевшие детали и осколки от торпед. За каждую найденную деталь платили деньги. Я однажды нашла лопасть от торпедного винта. И мне заплатили аж тридцать рублей.

— А как это — в озере? Там же, небось, отдыхающие кругом?

— А Иссык-Куль, он сверху как сперматозоид, — нисколько не смущаясь срав-

нением, объясняла ему юная подруга. — Само озеро — как головка, а залив, где шли испытания, длинный и глубокий, как хвостик. Отсюда торпеды никуда не уходили. Вообще у нас там все было, как на настоящей маленькой морской базе. Был даже клуб юных моряков. И мы там осваивали водолазное дело. Представляешь, — задорно глядя на него узкими, восточными глазами, рассказывала она, — на меня надевали тяжеленный скафандр! Он весил килограммов семьдесят. Шлем. Завинчивали три гайки и опускали под воду. Одного мальчишку опустили, а он кричит оттуда по телефону: «Тут трубы!» А они подумали: «Трупы». Началась тревога. Примчались военные, милиция, медики. Вытащили его. Вот было смеху!..

«Да, — думал Миров, — только имперские коммунисты могли до такого додуматься. Создать в центре Азии, среди гор и пустынь, секретную морскую базу и испытывать там торпеды!..»

— Так что я, — засмеялась Таня, — морячка. У меня есть даже профессия — матрос-рулевой.

— Как можно было все это скрывать? Ведь шила, а тем более подводных лодок, в озере не утаить...

— Наш город был закрытый. Как и многие другие. Когда папа устраивался на работу, то принес из отдела кадров игрушку. Детскую игрушку. Ему там объяснили: «Будешь всем говорить, что завод изготавливает игрушки». В общем, советский цирк... А теперь папу как специалиста перевели сюда.

— Да, секрет Полишинеля! — промолвил Мировой, обнимая девушку за талию.

Так закрытлся их роман. И впереди, ждало только одно — вечное, неповторимое счастье.

Они не ждали никакого подвоха. Наслаждались тем, что дал им Господь. Молодостью, здоровьем, красотой, любовью...

Миров еще раз оглядел салон, взбодрившихся пассажиров. И снова улетел туда. В тот свой утерянный рай.

...Она пришла к нему с тортиком. Собрались пить чай. Сосед по комнате лейтенант Петров ушел в наряд на сутки, так что комната была в их полном распоряжении... Нежно и настойчиво, сгорая от страсти и в то же время боясь ее спугнуть, обидеть, прикоснулся он к ней. А она доверчиво и горячо прижималась к нему...

А когда же появился их «злой гений», капитан третьего ранга Мирослав Мымрин?

Да тогда он и появился, в те самые дни.

Мымрин работал с ним в редакции флотской газеты. И даже был у него начальником. Туповатый, вечно зажатый хохол. Выслужился — заведовал отделом — не талантом, не легкостью письма, а усидчивостью, дотошностью, постоянной трезвостью. Со всеми ребятами он, Олег Мировой, нашел тогда общий язык. С острым на язык, высоким, русоволосым Эдиком Долей, своим бывшим однокашником по военному училищу, мастером поддержать компанию, разбитым, живым шутником и бесспорным талантом. С вспыльчивым и горячим, «спущенным» во флотскую газету за пьянку из штаба флота Володей Фурманом. С главным редактором, капитаном первого ранга Василием Захаровым. А вот с Мирославом — не получилось.

Скорее всего, из-за нее.

Начала он затеял «мужской» разговор с Олегом. Тощий, сутулый, всегда в заглаженных «до блеска» брюках, Мымрин отозвал его в сторону. И начал бубнить: ты, мол, еще молодой, неоперившийся. Зачем тебе это? Погуляешь и бросишь! А я хочу жениться. Она мне нравится.

Олег даже не понял, какого хрена Мымрин завел эту волюнку, и не стал на эту тему разговаривать. Свел беседу к тому, что у них все хорошо. И какого черта Мымрин лезет не в свои дела?

Но Мымрин продолжал гнуть свою линию. Более того, он пытался гнобить молодого корреспондента, выступая на планерках и летучках в том ключе, что еще молод товарищ, не умеет писать.

В общем, кончилось это тем, что Олег зашел к редактору. Рассказал ему, из-за чего нашла коса на камень.

И главный перевел его в отдел к Доле. С этого момента завязался между ними «узелок». И Мымрин, продолжая периодически на него наезжать, направил свои усилия на покорение Тани.

Как-то девушка, смеясь, рассказала ему, что Мирослав поджидал ее у входа в общежитие с букетом красных роз.

— И ты взяла? — вспыхнул Олег.

Таня пожала плечами:

— А почему бы и нет? Мне он глубоко безразличен. А цветы были такие красивые!

После этого они не разговаривали два дня. Проходили по коридору общаги, будто друг друга знать не знали, видеть не видели. Но, столкнувшись на третий день на кухне, не выдержали. И уже у него в комнате, обняв, она прошептала:

— Господи, как мне тяжело без тебя!

Мымрин не сдавался. Познакомился с ее отцом. А потом и с матерью, Ольгой Петровной. Что он им там плел — кто знает. Но через пару недель Татьяна со смехом рассказала, что у них состоялось семейное «чаепитие в Мытищах», на котором капитан третьего ранга объявил родителям девушки к намерению просить ее руки.

Но разговор не получился. Таня заявила, что у нее уже есть жених, лейтенант Мировой. Они любят друг друга. Ну, и все такое прочее...

А затем все они вступили в роковой тысяча девятьсот девяносто второй год.

Распад Советского Союза, случившийся в декабре девяносто первого, поначалу никак не сказался на Черноморском флоте. Все это происходило там, где-то далеко. В Москве, в Беловежской пуще. А здесь была служба, каждодневное дело.

Для Мирового все началось в марте, когда в Севастополь с «поездом дружбы» приехали бандеровцы и украинские самостийники. Вся эта пестрая толпа выгрузилась из поезда и направилась в центр города. Олег как раз был там. И сначала не мог понять, что это за народ в бараньих шапках и папах а-ля Петлюра, в вышиванках и шароварах шириною с Черное море валит с набережной. Особенно удивили его активисты УНА-УНСО в камуфляже и с красно-черными повязками на рукавах, а также ветераны-бандеровцы в форме. Он остановился, чтобы посмотреть на этот зловещий карнавал.

Севастополь — строгий город. Военно-морская база. А тут — вылазка каких-то ряженных и упырей. Он осознал, зачем они здесь, только когда толпа эта, как будто под конвоем, злобно озираясь под насмешливыми и осуждающими взглядами горожан, прошла к месту молебна. И попы-униаты истошно завопили во время молебна: «Севастополь! Покорись матери-Украине!»

Кругом стояли горожане. И молчали.

Тишина была просто звенящей. Потом кто-то начал теснить бандеровцев к набережной, к катерам. И горожане запели: «Легендарный Севастополь, неприступный для врагов. Легендарный Севастополь — гордость русских моряков».

...К лету появились перебежчики. Те, кто захотел служить в военно-морских силах Украины. Их было сначала немного. Мирослав Мымрин, которого недолюбливали в редакции за тупость и безграмотность, тоже стал собираться «на выход». Он переходил в редакцию новой газеты «Флот Украины». И говорил, что теперь-то его карьера пойдет в гору. Здесь его талант недооценивали, а там ему обещали должность редактора. А это — звание капитана первого ранга!

Многих моряков можно было понять. Переходили в украинские военно-морские силы чаще всего из сугубо прагматических соображений. Никто не знал, что будет завтра, потому что Ельцин, подписав Беловежские соглашения, бросил на произвол судьбы миллионы русских людей. В том числе и тех, кто жил в Крыму и служил на Черноморском флоте.

Переходили те, кто имел жилье в Севастополе и уже не хотел переезжать в другие края. Те, кто рассчитывал на карьеру в Украине. Кому оставалось год-два до пенсии. Те, у кого была подмоченная репутация по службе.

Но были и такие, которые считали себя идейными. То есть идейными сторонниками украинской державы. К ним относил себя и Мирослав Мыррин.

«Флотская газета», выходявшая пять раз в неделю, начала испытывать кадровый голод. Один человек остался в отделе общественно-политических проблем, двое — в отделе боевой подготовки. Всем пишущим надо было выдавать на-гора огромное количество материалов каждую неделю. А перебежчики гигантскими тиражами издавали новодел — «Флот Украины», заполнили телерадиоцентр, вновь созданный пресс-центр.

Приглашали перейти на украинскую сторону и Олега Мирowego. Говорили: «Ты же не местный. Какая тебе разница, на каком флоте служить!» И обещали, как всегда в таком случае, молочные реки и кисельные берега. Но Олег не купился. Почему не пошел? Как ни странно это звучало в те времена, он тоже был идейным. Считал в глубине души неправильным и несправедливым то, что Крым и флот вместе с ним одним росчерком пера «царя-дурака» должны отойти вновь образовавшейся опереточной стране.

Мыррин ходил гоголем и всем своим видом показывал, что у него «все пучком». И действительно: флот еще не поделили, а он уже получил вторую большую звезду на погоны. Перебежчики старались не светить трезубец на фирменной фуражке и носили ее обычно в руках. А этот новоиспеченный капитан второго ранга украинских ВМС гордо носил «вилы» на своей крепкой, круглой, как арбуз, башке.

Сейчас, вспоминая то тяжкое время, Олег Миров думал, что не мог поступить по-другому, потому что слова «честь офицера» не были для него пустым звуком. Тогда. «А сейчас? — спросил он себя. И сам себе ответил: — И сейчас!»

И это такое странное в нынешнее время понятие привело его к тем, кто начал третью оборону Севастополя. Первая была в Крымскую войну. Вторая — в Отечественную. А третья началась весной девяносто второго года, и возглавил ее адмирал Игорь Владимирович Касатонов.

Началось с того, что Украина назначила присягу. Вышел приказ: провести 3 января 1992 года присягу личного состава Черноморского флота Украине.

Но по инициативе командующего флот присягать отказался. Тогда пошла «борьба указов». В один прекрасный момент президент Украины издал указ, по которому весь имеющийся на Черном море флот должен отойти украинской державе. Умные люди кинулись к нашему царю: «Батюшка, издай свой указ, чтобы наши военные людишки могли не выполнять указивку супостата!» И царь-батюшка подписал бумагу: флот должен отойти России после переговоров.

Ну, хоть так! Передохнули моряки. Хохлы не успокоились. Всю весну они ходили по кораблям, уговаривая моряков наплевать на присягу и морскую честь и перейти под украинскую юрисдикцию. Однажды им даже удалось собрать, сагитировать экипаж и увести один из сторожевых кораблей Черноморского флота.

Был момент, когда украинцы готовили захват всего флота диверсионными группами. Но в таком городе, как Севастополь, где все друг друга знают много лет, обросли дружескими, человеческими и родственными связями, утаить такое дело не было никакой возможности. И флот принял меры. Подготовился к нападению.

Была приведена в готовность морская пехота, русские офицеры в штабе спали прямо у себя в кабинетах, буквально не выпуская оружия из рук.

Натянутыми стали и человеческие отношения. Как-то подошел к Олегу Мымрин и, криво усмехнувшись, сказал:

— Ну, шо, Мировой, так и ходишь все еще в лейтенантах? А я уже вот, — и кивнул на свои звезды.

Олег ответил ему вопросом:

— Ты уже и русский язык решил забыть? Учишь ридну мову?

И Мымрин на полном серьезе с важностью подтвердил:

— Да, я вже гутарю!

Олег Мировой не удержался и поддел:

— Гутарят шуты гороховые. А по-украински розмовляють!

Мымрин сверкнул глазами, зыркнул ненавистно и пошел прочь.

В это время Олега пригласили на работу в пресс-службу Черноморского флота. Надо было информировать общественность, собирать пресс-конференции, отстаивать свою точку зрения в информационном пространстве. Он стал доверенным лицом начальника пресс-центра капитана первого ранга Андрея Лазебникова. Сближало их, наверное, еще и то, что оба были не местные.

А обстановка складывалась тревожная. Украинцы во главе с первым командующим ВМС Украины, паркетным адмиралом Кожиным, пытались всячески выслужиться перед новыми хозяевами. И поэтому постоянно, не гнушаясь ничем, устраивали провокации.

В ответ офицеры собрались в Севастополе на общевфлотское собрание, которое решило: «Поднимем в день Военно-морского флота Андреевские флаги! А там будь что будет».

Такие стяги уже шили по домам офицерские жены.

Пока он жил в этой экстремальной обстановке, Татьяна как верная подруга все ждала и ждала. Чего? Известно чего! Предложения. Ведь что бы ни происходило вокруг, в политике, на службе, на работе, женщины все равно заняты главным в своей жизни. Они должны любить, рожать, вить гнездо. А он все тянул, понимая, какая на него ложится ответственность.

К лету все закрутилось еще быстрее. Командование ВМСУ решило захватить архивы Черноморского флота: тот, кто держит архив, документацию, тот знает и всю подноготную. Да еще и свои условия может диктовать всем, кому нужны справки, выписки и прочие бумаги.

За архивом началась настоящая охота. Руководство флота приняло решение не только усилить охрану морскими пехотинцами, но и вообще вывезти архив в Кронштадт, на Балтику. Служба безопасности Украины что-то об этом пронюхала и надумала перехватить архив по пути. Для этой операции штаб флота подобрал самых надежных офицеров. Тех, кому можно было доверять. Тех, кто готов будет защищать документы, как ни смешно это говорить сегодня, до последней капли крови.

Олег Мировой оказался в их числе.

...В полночь из ворот архива флота выехали несколько крытых грузовиков в сопровождении морских пехотинцев. Агенты СБУ поняли, что операция началась. И кинулись в погоню. Но грузовики направились не в бухту, как ожидалось, а в противоположную сторону. Все дальше и дальше... Эсбэушники заподозрили неладное. Запаниковали. В это время из ворот показалась вторая группа грузовиков. И рванула в другом направлении. Руководство СБУ отозвало часть агентов, преследующих первую группу машин, и приказало догонять второй «караван».

Ночь проходила в погоне за призраками.

Ближе к утру, когда обе колонны грузовиков отъехали на приличное расстояние от Севастополя, из ворот архива КЧФ на бешеной скорости вылетела третья

группа грузовиков и направилась прямоком в Казачью бухту. Туда, где стоял большой десантный корабль.

Машины въехали в трюм корабля по спущенной аппарели. Та немедленно поднялась, и через десять минут корабль растворился в предутренней дымке Черного моря, взяв курс на Босфор. Позже ящики с документами были доставлены в Кронштадт представителям Центрального архива флота.

А грузовики первых двух групп вернулись, выполнив свою задачу, в гараж. В одном из них находился и Олег Мировой. Эсбэушники поняли, что их переиграли. Кинулись искать бесследно исчезнувший архив флота. Ну и, конечно, рано или поздно все тайное становится явным. Через какое-то время «братья» узнали и некоторые подробности этой операции. А также имена ее активных участников.

Конечно, они не могли дотянуться до адмиралов и свою неудачу решили выместить на исполнителях. Однажды Олег поздно вечером пришел к себе в комнату, которую снимал в это время, и обнаружил растерянную и заплаканную хозяйку домика. Она рассказала, что какие-то молодые ребята в балаклавах и с битами ворвались в дом и разнесли все в его комнате.

Действительно, разгром был страшный. Все его вещи были свалены в кучу и порезаны. Разбит вдрызг видеомэгнитофон. Шкафы сломаны. Посуда побита.

Вдобавок хозяйка вспомнила, что они поминали его — «москаля». И жалели, что не застали дома. Мировой рассказал о случившемся своему шефу и другу Андрею Лазебникову. А дальше события приняли совсем неожиданный оборот: его вызвал к себе сам адмирал. Разговор был не очень долгим, но весьма конкретным...

В девяносто первом году на Черноморский флот прибыл только что построенный тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов». Он временно входил в состав флота и отрабатывал боевые задачи, готовился к переходу на Север, к месту приписки.

Новоявленные самостийники в славном городе Киеве задумались, как бы такой великой державе занять еще и авианосец? Авианосец для Украины, не имеющей выхода в океан, все равно что рыбе зонтик. Да и содержать такие корабли могут себе позволить только великие державы. Впрочем, Кравчук скорее всего рассчитывал отжать авианосец у России только для того, чтобы потом толкнуть за хорошие деньги индусам или китайцам.

И вот «великий флотоводец» послал на корабль телеграмму, в которой объявил, что крейсер отныне есть собственность новой державы. Тут же вокруг «великой посуды» закрутились эмиссары Киева. И ну давай уговаривать экипаж, улеживать его обещаниями корзины печенья и бочки варенья. Только фокус не удался. В сплоченном экипаже были в основном североморцы, которым было начхать на киевское сало и горилку. Так что самостийникам пришлось отвалить несолоно хлебавши.

В одну из ночей, не подавая никаких сигналов и не зажигая ходовых огней, «Адмирал Кузнецов» покинул севастопольский рейд. И двинулся к Средиземному морю. Скоро он уже был в Босфоре. Турок ни о чем не извещали. Но они препятствовать проходу боевого корабля и не рискнули. Темной громадой прошел крейсер мимо светящегося яркими огнями Стамбула.

На борту могучего гиганта находился и он, Олег Мировой. Адмирал лично откомандировал его для освещения боевого похода, спасая таким образом от бесчинствующих молодчиков. Мировой выполнил этот приказ. Неожиданно исчез из города. О том, куда он делся, знали только адмирал и его непосредственный начальник и друг Андрей. Приказ-то Олег выполнил. Но каково было у него на душе, лучше не вспоминать. Через месяц авианосный крейсер швартовался на севере, в Видяево. Моряков встречали семьи. Был праздник.

Он думал, что командирован на два-три месяца, а оказалось, что на двадцать два года. Сначала вести до него доходили. А потом связь прервалась. Убили его товарища Андрея Лазебникова, единственного, кто знал о местонахождении Мирового: утром вышел, как обычно, погулять с собакой, и киллер выстрелил ему в спину.

А что же Татьяна? Осталась в неведении. Был человек и пропал. Исчез, внезапно растворился в небытии. Действительно, месяц он был в плавании вокруг Европы. И весточку подать не мог. Но, прибыв в Североморск, отправил ей телеграмму. Потом письмо. Оно вернулось с отметкой: «Адресат выбыл».

Он места себе не находил.

А потом через десятки руки случайно выяснил, что вышла замуж за капитана второго ранга Мирослава Мымрина. И, кажется, уже на сносях...

Такая вот грустная история. Разломилась страна и сломала их судьбы. Это был удар, от которого Мировой так и не смог оправиться.

Но не зря, оказывается, годами снилась ему его первая любовь.

И вот теперь, когда прошло столько лет, Олег понял, что искать надо там, где потерял. И может, там, в Крыму, ему удастся открыть новую страницу в своей жизни.

Давным-давно поделен уже Черноморский флот, и «братья», мечтавшие захватить его по-пиратски, на халяву, получили только небольшую часть. Остальное отошло к России. Гордо реют сегодня над Севастополем Андреевские флаги.

Моряки России и Украины вместе чеканят шаг на парадах.

Есть, правда, одно «но»... Бывший его соперник и враг Мирослав Мымрин все еще продолжает сочинять небылицы о великом украинском флоте. Но кто их сейчас воспринимает?

ЧАСТЬ IV

КРЫМСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

I

Гагтунгр с крылами от горизонта до горизонта, раскинутыми в космосе так, что задевают они газовые облака и соседние галактики, с изумлением взирает на то, что произошло за эти несколько оборотов хрупкого земного шарика.

Еще вчера миллиарды людей робко молчали и жались, когда его слуги игвы грозно вещали и угрожали всем, кто посмеет сомневаться в мощи уицраора Стэбинга.

И вдруг ниоткуда в едином порыве взметнулась, проявила себя воля русского сверхнарода. И эта воля вдыхает теперь невиданную силу в нового уицраора России — четвертого трехцветного жругра.

Эта же сила воли разрушает чары и стены Друккарга, где до сих пор таилась заточенная еще при третьем красном уицраоре России соборная душа русского народа — Навна. Ее голубой свет разливается по всем окрестностям. Она начинает оплодотворять искусства.

Пробуждается великий демиург России — народоводитель Ярослав. И через свое человекоорудие, которое, казалось, появилось вообще ниоткуда, указывает великому сверхнароду путь.

Исчадия ада, игвы и раругги, в бессильной злобе наблюдают, как униженный и оплеванный русский человек поднимается с колен и набирает богатырскую мощь.

Киев Олега удивил. Мирный, комфортный, хлебосольный город на этот раз выглядел странно взъерошенным. То там, то здесь изредка виднелись грубые плакаты с искаженными рожами. Ближе к центру почти не было автомобилей. А на улицах обнаружилось избыточное количество молодых людей в камуфляже и баклавах.

Наконец, когда они уже подъезжали к гостинице, расположенной недалеко от центра, Олег не выдержал и спросил пожилого водителя (явно не киевлянина, приезжего с Запада):

— Что это у вас происходит?

Тот расправил вислые казацьи усы и неторопливо важно ответил:

— А ты шо, не знаешь? У нас, мабуть, Майдан. Революция гідности²!

И в тоне его слышалось: эх ты, лапотник! Кацап! Все должны знать о таком великом событии! Олег проигнорировал его хамский тон и безмятежно продолжил:

— У вас же недавно была уже очередная перемога³. Кажется, в две тысячи четвертом. И третий тур выборов. Янукович тогда проиграл.

— А потом выиграл! — заметил таксист. — Теперь вот его свергаем.

Олег даже присвистнул от удивления: «Вот оно что?» Оторвавшись от жизни в поисках себя и счастья, он прозевал начало таких важных событий. И теперь, в середине февраля четырнадцатого года, случайно от таксиста узнает, что в Киеве назрела «революционная ситуация».

— И с чего это у вас такое началось?

— Да, Янек⁴ отказався подписывать соглашение о сотрудничестве, как же оно называется? М-мм... — явно туповатый таксист долго вспоминал, — об вступлении у Европу!.. Ведь Украина — цэ ж Европа! Вот народ и поднявся. Журналист один у нас тут быв. Как его... Мустафа... Мустафа, шо-то уроде Зьем...

— Найем, — подсказал Миров, вспомнив былое.

— Во-во! Найем! Вызвав народ на площадь. И поишло, и поихало. Дальше — бильше. Учора влада устроила выход активистов «Киевляне за чистый город». Мол, пора город очистить от баррикад. Ну, и драка получилась. Дали им хорошо! Активистам энтим...

Они ехали по улице Грушевского. Мимо баррикады. И Миров чувствовал сожаление: «Да, почистить бы не мешало...» Но торопливо отогнал эту мысль: «Какое мое дело? Это их власть и их проблемы!»

Спросил:

— А зачем вам Майдан? Вы вроде и так жили лучше, чем, например, в России. И цены ниже. И народ зажиточнее.

— Нехай буде свободное телевидение, — неожиданно ответил таксист. — А то воздух затхлый. Будет, как у вас...

— Ну-ну! Хотя мне нравится ваша молодежь, — решил перейти на позитив Олег. — Она просто прекрасна. Да и вообще мне здесь нравится. Правильные вы ребята. Выросло поколение свободных и здравомыслящих людей!

— Во-во! Янукович — он же бандит. Он не понимает мирного разговора. С ним надо покороче, — видимо, вдохновившись поддержкой пассажира, продолжил таксист: — Я писля работы тоже хожу на майдан. Учора усе пели. А как пели гимн Украины! Народилася наша новая нация! Я тоже спивав, положи руку на сердце.

² Гідність — достоинство (укр.).

³ Перемога — победа (укр.).

⁴ О Януковиче.

На майдане хорошо. Там создано так все. Без коррупции, без блата. Порядок такой, которого нет нигде на Украине. Як у Европе!

«Да-да, — думал Мирон, — сначала было: “Украина — цэ Россия”. Потом вам в головы вдалбливали лозунг: “Украина — не Россия!” И теперь третья стадия началась: “Украина — цэ Европа!” Как бы дальше не срифмовалось с другим: “Украина — это...”»

Но ничего не стал говорить.

Они подъехали к гостинице, которая располагалась напротив парка. Услужливый швейцар в обшитой галунами форме подхватил чемодан.

«Похож на грузинского адмирала», — подумал о нем Олег, вспомнив, как много лет назад к ним на флот приезжал новоиспеченный грузинской адмирал — весь в галунах и огромной фуражке-аэродроме.

Девушка за стойкой мило улыбалась.

«И где он, тот Майдан? Все здесь, как всегда».

Он поужинал в ресторане. В киоске напротив гостиницы купил вместе с газетой книжку — почитать на ночь. Некое сочинение Миколы Галичанина, касающееся настоящей истории Украины.

Потом сделал несколько звонков. Договорился кое с кем о встречах. Завтра намечался сложный день. Ему надо было во что бы то ни стало найти Татьяну.

Утром Мирон позавтракал добрыми украинскими варениками с картошкой и шкварками, а также славными бутербродом с маслом и чаем. После этого решил направить свои стопы прямо в центр Киева, на Крещатик, чтобы там своими глазами увидеть Майдан. А вместе с ним — организованность людей с высоким самосознанием, дух товарищества, взаимовыручки, вежливости и толерантности, который царит там и о котором только что за завтраком сообщило ему местное украинское телевидение в лице канала «1+1».

Он вышел на станции метро «Хрещатик». Улица встретила его расставленными вдоль нее большими армейскими палатками, а также многочисленными пестрыми флагами: Евросоюза — голубыми со звездами по кругу, бандеровскими — красно-черными и национальными — желто-голубыми.

В двух местах он обнаружил оставшиеся еще с Рождества елки. А также мужиков, греющихся возле железных бочек с горящими в них дровами. Лица у мужиков были суровые, небритые и угрюмые. На рукавах — грязные повязки цветов украинского флага.

Мужики о чем-то беседовали. До Мирона донеслись обрывки фраз на суржике⁵.
— Шо это они задумали?

В этот момент откуда-то издали послышался голос, усиленный мегафоном, и показалось целое шествие бандеровцев.

Они двигались длинной колонной. Впереди молодые ребята в касках и балаклавах несли два портрета — Степана Бандеры и Романа Шухевича. Рядом с портретами красовались лозунги, намалеванные на красном полотнище: «Украина понад усе⁶!» и «Геть грабительску и эксплуататорску систему!».

Олег молча вглядывался в лица проходивших в колонне людей, ожидая, как в девяносто первом, увидеть на них отблеск страха, ожесточенности и готовности идти на конфликт. Но лица были привычные — украинско-русские, будничные.

Вот молодые девушки в вышиванках, вот дама средних лет — видно, киевлянка из образованных, вот мужики-работяги.

Народ вокруг него тоже особых эмоций не выражал.

⁵ Суржик — разговорная смесь русского и украинского языков.

⁶ «Украина превыше всего» (укр.).

«Для них это уже привычно», — подумал Олег.

Постоял-постоял и пошел дальше, на площадь Независимости, занятую теперь европейским Майданом, который вольно раскинулся посреди благодатного Киева — матери городов русских, судя по телекартинке, как черная раковая опухоль с метастазами, на улицах Институтской, Городецкого, Грушевского.

* * *

Реальный майдан оказался огорожен баррикадами из покрышек, фанеры и еще черт знает чего, обнесен забором с колючей проволокой. На заборе висели самые разнообразные плакаты, сообщающая: «Цой жив!», «Увага! Увага! Увага!»⁷ - Особенно умилили Мирова карикатуры на Януковича и слова Вольтера: «Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить!»

Внутри майдана, куда он проник через небольшой проход, атмосфера показала ему карнавальную: вот сидят у огонька студентка со студентиком. И целуются, целуются, целуются взасос. Рядом ребенок, наряженный в касочку и «жовто-блакитный» жилетик. Копаются с лопаткой в мусоре.

Гуляющие ребятишки, как птички, облепили головы Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди. Чуть ближе к центру, в стороне от баррикад, сложенных из поддонов, уже маячат другие лица. Балаклавы. Оселедцы. Усы.

Настоящие запорожцы. Все в грязном камуфляже. Вот решительный юноша в дозоре. Горнолыжные очки. Рюкзак. Перчатки. Щит. Охраняет воссозданную горячими головами камнеметательную машину.

Возле печки-буржуйки на скамеечках сидели гости Майдана и разговаривали с ветеранами «революции гідности».

«Чего они жаждут? — думал Олег, проходя мимо. — Свободы, равенства, братства? Или дорваться и начать грабить?»

Наконец, побродив среди хряпящих палаток, Миров нашел то, что искал. Вернее, того. Петра Перебейноса. Человек в камуфляже с простым круглым лицом (ни усов тебе, ни вышиванки) возился с электрическим генератором, доливал в него бензин. Он него пахло дымком.

Миров окликнул:

— Петро! Ты ли это?!

Человек обернулся, посмотрел внимательно, а потом расплылся в улыбку:

— Олег! Здорово, брат! Ты когда вчера позвонил, я своим ушам не поверил. Двадцать два года! Душа моя! Какими судьбами? Садись.

Они обнялись, почеломкались, присели на скамеечку возле зеленого бока армейской палатки.

— На Рождество было тепло и радостно. Звенели колокольчики. А теперь вот без огня и движка, ну, никак не устоять, — проговорил Петро. — Ты как? В порядке?

— Да, живу в Питере. Занимаюсь своим бизнесом, — стараюсь избежать расспросов, скороговоркой сообщил Олег. — А ты-то как? Какими судьбами? Где?

— Списался я с украинского флота почти сразу же. Да и какой там флот на хер! Сам понимаешь. Одни штабы да адмиралы. Из живых только «Гетьман Сагайдачный»! Вышел на пенсию. Перебрался сюда, в Киев, с Полиной развелся. Пенсия — две тыщи гривен. Здесь, на Майдане, подрабатываю. Я у них навроде завхоза. В нашем курене состою. Продукты, вода, электричество... Сам видишь. Оплачивается неплохо. В день получаю двести гривен... — И Петро замолк, понимая, что

⁷ Внимание! Внимание! Внимание! (укр.)

сболтнул, может быть, лишнее, поэтому поправился: — Мы тут за свободу стоим. Понимаешь?

— Это я понимаю!

— Янукович, его мать, совсем охренел! Все под себя гребет! Ты же знаешь, я рыбак, — Петро встал со скамеечки, подбросил в металлическую бочку с трубой дровишек и продолжил: — Ни к одной речке теперь не подойти! Все поделили. На этом берегу хозяин — начальник райотдела милиции. На том — прокурор. Тот лесок принадлежит министру. Этот — его родичам. В общем, дошло до того, что за каждый чих надо платить...

— Думаете, после «майдана» лучше станет?

— Не знаю! Теперь, если мы его не свалим, то нам тут не жить!

— Ладно, хрен с ней, с политикой. Я Танюшку ищу. Ты чего-нибудь знаешь о ней?

Петро присвистнул. Потом сказал:

— Дай я своей бывшей позвоню. Может, она чего знает.

Он присел, набрал номер на сотовом. Но никто не отвечал. Он набрал еще раз. Тишина.

— Видно, не отошла еще. Не хочет со мной разговаривать. Слушай, я тебе дам адресок ее. Ты сам к ней загляни! Она может знать. Они с Танькой дружили.

Посидел еще немного. О чем говорить? Судьба развела их на двадцать два года. Трудно найти точки соприкосновения. Да и нужно ли?

На другом конце майдана, там, где стояла сцена, началось шевеление, подтягивалась молодежь. Мимо них пошли девочки и мальчишки. Где-то в углу у сцены лидер партии «Свобода» Олег Тягнибок раздавал автографы. На сцене появился известный актер и начал «работать с публикой» — заводить собирающую толпу. Через несколько минут прозвучал горячительный лозунг, брошенный со сцены мужиком с накинутым на плечи, как плащ, жовто-блакитным флагом:

— Кто не скачет, тот москаль!

Запрыгали в такт. Диджей поддал жарку. Завопил:

— Москаляку на гиялку! Хоп-хоп!

Майдан ожил. Начал работу. Зашуршал, как осиное гнездо.

* * *

...Дверь открыла полная пожилая женщина с остатками былой красоты на лице. Долго сквозь очки вглядывалась в физиономию гостя. Потом всплеснула руками:

— Олег? Мировой? Ты, что ли?

— Ну, я!

— Как? Какими судьбами? Бог мой! Сколько лет, сколько зим!

— Да вот заехал. Ищу Татьяну. Ты о ней что-нибудь знаешь?

— Да ты зайди! Хоть присядешь, поговорим. Столько лет. Чайку поьем.

— Да я тороплюсь! И не хотел тебя напрягать.

— Заходи! Заходи! — она повлекла Олега в прихожую, вглубь квартиры. — Дай я тебя разгляжу. Ну, хорош! Хорош! Такой же красавец. Мы все в тебя были влюблены...

Олег разулся, прошел в комнату. Хозяйка посадила его на застеленный ковром диван. Через минуту в комнату зашел, судя по всему, муж. Седенький худенький старичок с маленьким сморщенным треугольным личиком. Поздоровались. Она представила Олега мужу:

— Олег Мировой! Служил с нами в начале девяностых в Севастополе. Мой муж,

Виктор Федорович, — усмехнулась она. — Почти тезка нашему президенту. Но не родня.

Ушла на кухню. Загремела чайником. Чтобы прервать неловкость, Олег спросил старичка:

— Ну, как вам, киевлянам, Майдан? Я только что оттуда. Большие дела на Украине творятся!

Старичок строго поджал губы и ответил:

— Тоска смертная. Когда был первый Майдан, то дух был другой. Дух свободы! Правды! А сейчас что-то непотребное творится. Ходил в магазин — ничего нет! Одна крупа на полках. Да и то дают по кило в руки. Хотел машину заправить, все заправки объехал — нигде нет бензина! Едва-едва нашел двадцать литров. Народ в страхе. Как бы война не началась. Молодчики эти везде шныряют. В общем, сплошное расстройство. А моя — как с ума сошла. Таскает им плюшки, освободителям нашим, — он благоразумно умолк, когда жена явилась с чайником.

Миров терпеливо перенес процедуру киевского чаепития, но своего добился. Полина, прихлебывая ароматный напиток и не забывая подливать чай Олегу, сообщила, что произошло после его ухода на авианосце:

— Понимаешь, Олег, она тебя любила! И когда ты пропал, просто извелась вся. Исхудала. Переживала. А тут в семье несчастье. В одночасье от инсульта скончался ее отец — старший мичман Ким... как его там, не помню, имя-отчество. Они остались с матерью вдвоем. Практически в чужом городе. В общежитии. Все валится. Куда ей было деваться в девяносто втором году? Не на панель же идти! А тут — как-никак замуж. Мирослав-то был с перспективой. Капитан второго ранга украинского флота. Ну, она и пошла. За него. Поплакала, а ты помнишь, какой она веселой девчонкой была? И пошла. Родила. Говорили разное. Мол, недоношенный, не его. Ну я это не знаю. Но не пожилось ей с Мирославом. Мабуть, видел он, что не люб ей. Что тоскует она. В общем, сначала вроде как старался угодить, понравиться. А потом, — и женщина махнула полной рукой, словно рассекая воздух, — руку он на нее поднял! Тут она вещи и собрала. А куда идти? Ну, неделю перекантовалась у нас. Он все ходил кругами. А потом куда-то исчезла. Я домой вернулась, а ее нет. Собрала вещи, ребенка, оставила записку: благодарю, мол, за все. И исчезла. Больше я ее не видела...

— Да! Вот так! — вздохнул задумчиво Олег и поставил чашку с остывшим чаем на столик. — И неужели больше ничего?

— А потом мы с Петром списались с флота. И уехали сюда! Что там дальше было, я не знаю.

— А может, кто-нибудь знает? Ну, не может же человек так вот исчезнуть! Не иголка же в стоге сена! Кругом люди...

Раскрасневшаяся Полина задумалась надолго. Видимо, перебирала всех знакомых.

— Нет, наверное, никто не знает. Это должны быть те, кто там остался, в Крыму. Может, они ее где и встречали. А таких я сама не помню.

— А может, среди титушек есть? — подал голос старенький новый муж.

— О, точно! — Она хлопнула пухлой ладонью по коленям. — Я тут хожу на майдан. Пирожки ношу хлопцам, что бьются с «Беркутом». И как-то шла мимо площади Конституции. А там стоит антимайдан. Мы их, сторонников Януковича, титушками зовем. Так вот, среди этих титушек я видела вчерась одного знакомого из Севастополя — бывшего заместителя начальника штаба дивизиона подводных лодок. Он у них там организатор. Зовут его Иван Иванович. А вот фамилию запомнила. Вроде Петров. При нем тоже один наш есть — бывший мичман. Ильин.

— А, Ильин! Сосед наш по офицерскому общежитию! Так он тоже за Татьяной приударял. Только ему не обломилось.

— Так вот, Олежаек, — нежно так пропела ему Полина Петровна, — сходи туда. Может, он что знает о Татьяне. Мне прямо так вот самой интересно стало. Вишь, какая любовь! Ищешь, значит, ее... Где ж тебя столько лет носило... Ну, молодец! Сходи, попробуй...

III

Визит на антимайдан Олег Павлович отложил на завтра и отправился на встречу с местными масонами. Хотя он в Петербурге разругался с братьями, здесь связи остались. Так что когда Милов полушутя-полусерьезно произнес в телефонную трубку фразу: «Ужели не будет помощи сыну вдовы?» — ему ответили в тон: «Сына вдовы мы можем накормить на нашей агапе завтра вечером».

Встреча ему нужна была для того, чтобы решить «хозяйственную задачу» — обналичить большую сумму в валюте. А сделать это в стране, где то и дело случаются «майданы», можно только с помощью связей. Поэтому Милов решил обратиться к братьям.

Зимний вечер наступил быстро. В домах загорелись огоньки, на улицах — фонари. Олег Павлович Милов шагал по набережной к месту, где на замерзшем Днепре стоял дебаркадер-ресторан под названием «Одесса».

Он поднялся с обледенелой февральской набережной на борт. Стоящий на стремяе то ли официант, то ли дежурный брат проводил его в уютное, хорошо прогретое нутро. Преодолев пару дверей из красного дерева, Милов оказался в небольшом зале, где за шикарным накрытым столом собралось с десяток братьев-масонов.

Милов окинул взглядом теплую компанию и сразу же узнал своего старого приятеля. Да и как его не узнать! Длинный, худой, с продолговатым лицом и живыми беспокойными глазами Борис Ножкин — очень известная в мире медиабизнеса персона.

В тринадцать лет он продавал газеты, организовав бригады из мальчишек. В семнадцать сам создал первую на Украине газету для подростков. Первым открыл франчайзинг российских радиостанций. А затем добился права издавать крупнейшие российские газеты на территории новой страны. В последние годы он крепко связал свою судьбу с местным олигархом Петром Порошенко. Они создали сильнейший в Украине медиахолдинг.

Борис — человек креативный, живой, полный того, что сейчас называют словом «драйв». Но мало кто знал, что, кроме всего прочего, он еще и видный украинский масон. С Миловым они контактировали на постоянных профессиональных тусовках. А иногда встречались и по делам братьев. Увидев старого товарища, Ножкин радостно поднялся с места. Обнялись по-братски.

Борис представил новоприбывшего:

— Наш петербургский брат Олег Павлович Миловой прибыл по срочным делам. Олег не стал поправлять. Зачем?

Пиршество приостановилось. Ножкин церемонно познакомил Милова с присутствующими.

— Профессор Кульгицкий! — представил он первого с краю стола товарища с профессорской бородкой, в очках и поношенном совдеповском костюмчике.

— Писатель Олесь Кузина! — кивнул он на лысого молоджавого мужчину лет сорока — сорока пяти.

Следующий — с рыжей бородой, ершистый:

— Степан Семенович Гомошок! Работал журналистом в молодежной центральной газете. Сейчас редактирует у нас украинские вкладыши.

— А это наш идеолог — пастор, господин Дурчинов, — указывает на губастого, тоже лысого мужика с мутными глазами.

— Наш американский брат, мастер, посвященный в двадцать седьмую степень, господин Скотт. Руководит фондом «Евразия». Работает с посольством Соединенных Штатов.

— Просто брат...

Борис продолжал говорить, представляя оставшихся братьев, но Миров уже не следил за фамилиями и именами. Он видел, что здесь собрались издатели, журналисты, писатели, политики. Так называемый «цвет нации». Властители умов. Поэтому он в их разговор как-то не вписывался. Называемых фамилий не знал, переживаемых событий — тем более.

Так что ему оставалось только налегать на закуски и поднимать бокал.

Через некоторое время разговор незаметно выкатился на сегодняшний день. И он поделился своим впечатлением от уличной демонстрации националистов, которую наблюдал на Крещатике:

— Утром видел шествие с портретами Степана Бандеры и Романа Шухевича. Шли очень приличные люди. А я-то думал, что с ними только шарлатаны. А что не понравилось — то, что молодежь на митинге кричала: «Кто не скачет — тот москаль!»

И что тут началось! Как будто участники застолья только и ждали сигнала. Писатель Кузина посмотрел на него хмельными глазами и громко сказал:

— Да, теперь эти гниды повывлезали из своих щелей и схронов, где прятались, как тараканы. У них теперь праздник. Но ничего подобного — никто об их подлости и преступлениях не забыл...

Гробовое молчание. Гомошк потерял рыжую бороду и отпустил шутку:

— Они готовы признать щирым⁸ украинцем даже негра, но только не «москаль». Хотя разницы между русским и украинцем нет никакой!

Это, как понял Миров, был вызов. Красная тряпка. В бой ринулся профессор Кульгицкий:

— Как это нет?! Все прекрасно знают, что украинцы произошли от сарматов, арийцев, а русские вышли из азиатских степей. И по крови, и по духу они к монголам ближе, чем к нам.

Тут в разговор вступил молчавший доселе пастор Дурчинов. Он принялся объяснять что-то почтительно примолкнувшим спорщикам.

Воспользовавшись паузой, Миров шепнул Борису:

— У вас что, из-за этого до Майдана дошло?

— Нет, конечно, — усмехнулся уголками змеиных губ тот. — Сволочь Янукович достал всех! Ты, наверное, слышал нашу с ним историю.

— Какую? — в этот раз Мирову даже не пришлось притворяться.

— Он вынудил нас с Петром Алексеевичем продать весь медиаресурс своему ставленнику, бандитской группе, приближенной к нему.

— Это кому?

— Есть у нас тут один — Сергей Курченко. Редкий подонок из бывших комсомольских секретарей. За ним стоит сын Януковича.

— Во как? Но хоть за приличные деньги?

— Деньги-то приличные. Но наглость их достала всех. Не только Порошенко. А всех. Эти сволочи даже заплатили нам не своими деньгами, а украденными у государства...

— Так вот? — теперь Миров действительно удивился царящим в Незалежной нравам. — Ну, ладно. Страдают бизнес-интересы. Но те, на площади, националисты? Это тоже не лучший вариант.

— Понимаю, что не лучший. Но других нету. Это ударная сила. Так сказать, расходный материал революции гидности...

⁸ Щ и р ы й — подлинный, настоящий.

— А у брата из Америки какой здесь личный интерес?

— Как представитель американского братства, он наблюдает за тем, как на Украине воплощаются в жизнь заветы отцов-основателей. Свобода, равенство, братство. Строится новое государство на этих принципах. Так что он тут с нами общается вечером. А по утрам, судя по всему, передает отчеты своим братьям по ложе — куда, на что и сколько потрачено. Ну и бизнес-партнерам кое-что передает...

— Ну, может, не только братьям, а в ЦРУ? — не выдержав, слегка съязвил Олег.

— Может, и так! Только нам на это начхать! Мало ли куда он пишет. Мы будем сами потом решать, как нам жить. Сейчас главное — убрать этого бандюка из Межигорья...

Народ, пообсуждав дела майданные, подлюку Януковича и жестокость «Беркута», готовился расходиться.

Но тут опять сцепились Кузина с профессором Кульгицким. Кузина что-то сказал насчет Бандеры: мол, вы носитесь со своим Степаном Бандерой, как дурак со ступой! И такого героя народ никогда не примет. Профессор, уже крепко выпивший, не стал долго отмалчиваться и с рюмкой водки наперевес бросился в бой:

— Что ты понимаешь, щенок! В деле освобождения украинского народа Степан Бандера — великий герой! И заслуги его надо отметить. Ибо он создал теорию украинского национализма, мобилизовал народ на борьбу и с немцами, и с москалями.

— Кто? Бандера? Да он только котов душить умел и людей! А ты профессор кислых щей после этого! — принял вызов Кузина, сверкая лысиной.

— Господа! Братья, — подал голос пастор, чувствуя, что в любой момент дискуссия может перерасти в рукоприкладство, — держите себя в рамках приличий!..

Встал американец Скотт. И все замолкли. Он поднял тост за Украину, за то, что она, наконец-таки, встает на путь независимого развития. Уходит от России и сможет приблизиться к Европе и европейским ценностям.

— Мы со своей стороны, — добавил мистер Скотт, — приложим немало усилий для того, чтобы такая прекрасная страна вошла в семью цивилизованных народов. На этот путь становились многие страны. Но, к сожалению, так и не смогли его пройти полностью. Россия тоже подавала в девяностые годы большие надежды. Но скатилась к авторитаризму, впала в имперские амбиции, так и не смогла преодолеть свои комплексы былого величия. Надеюсь, Украина избежит подобного сценария. Поэтому предлагаю выпить за будущее процветание вашей прекрасной страны. Мы, ваши братья — вольные каменщики, видим здесь воочию, как воплощаются в жизнь идеалы, заложенные еще отцами-основателями, нашими мастерами в жизнь. И это так прекрасно — видеть нам плоды своих трудов и усилий на этой земле!

И он то ли в шутку, то ли всерьез добавил:

— Слава Украине!

Братья, не ожидавшие такой вольности, нестройно отозвались на призыв:

— Героям слава!

Миров и еще двое-трое, в том числе и Кузина, благоразумно промолчали.

Вскоре гости засобирались расходиться. Борис пошел провожать кого-то. Пастор стал кому-то звонить.

В углу продолжали спорить Кузина с Кульгицким.

От нечего делать Миров стал прислушиваться к спору.

Говорили о том, как в сорок первом году организация украинских националистов пыталась провозгласить новое государство Украина и что из этого получилось:

— Они хотели поставить немцев перед фактом. Мол, объявим тридцатого июня сорок первого года акт о восстановлении украинской государственности. Создадим временное правительство во Львове. А там, глядишь, и проскочим, — вещал Кузина, — но номер не прошел, потому что немцам они на хрен не нужны были...

— Вот за это и мордовали нашего Степана в лагере. За отстаивание интересов Украины.

— Да кто его мордовал?! Сочинили небылицу! Прекрасно он жил. А потом его отпустили, чтобы использовать против Советов.

— Нет, он воевал потом против немцев.

— Кто воевал?

— УПА. Украинская повстанческая армия, созданная под руководством Бандеры.

— Батальоны «Нахтигаль» и «Роланд»? Так они шикарно воевали с евреями, когда следом за немцами ворвались во Львов. Выскочили, как звери, с ножами, и, засучив рукава, давай людей резать...

— Та то брехня! — видимо, от внутреннего возбуждения профессор начал переходить на суржик.

— Паны, хватит вам уже! То дела давно минувших дней, — пробовал уговорить схватившихся не на жизнь, а на смерть ученых людей господин-товарищ-барин-пастор-масон и хрен-знает-кто-еще Дурчинов. Но напрасно.

— То все коммунисты сочинили, чтобы облить грязью наших героев Бандеру та Шухевича.

— Это коммунаки сделали Шухевича гаупт-штурм-фюрером СС и заместителем командира батальона, а потом он стал героем Украинской повстанческой армии? И организовал волынскую резню, в которой погибли сто тысяч поляков и тысячи украинцев? Может, тебе показания выживших дать почитать, профессор ты хренов?!.. Я тебе столько могу показать, — Кузина открыл свой портфель, в котором, видимо, лежала рукопись, — столько, что тебе и не снилось!

Видимо, он так разволновался, что вышел из себя. Все оставшиеся участники агапы замолкли и уже старались не вмешиваться.

Ножки тихо, шепотом, сказал одному из тех, кто охранял застолье:

— Кузину больше в ложу не приглашать...

Слегка пришибленный встречей в ресторане на дебаркадере, Олег вернулся к себе в гостиницу. И долго не мог уснуть. Вспоминал разговоры киевских масонов.

Смелый парень этот Кузина. И как он в такой момент, когда у них тут заваруха по полной, не боится?! Какое безрассудство! Хотя кто его знает... А вообще, конечно, история Украины — сплошной сюр. Но, похоже, это судьба всех, кто попадает в исторический переплет, — находится под влиянием сильных пассионарных народов и не иметь силы им противостоять.

Ведь это изначально Галицкая Русь.

А потом поехало: то они под Речью Посполитой. То Австро-Венгрия ими помыкает. Периодически возвращаются в Россию. И вожди их через одного бегают на поклон к соседям. Богдан Хмельницкий — навеки с Россией. А сын его уже братался с поляками... Вот их интеллигенция и мечется — к кому бы притулиться. Мы-то думаем, что такое только сейчас происходит. А на самом деле так было всегда. И качаться они будут, судя по всему, еще долго. Таков народный характер.

И вот они опять, в который уже раз всем народом, всей громадою собрались в Европу. Нет у них стержня. И истории настоящей нет. Нет опыта государственно-строительства. Вот что это сейчас? То ли народная революция, то ли переворот. Но хрен редьки не слаще.

На следующий день Миров, как и планировал, посетил банк и отправился на площадь Конституции. В противовес майданутым сторонники Януковича отправили в Киев немалое количество людей из Крыма и восточной части страны.

По дороге на антимайдан Олег заметил, что со вчерашнего дня атмосфера в городе как-то изменилась. По лицам прохожих, по какому-то особому тревожному состоянию он почувствовал, что на мирный гостеприимный город что-то надвигается.

Полевой стан крымчан выглядел копией майдана. Украинские и крымские флаги, огромные баннеры «Нет оранжевому перевороту!», «Руки прочь от Украины!». Те же палатки, буржуйки, зимняя февральская сырость.

Наконец, он нашел штабную палатку, в которой и обитал его товарищ по службе. Петров был настроен хмуро, но встретил бывшего сослуживца настолько приветливо, насколько смог. Когда Миров подошел, он беседовал с мужичком в казачьем обмундировании. Крепенький паренек, слегка шепелявя, докладывал ему о ночном происшествии:

— Сволочи! Они подошли шо штороны Богомольца, — на темном от мороза лице казака скулы заходили от злости. — И принялись швырять по нашему лагерю камнями ш моштовой. Я проснулся от удара. По палатке вот такой каменюка как дал! Аж прогнулась вся брезентуха... А потом снова как застучит по брезенту. Бум! Бум! Кто-то закричал. В общем, тут град камней пошыпался. Я поднял швоих. Вышкочили на улицу в кашках, жилетах, с дубинками. А их уже и шлед проштыл.

— Пострадавшие есть? — спросил деловито-буднично Петров.

— Двое. Одному попало в плечо через брезент. А второму — по голове. С шотрашением отправили в больницу.

— Надо усилить караул. Расслабились, твою мать! А здесь война. Бандеровцы вот-вот захватят администрацию и Раду...

— А шо тогда нам здесь ждять? — истерично спросил казак. — Надо валить, пока не поздно!

— Янукович — говнюк! Я бы давно разогнал всю эту сволочь войсками! А он все толкует: «Я не могу кровь проливати». Дождется, падла, здесь столько крови потечет, что мама не горюй! Ну, ладно. Это не наше дело. Я буду звонить в Крым Консгантинову. Будем решать, что делать дальше. А ты с казаками начинай барахло потихоньку упаковывать. Палатки не трогай, чтобы не видно было снаружи. А так — собирайте вещи. Я вижу — тут дела плохие намечаются. Мой опыт показывает, что будет большая провокация. Я в Москве в девяносто третьем был. Там тоже заваруха началась с большой провокации, — Петров помолчал. — А я хочу вас всех домой живыми вернуть. Позови Витька! Пусть договаривается насчет автобусов.

Петров отдал еще кое-какие распоряжения. Ну а потом позвал Мирова к себе в палатку.

Стол между двумя походными раскладушками. Каски, жилеты.

Присели.

— Значит, ты Татьяну ищешь? Не знаю, чем тебе и помочь! Думаю, что твой поезд ушел. С этим хмырем Мырриным она разошлась то ли через год, то ли через два. Как жила — не знаю. Я потом тоже быстро женился. Поддерживать прежние связи не мог. Жена у меня уж больно болезненно все воспринимала. Ну, это к делу не относится. Так-то, Олег, судьба наша сложилась... Ну, будь! Я тороплюсь. Планировка на день.

«Не густо, — подумал Олег. — Похоже, и здесь облом». Но в голове мелькнула шальная мысль:

— А Эдик Доля? Ты о нем сейчас что-нибудь знаешь?

— Ну, конечно. Эдик работал директором регионального крымского предприятия в «Молодежной газете». А сейчас перешел пресс-секретарем к мэру Симферополя. Живой парень. Он женился второй раз. У него двойня родилась. Мальчишки. Не скажу, что процветает, но живет нормально. Тебе его телефончик дать?

— Давай! Может, он что знает?

— Может, и знает. Ну, бывай!

— До скорого!

Олег шагал от лагеря по площади, усеянной сотнями выданных из мостовой камней. Ими, видимо, и атаковали ночью лагерь антимайдана. И лежали они на асфальте, как прищельцы из другого мира. Как сгустки злобы, ненависти и грязи, скопившиеся в душах людей и брошенные ими в таких же, как они, обездоленных и обманутых.

Он свернул с улицы Богомольца в переулок. Тут картина волшебным образом переменялась. Дети лепили снежную бабу: трудятся, катят ком, затем со смехом и визгом прикладывают его к туловищу. Один все пытается вставить в снежного человека добытую дома у мамы морковку. Как будто другой город. Другая жизнь. Нет ни дыма пожара, ни озлобленных тревожных лиц. Ан нет! Дети остановились и смотрят вдаль. А там, по другой стороне улицы, длинной цепочкой идут силовики в касках и бронежилетах, со щитами и дубинками...

Что-то будет!

V

Езда на хорошей машине по хорошей дороге чем-то напоминает полет на истребителе...

Олег Миров, понижая откинув переднее сиденье, чуть дремал. И вполуха слушал ворчание бессменного «кучера», Андрухи, истребованного им срочно в Киев вместе со средством передвижения. А тот чертыхался, видя на обочине очередной указатель на мове: «Пост ДАИ»⁹.

— Дай им! Дай! — бормотал шофер. — И что за народ такой? Что за страна? Ненасытные хохлы. Отец мне рассказывал про них анекдот: «Звонит телефон. Мужик поднимает трубку. Спрашивает: «Это кто?» Ему отвечают: «Это ми!» — «Кто мы?» — «Ми, хохлы!» — «А сколько вас?» — «Та одна хохля!»

И он зашелся смехом:

— Одна хохля! А теперь целое государство устроили!

— А они нас называют кацапами! — заметил Миров. — И все равно мы родня.

— Родня-то родня. Но дайшники их уж больно жадные!

Но сегодня Бог их миловал. А почему? Да потому что роскошный черный «мерседес» — внедорожник с белыми сиденьями и важным пассажиром — вызывал у доильщиков двойственное чувство. Они застывали при его проезде в недоумении и нерешительности: «А вдруг едет о-о-очень большой начальник? Останови такого. И вместо сотни-другой гривен получишь взбучку».

Так что «мерседес», как черный вихрь, беспрепятственно несся по февральской дороге. Мимо уныло болтающихся на будках желто-голубых державных флагов, мимо трезубцев и прочих символов «незалежности».

Андруха в хвост и в гриву поносил новые власти Украины. Миров же думал о том, что русскому народу, конечно, по-хорошему не хватает изрядной доли национализма.

⁹ Державна автомобільна інспекція, ДАИ — государственная автоинспекция (укр.).

«Но, с другой стороны, — крутилось у него в голове, — утонченный национализм, которым отличаются высшие классы общества, спускаясь вниз, к простым и незатейливым людям, неожиданно меняет свою окраску и превращается в грубые рубленые формулы: «Украина понад усе!», «Слава Украине! Героям слава!», «Кто не скачет — тот москаль!», «Москаляку на гиляку!». А отсюда уже недалеко и до «бей жидов!» и фашизма. Дорожка известная».

Олег переключил радио на украинские новости. Приемник выплюнул очередную порцию новостей с майдана Незалежности: «Беркут» атакует. Идет вперед. Повсюду горят покрышки. Дым поднимается над городом. Есть раненые как среди сторонников Майдана, так и среди полицейских...»

«Хорошо, что мы вовремя уехали, — думал он. — Бог его знает, что там будет дальше. Тьма египетская. Как теперь повернется колесо истории? Ну, а я скоро буду в Крыму. Найду Татьяну. А там...»

Сердце Миров сжималось в предчувствии встречи. Как она его примет? Что он скажет? Какие слова найдет? И в душе его то разгоралась надежда, то поднимались опасения и тревога...

Февральская дорога стелилась под колеса. Шипованная резина гудела так, что заглушала почти бесшумную работу восьмицилиндрового двигателя. Шел легкий сухой снежок. Не лучшее время для езды. Но, как говорится, охота пуще неволи. Так что надо ехать.

А новости по украинскому радио шли одна страшнее другой. «Восемнадцатого февраля, — вещал неизвестный диктор, — возобновились столкновения митингующих с «Беркутом». Неизвестные снайперы открыли огонь, который привел к гибели десятков участников протеста и сотрудников правоохранительных органов».

— Твою мать! — ругался Андрей. — Что ж они творят там?

Миров представлял киевские улицы, которые он так недавно покинул: «Что же там сейчас творится? Какая кровавая вакханалия началась?» И его мирное, добродушное настроение сразу улетучилось. Он вспомнил встречу на дебаркадере и слова пришедшего с майдана Луценко о том, что там застой и ситуацию надо расшевелить... «Расшевелили!» — думал Олег, зябко поеживаясь.

Дорога была пустой, все как будто вымерло в ожидании чего-то.

— Где мы находимся? — спросил он Андрея.

Тот посмотрел на навигатор и пришибленно ответил:

— Недалеко от Корсунь-Шевченковского. Щас будет пост ихних доильщиков. А там уже выйдем на прямую. Пойдем на Крым.

Начинало смеркаться. Миров заметил впереди на обочине дороги какое-то существо, похожее на большую собаку, и сказал Андрею:

— Смотри, не сбей! Видишь впереди?

Тот чуть кивнул головой и снизил скорость:

— Может, волк вышел на трассу?

Они оба вглядывались сквозь снежок вперед. И оба охнули, как по команде: стоящее на четвереньках на обочине существо начинало подниматься, вставать на ноги.

— Человек?! — воскликнул Миров.

— И что он тут делает в такую погоду? Посреди степи?

А человек поднялся, вышел на середину дороги и начал отчаянно махать руками, показывая, что просит остановиться. Невысокого роста, в камуфляжной полевой форме, но без головного убора. И в одних носках.

Они медленно подъехали к стоящему. Оба начеку. Мало ли что? Остановишься — а тут тебя и прихлопнут. Теперь человек был ясно виден в свете заходящего солнца и включенных фар.

Миров взгляделся в лицо, оно было разбито в кровь. Под глазами — образовавшиеся, видимо, от удара чем-то тяжелым гигантские синяки, такие большие, синебагровые, что глаза почти заплыли, и их не видно вовсе. Надорванное окровавленное ухо неестественно торчало на голове, как приклеенное. Камуфляж был порван в нескольких местах и спереди залит кровью.

Андрюха остановил машину. Человек подбежал к боковому окну, Демурин опустил стекло. В салон ворвался холодный зимний ветер причерноморских степей. Одновременно с ним проник в салон и простуженный голос из разбитых синих губ:

— Хорошо, что вы русские! — хрипел человек. — Украинцы не останавливаются. Боятся!

— Ты кто? — строго спросил Миров. — Чего шатаешься в степи?

Мужик по-военному четко ответил:

— Михаил! Сотник крымского антимайдана!

И тут Миров, до сей минуты все пытавшийся понять, где он видел это обезображенное лицо, вспомнил его — на антимайдане! Тот самый казачок, который, когда он пришел, докладывал Петрову о ночном происшествии. Решение пришло мгновенно:

— Садись в машину, Михаил! А то мы тут на дороге раскорячились. Не дай бог, кто-нибудь наедет.

И Андрею:

— Трогай потихоньку.

Казачок устроился на заднем сиденье и попал под град вопросов:

— Так как ты тут оказался-то, в степи? Босой, полуживой... Что случилось-то? Куда путь держишь? И где твои товарищи по антимайдану?

Из не слишком связного рассказа казачка Мирову открылась дикая история. Нынче, с утра пораньше, крымские участники антимайдана снялись из Киева и двинулся на шести автобусах в сопровождении полицейских машин обратно домой. Ехали расслабленные, слегка хмельные — кто спал, кто дремал, кто в окошко поглядывал.

Недалеко от поста даишников, что у города Корсунь, трасса оказалась перекрыта баррикадой с флагами бандеровцев. Автобусы остановили вооруженные люди с дубинками, битами, огнестрелом.

— Я проснулся, оттого что автобус встал. Сижу, как говорится, курю. А тут со всех сторон начали бить окна. Стекла вылетели. В них влетает петарда. Падает в проход. Я ее хватаю. Выкидываю. Она на улице — бух! Они перепугались. Присели. Мы заржали. Это их взбесило... Залетают с дубинками прямо в салон. И мне сразу в лоб палкой! Все закружилось.

Начали выгонять из автобусов мужиков, баб.

А на улице они уже выстроились в коридор. И давай нас бить чем попало. Кидать в кучу, на обочине...

— А где милиция-то ваша была? — спросил Андрюха.

— Менты, как увидели баррикаду и флаги, сразу развнернули свои машины. И деру! Вот, значит, они нас в кучу свалили. Подошел один с канистрой то ли бензина, то ли солярки — начал нас поливать и приговаривать: «Ну, шо, москали, ваш Константин в Москву полетел!» Другой ходит, зажигалкой клацает: «Щас мы вас подпалим!» Потом стали поднимать: «Снимайте обувь! Собирайте стекла. В карманы». Стали гонять голыми ногами по стеклу. Требовать, чтобы стекла в рот клали...

«Вот она, выучка бандеровская, — вспомнилась Мирову жаркая дискуссия, чуть не переросшая в драку в ресторане на Днепре. — Вот она где себя проявила. Так нацики из «Нахтигала» измывались над львовянами, заставляли людей есть стекло, облизывать тротуары. Вот оно где, зверье, себя проявило. В потомках...»

— Орут как резаные: «Скоро мы к вам в Крым придем! Кровью вас зальем! Будем резать, стрелять, кого не добили. Проклятые москали!» Я с ребятами вижу, что дело швах. Давай драть отсюда. Иначе смерть нам придет... И мы вчетвером кинулись в поле... Врассыпную. Стреляли по нам. Но мне повезло. Спрятался в лесополосе. А они подожгли автобусы. И уехали... Я не стал возвращаться туда. Но холодно. Вышел на дорогу...

— Ясно, — вздохнул Миров. — Андрюха, достань, что там у нас есть поесть, да налей стаканчик человеку. Доведем мы тебя, Михаил, до самого Крыма. Поехали, Андрюха! Надо до темноты, как в том фильме, помнишь, добежать до крымской границы?

Снова включили украинское радио. Теперь уже к тревоге и раздражению пришивалась злость и страх: «Сволочи! Значит, и здесь они нам жизни не дадут!» А радио все вещало: «Утром Майдан организовал мирное наступление на Верховную Раду. В нем приняли участие несколько тысяч активистов Евромайдана. Шествие возглавили народные депутаты Андрей Ильенко, Олег Тягнибок, Олег Ляшко, Андрей Парубий. Не дойдя сто метров до здания Верховной Рады, шествие уперлось в грузовики. Милиция перегородила Шелковичную улицу. Начались столкновения. Активисты Майдана забрасывают милицию камнями и подожгли грузовики бутылками с зажигательной смесью. Милиция стреляет светозумовыми гранатами и использует слезоточивый газ...»

«Мерседес» въехал в очередную ложину, и украинское радио начало тонуть в каком-то эфирном шуме... Только изредка еще прорывались сквозь хрипы какие-то отдельные фразы и слова о сожженных легковых автомобилях... горящих покрышках... убитых сотрудниках «Беркута»... погибших гражданских...

VI

Убитые насмерть крымские дороги. Отпечаток какой-то общей обветшалости и безнадеги. Это первое, что увидел и почувствовал Олег Павлович Миров, когда они въехали на территорию республики.

Миров решил остановиться в лучшей, по его еще советскому мнению, гостинице «Ялта-Интурист».

Вписанная в зеленый склон горы многоэтажная гостиница поражала в прошлом веке воображение крымчан. Построенный югославами из бетона и стали, этот гигантский имперский проект был похож одновременно на лайнер, идущий по зеленому морю, плотину и сюрреалистический город будущего.

Как и на лайнере, здесь оказалось полно лифтов — все маленькие и тесные. Это вызвало у нынешнего Мирова чувство ужаса, которое стало просто непреодолимым, когда на очередном этаже в лифт набились еще несколько человек, и тот превратился в клетку-ловушку.

Гостиница, конечно, была обустроена — советский бетонный короб начинили электронными устройствами. У входа в отель и внутри, перед гигантским обеденным залом на первом этаже, стояли турникеты, через которые можно было пройти только со специальным электронным ключом.

А в самом зале — рядами голые деревянные столы. Меню: щи да каша — пища наша. А также сосиски и квашеная капуста. Отдельный стол: овощи, фрукты и прочие продукты. Публика суровая. Судя по всему, из регионов. Многие — с северо́в. Миров определил данное учреждение как фабрику отдыха.

Людей было немного. Да и с теми персонал особо не церемонился.

Утром в дверь к Мирову настойчиво постучали. И тут же в дверном проеме нарисовалась горничная в форменном фартуке — то ли киргизка, то ли представительница малых северных народов, с коротким заявлением:

— Номер! Убирать!

Миров понял и ответил встречным предложением:

— Десять минут! — И для верности показал две растопыренные ладони.

Однако очередной стук раздался уже через пару минут, и Олег решил, что нет смысла во второй раз объяснять, что десять и две минуты — это две большие разницы. А просто быстро оделся, захлопнул дверь и отправился «в пункт питания».

Пошел пешком вниз по лестнице, утешая себя тем, что так спокойнее и для здоровья человеку надо больше двигаться.

После завтрака он спустился к стоянке, где Демурин «запрягал мерина». Они ехали на встречу со старым товарищем Эдиком Долей. Когда-то они вместе учились во Львовском военно-политическом училище. Потом служили в одной газете. Расстались. Но не потерялись.

Миров позвонил ему еще из Киева. Договорились встретиться здесь, в Ялте. В ресторане «История» рядом с морским вокзалом. Эдик гарантировал, что ресторан «вполне».

Пока они петляли в поисках подъезда к набережной, Андрюха восторгался красотами крымской природы. Но восторгался своеобразно:

— Такую красоту, такую землю, за которую столько веков бились, воевали, дураки Хрущев и Ельцин хохлам за здорово живешь отдали. Ну, дебилы! Ну, дебилы! — повторял он.

— Положим, Хрущев был сам украинцем. И ему очень хотелось, чтобы многочисленная украинская парторганизация его поддерживала во всех начинаниях. Да и подарок народу своему он делал абсолютно символический, — начал разъяснять Миров. — В то время в СССР особой разницы, у кого Крым, не было. А вот Ельцин, конечно, маху дал!

— Ельцин был полный придурок! — категорично заявил водила. — Уровень его — секретарь обкома. И ни хрена больше.

— Ну, ты так о царях не особо выражайся! — пожурил его Миров, но в душе в целом согласился со своим шофером.

На набережной радовали глаз вечнозеленые кипарисы, пихты, кедры, секвойи, каменные дубы, ели, магнолии, дорогие магазины сверкали витринами. Народа почти не было. Только неугомонные чайки летали над бухтой. Да какие-то чудачки пытались заработать на фото редких прохожих.

Миров пошел в глубь квартала, прошел мимо часовни, превращенной в церковную лавочку, и оказался прямо на крытой веранде ресторана «История».

День был нехолодный, идти в темное нутро ресторана не хотелось, и он остался на веранде с видом на море. Миров уселся на кожаный диванчик у столика и принялся разглядывать открывавшийся морской пейзаж. На безмерной морской глади медленно-медленно шла парусная яхта, а вокруг нее ныряли дельфины. Они резвились и играли. И их гибкие блестящие тела то взлетали над волнами у белоснежного борта, то уходили под воду. Мирову неожиданно охватило такое щемящее, тянущее чувство ностальгии, что захотелось плакать и смеяться одновременно.

Откуда-то из глубины выплыла немолодая, видно, опытная официантка. Стройная, одетая в черное. Оглядела пустоту, подошла к нему. Подала красиво отпечатанное меню. Еще пару минут — и заработал обогреватель. А рядом с Мировым лег мягкий, теплый плед. Гулять так гулять! Он заказал черноморских рапанов. И свою с молодости любимую камбалу. На столе водрузилась в ведерке со льдом бутылка цинандали.

Эдик словно нарисовался из прозрачного воздуха — вышел из-за стоящей перед входом мохнатой пальмы. Миров поднялся навстречу улыбающемуся другу. Ни одной морщинки. Глаза смотрят все так же весело и лукаво. Полуулыбка на устах. Не человек, а праздник.

Немного посидели. Выпили. И пошло.

— А помнишь, — начал Миров, — как в самоход ходили?..

— Одна история с Корнем чего стоит! — подхватил Эдик.

— Ну-ка, освежи в памяти!

— На третьем курсе, я тогда был старшим сержантом, училище привели в повышенную боевую готовность. Ну, из-за польской «Солидарности». Мы думали — придется поляков усмирять...

— А, да-да!

— Никого в город не выпускали. А у Кононова в то время должна была состояться свадьба. В общем, война войной, а свадьба — по расписанию... Отдельным приказом Кононову разрешили сходить на свою свадьбу. А вместе с ним — еще четырнадцать курсантам и сослуживцам. Ну, а я остался в роте. При исполнении. Вечером объявили сбор. Всех собрать в казармы. Ротный дал команду: отправляй посыльного за женихом и гостями. С печальной вестью отправил я курсанта Корнева. Надел он противогаз. Взял жетон посыльного. И вперед. Час прошел. Ни ответа, ни привета. А ротным тогда был капитан Кузьмин. Помнишь его?

— Да!

— Ну вот. Нервничает капитан: «Где? Где все эти твои женихи и алкаши? И посыльный где? Может, ему по башке по дороге дали, а? Отправляй еще двоих! Отправил я еще двоих... Перед самым отбоем эти двое вносят за руки за ноги первого. Голова его обмотана наглухо шинелью одного из «носильщиков». «Труп, — мелькает у меня голове. — Теперь будет парткомиссия и исключение из партии. Потом — трибунал и дисциплинарный батальон».

— Ну-ну? И чем кончилось? — заинтересовался Миров. — Я что-то подзабыл...

— Посыльного Корнева на свадьбе встретили... радостно. «Штрафную — человеку с противогазом! — скомандовал изрядно подпивший к тому времени жених. И, не дав Корню даже закусить толком, потребовал налить ему стакан снова: — Я отменяю все сборы!..» В итоге к моменту появления очередных посыльных первый спал за столом в шинели, шапке и при противогазе через плечо. «Забирайте тело! — распорядился Кононов. — Всех остальных я доставлю позже!»

Таксиста еле уговорили: «Этого не повезу! Он мне всю машину...» — «Ты че, командир! Не понимаешь: война?!» — «А хоть мать родная! — уперся водила. — Вам война, а мне потом тачку мыть? Не повезу!» — «Ты че?! Крепкий военный парень! А если что, мы тебе сами тачилу вымоем!..»

Над телом с замотанной шинелью головой сгрудилась толпа однокурсников, когда сзади послышался приглушенный голос ротного Кузьмина: «Расступись!..» Глянув на тело в двух шинелях, распластанное на надраенном до зеркального блеска паркете спального помещения, он повел себя самым адекватным образом. «Шинель с головы снимите!» — тихо и властно скомандовал капитан Кузьмин. Приток свежего воздуха вызвал джокондовскую улыбку на лице Корня. Слева к губам прилип листик петрушки... «Построить курс здесь, перед этим телом!» — распорядился ротный. Прохаживаясь перед двухшереножным строем, Кузьмин прочел лекцию о вреде алкоголя, делая короткие паузы только при остановке у распластанного на паркете тела. «А Корнев — тихий алкоголик! — подвел итог ротный. — Два с половиной года прикидывался непьющим! Но правда всегда выходит наружу! Доля! Поставишь перед ним на ночь персонального дневального с тазиком! Курсу — отбой!» Утром, едва очухался беспамятный Корнев, его и меня вызвал Кузьмин на разбор «залета».

— Ты лучше молчи! Как труп молчи! Прими смерть стоя и молча! — посоветовал я, хорошо зная характер Кузьмина, нормального и адекватного мужика. — Рта не раскрывай!

Ротный драл Корня, как козу товарища Сидорова. Я слушал это молча, только

кивая в ответ — принято, мол. А командир диктовал наказания для «залетчика»: не вынимать его из рядов по роте с закреплением за ним туалета, сгноить в посудомойке при нарядах по столовой, не выпускать в городские увольнения ни под каким предлогом до лейтенантских погон...

Корень моего совета не послушался, стал возмущаться: «За что вы так?! Я же выпил всего бутылочку пива!..» Наш с Кузьминым гомерический хохот слышала вся рота!.. А потом полтора года вся рота слушала напущение Корневу от ротного, когда тот доходил до его фамилии в списке увольняемых в город: «Корнев! Пива не пить!..»

Олег и Эдик засмеялись. И выпили холодного цинандали за то доброе время, когда они были молоды, беспечны и жизнь казалась прекрасной...

— Ну, что у вас тут происходит? — спрашивал товарища Миров, рассказав ему о том, что увидел в Киеве и по дороге в Крым.

— У нас тихая паника. Нашей элите сегодня стало понятно, что в Киеве переворот и надо защищать себя и свой бизнес. А бизнес, поверь мне, очень немаленький. Тут помнят то время, когда президентом Украины был Ющенко. И уже тогда возникла ситуация передела. А сейчас все понимают, что с приходом этих отможенных никого не пощадят. Не только отнимут, но и посадят, доведут до СИЗО. Теперь они оказались перед выбором. Ну, и страшно всем.

— А люди-то что? Простые люди? Сидят и ждут, когда придет это зверье «поездами дружбы»?

— Народ закипает. Знаешь, как вода в котле. Идет пар. И начинается бульканье. Выходят на улицы. Митинги проходят то там, то здесь.

— Ну, это пока нет вожаков!

— Есть! Константинов! Я его ласково зову «Хитрый прораб». Он главный. Он многим предлагал занять должность премьера. Потому что премьер Крыма Могилев решил свалить. Но все отказывались. Должность-то расстрельная.

— Неужто «буйных» мало?

— Есть один. Лидер небольшой такой русской партии Аксенов.

— А как его имя-отчество?

— Сергей Валерьевич!

— Такого не знаю! — сказал Миров. — Я знал одного Аксенова, который был заметной фигурой еще с девяностых.

— Это его сын. У него тоже путь извилистый. Учился в Симферопольском военно-строительном. Чуть-чуть послужил. Все рухнуло. Искал свое место в жизни, как и все служивые. Долго искал...

— Да, чего только не довелось пережить в девяностые! — вспомнил о своем отце Миров.

— В общем, карты сошлись у них. У Константинова и Аксенова. Знаешь, сейчас все просто решается. Константинов стоял в коридоре, а Аксенов проходил мимо. Тот пригласил его к себе в кабинет и спросил: «Будешь премьером?» Тот ответил: «Если надо — буду!»

— А в Севастополе кто верховодит? — заинтересовался Олег. — Ты ж, наверное, всех знаешь?

— Севастополь — это всегда отдельная история. Такой закрытый мир. Терра инкогнита — не ведомая остальному миру земля. Но русская земля...

— Там что? Молчат-сопят-терпят?

— У них народ особый! — отпивая холодное вино, заметил Доля. — Там же моряки, отставники. Пробовали украинцы натовцев приглашать. Так народ им и высадиться не дал на наш берег. Крепкий народ.

— Говоришь, крепкий? — слегка захмелевший Олег вспомнил девяностые и

скрытую борьбу с украинизацией флота. — А что же на украинский флот они тогда шли?

— Ну, не все были идейными предателями, как Мымрин. Обстоятельства. У кого-то семья. И люди не хотели срывать ее с места. Некоторые только получили квартиры. Кому оставалось год-два до пенсии.

— А где ж этот хмырь сейчас? — перебил Олег.

— С флотом ихним ничего путного не получилось. Так что он перебежал к ним в органы. Внутренние. Служит.

— Там ему и место. Козлу! Да что мы все о нем, о предателе? Ты Лазебникова помнишь? Как мы с ним тогда в пресс-службе зажигали.

Эдик нахмурился:

— Давай за него выпьем!

— Давай! Не чокаясь!

— Вот человек. Меня, значит, отправил на «Адмирале Кузнецове». А сам остался. И погиб на боевом посту. Получается, он меня спас, — задумчиво закончил Миров.

— Ты-то как сам? — не удержался Эдик.

— Да у меня все было хорошо. Как говорится, «богат и знатен Кочубей». Но бизнес не пошел в последние годы. Какая-то маета началась. И вот я здесь. Ищу себя. А если точно, то ищу Татьяну. Хочу встретиться.

— Да, не лучшее время ты выбрал для поисков.

— Какое есть! Другого времени у нас нет!

— Ну, что можно сказать. Последнее, что я знаю о ней, — это то, что она работала экскурсоводом в Херсонесе. Может, там ее следы надо искать? Среди руин?..

— Попробую! — задумчиво говорит Олег. — Ты мне дай еще совет. Я поселился по старой памяти в «Ялте-Интуристе». Но мне там активно не нравится. Может, подскажешь, где можно как-то поудобнее устроиться?

— Не только подскажу, но и помогу! Недалеко санаторий Верховной Рады. «Дюльбер» называется. У них есть современный филиал и бывший дворец в пользовании. Я позвоню директору. Поселишься у них. Там суперски.

— Спасибо! Хорошо.

Они посидели еще. Дождались черноморских рапанов. Миров, наконец, съел и свою любимую камбалу, зажаренную до хруста на зубах.

Не откладывая переезд в долгий ящик, Олег Павлович отправился в филиал «Дюльбера» — «Морской прибор».

На первый взгляд, отстроенный в советское время «Морской прибор» — достойный памятник имперскому прошлому Крыма. Солидные, облицованные мрамором корпуса. Новая светлая столовая. Прекрасный старый парк, в котором растет все, что может предоставить природа этого благословенного края, проще сказать, русского рая. Но, заглянув поглубже и побеседовав полчаса со словоохотливым привратником в этом раю, Олег обнаружил все признаки вырождения и упадка, которые за двадцать два года правления Незалежной обозначились зримо и грубо. Многочисленные фонтаны давно пересохли и заросли мхом. А статуи, которые тоже пострадали от времени и небрежения, были отреставрированы грубо и топорно.

Люксовый номер в главном корпусе представлял собой две малюсенькие комнатухи с совмещенным санузелом и только одним древним кондиционером. Скрипучие кровати были узенькими и короткими. Вдобавок они были продавлены, так что тяжелый и рослый Олег Павлович вполне мог упереться во время сна пятой точкой в щербатый паркетный пол. Кроме того, привратник удивил сообщением о том, что сервис и питание в столовой, мягко говоря, находятся на уровне «со-

вках». И такое пищевое злоупотребление приводит к большому «привесу» среди отдыхающих. Окончательную точку в этом плане поставило известие о том, что часть государственного санаторного парка почему-то продана частным лицам. А неустановленные частные лица построили там свой личный домик. И по вечерам из него слышны крики пьяного загула и непотребные песни.

Впечатленный услышанным и увиденным, Миров направился напрямик в собственно «Дюльбер», что означает в переводе с тюркского «прекрасный, великолепный», как прочитал он в буклете, взятом в «Морском приборе».

Они с Андрухой спустились с дороги к главному корпусу прямо на машине. И Миров воочию убедился, что наследие внука Николая Первого — Петра Николаевича Романова — сохранилось намного лучше, чем наследие коммунистов.

Дворец, построенный в мавританском стиле, открылся им во всем нетронутом великолепии. Белоснежные стены с зубцами наверху, серебристые купола, разного рода выступающие балкончики, резные наличники окон и дверей, цветная мозаика. Все это напоминало Египет, Сирию.

А когда Олег увидел сохранившиеся деревянные двери, над которыми арабской вязью что-то было тщательно выписано, то пришел в восторг. Он незамедлительно спросил у сидевшей внутри привратницы, что там начертано. И получил достойный ответ:

— Это в переводе с арабского: «Да благословит Аллах вошедшего сюда!»

Далее последовал рассказ о том, что санаторий их — самый что ни на есть настоящий дворец, в котором жили до революции великие князья. А во время революции и гражданской войны сидели под домашним арестом многие родственники царя. Главным среди арестованных был Верховный главнокомандующий русской армией в Первую мировую войну, дядя царя — Николай Николаевич Романов. При большевиках сюда каждую неделю приезжали комиссары из Ялты. И требовали выдать им Романовых для расстрела. Спасли их от расправы, как ни странно, германцы, занявшие Крым.

— Ну, а после здесь был советский санаторий, в котором отдыхали и лечились такие люди, как вьетнамский Хо Ши Мин, наши министры, члены ЦК. В общем, советская знать, — подвела итог интеллигентная тетенька.

— А сейчас? — поинтересовался Миров.

— Депутаты Рады и их родня!

И по ее тону, слегка пренебрежительному и чуть вызывающему, Олег понял, что нынешних персонал не жалует. Не те хозяева жизни пошли. Измельчали.

Внутренность санатория показалась Олегу солидной. Плотные, настоящие деревянные двери с орнаментом. Витая лестница из дорогого дерева. Диваны простые, обшитые кожей. Люстры кованые с цветными стеклами. Длинные коридоры, покрытые красными ковровыми дорожками. Старинный желтоватый паркет из цельного дерева. Высота потолков в номере — шесть метров. Сами комнаты — произведения искусства. Украшены искусной лепниной — причудливыми восточными узорами.

В центре гостиной — гигантский стол из цельного дерева. Ковер с затейливым орнаментом. Светло-коричневый буфет с гербами.

«В таком номере, — думал Миров, — наверняка жили великие князья. Как минимум!»

И еще — он чувствовал — здесь тоже все в прошлом. Дворец увядал, как увядает не поливаемый водой прекрасный белый цветок.

«Империя исчезла! — думал Миров с грустью. — А таким странным образованиям, как Украина, конечно, не по силам содержать исторические объекты».

После обеда Миров взял с полки первую попавшуюся книгу.

Книга повествовала о жизни царской семьи в Крыму. Пролистывая ее, он на-

ткнулся на историю первой любви старшей царской дочери Ольги к молодому лейтенанту с яхты «Штандарт». Читая ее девичий дневник, где она шифрует своего милого мичмана под буквой «С» (солнце, счастье, сокровище), Миров испытал какое-то потрясение. А еще он всеми фибрами своей души чувствовал, что Крым неразрывно связан с Россией. Это часть истории его огромной страны. Часть его, Олега Мирова, души. Его жизни. И ему казалось диким, странным и чудовищно несправедливым, что какие-то жалкие людишки вырвали полуостров из России и пытаются лишить его памяти о героях, царях, императорах. Памяти об этой юной девочке, которая из-за своей первой любви к мальчишке-моряку, пришедшей к ней здесь, в Крыму, отказалась выходить замуж за румынского принца. Осталась в России и погибла вместе со всей семьей в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

* * *

Миров собрался ехать в Херсонес, в заповедник-музей, где, как говорил Доля, работала экскурсоводом Татьяна. Когда он уже стоял, одетый по-походному, у дверей, раздался звонок:

— Ты вчера спрашивал, что происходит в Севастополе, кто там верховодит? Я постарался навести справки, — вещал Эдик. — Там, как чертик из табакерки, выскочил Алексей Чалый. Я тебе скажу — интересный персонаж нашего заповедника. Столько сделал для Севастополя! В частности, он восстановил и превратил в мемориал Тридцать пятую батарею. Это последнее в городе место, где в Великую Отечественную еще оставались защитники Севастополя. Так вот. Будь в курсе.

— Это что, получается, он — не из власти, а из предпринимателей? А власть-то где?

— Власть попряталась. Наши Константинов и Аксенов — тоже из предпринимателей. Считай, что новые люди берут ответственность на себя. Чиновники, они же без задора живут! У них всегда отношение к тем, кто выше, простое: чего изволите-с? А предприниматели всю жизнь рискуют. И привыкли решать проблемы. А ты чем занят?

— Собрался ехать в Херсонес! Искать там Таню, хотя бы ее следы.

— Ну, давай. Успеха тебе! Будь! Я на связи.

— Будь!

И только он собрался шагнуть за порог, как телефон снова затренькал, пришло сообщение в мессенджер. Миров чертыхнулся. Покинув Петербург, он заблокировал все номера людей, которые могли связаться с ним по сотовому. «Померла, так померла!» — решил тогда он. Поддерживать связь с прежним окружением он не намеревался.

Несколько нужных ему самому контактов записаны в телефон. А тут — это сообщение с незнакомого номера. От кого? Почему? Может, от того, кто не знает о его «гибели в аварии»? Поколебавшись с минуту, Миров все-таки решил прочитать.

Сначала он вообще не понял, о чем речь. Текст гласил: «Уважаемый Олег Павлович! Как вам и обещала в нашем путешествии вокруг Европы, я рассчитала ваш личный гороскоп. С приветом, Мария Бобриня».

Он вспомнил разговор на теплоходе, ему стало интересно. Миров пробежал еще несколько строк и хотел уже прекратить чтение этого, как ему показалось, ненужного и бессмысленного опуса. Но взгляд его зацепился за приписку, сделанную Бобриной:

«P.S. Мы направили данные о вас в Иволгинский дацан известному ламе Кирти Доржиеву, и он попытался определить, чьей реинкарнацией вы являетесь. Результат его расчетов таков. Судя по всему, вы в прошлой жизни были человеком,

родившимся в 1777 году в городе Санкт-Петербурге. Некоторые данные вашей нынешней судьбы определено показывают, что вы можете быть реинкарнацией Александра I».

Миров даже присвистнул, прочитав эту фразу:

«Бред сивой кобылы! Эти бабы совсем сходят с ума от своей астрологии!»

Он сел в машину. Они тронулись по извилистым прибрежным зеленым улицам в сторону Севастополя и через десяток минут стремительно вылетели на трассу.

Дорога петляла по склону горы, открывая то морские, то горные виды. Вот они проскочили знаменитые Байдарские Ворота, возле которых собирался летом неизменный луковый базар со связками красного лука, похожими на заплетенные женские косы.

Но избавиться от мыслей, разбуженных эсэмэс-гороскопом, не получалось.

«И опять же Таганрог! — думал он. — Как же так получилось, что судьба или карма, черт его знает что, привели меня туда? И сам не зная как, я, похоже, повторил тот же трюк, что и император? Откуда это все? Почему? Главное — почему?»

— Черт побери! — воскликнул он, чем вызвал недоумевающий взгляд Андриюхи.

— Это я так! Про себя! Ты рули. Не отвлекайся! — успокоил его Миров.

«Ну, предположим, Бобриня со своим ламой правы. Но тогда зачем я снова, правда, в более упрощенном варианте, двигаюсь по этой дороге? Вот вопрос, достойный своего решения».

Не зря Олег выбрал местом дислокации пригород Ялты. Отсюда, как из некоего центра, он мог в течение часа-двух достичь любой точки полуострова. Так что шесть десятков километров до пригородов Севастополя они промчались буквально мухой.

Не доезжая до самого города-героя, они свернули налево по указателю «Херсонес — музей». И, попетляв немного, оказались на небольшой стоянке, которая примыкала к воротам музейного комплекса.

Стоянка была пустыня.

Миров, надо сказать, подготовился и все рассчитал: «Ну, приеду я туда. Начну расспрашивать. Где она? Что с ней? Хорошо, если промолчат! А то могут и послать! Неизвестно кто, неизвестно зачем интересуется в такое время! Поэтому надо заказать самую дорогую экскурсию. По ходу дела за пару часов можно познакомиться поближе. Войти, так сказать, в доверие. И потихоньку навести справки. Ведь сколько лет прошло уже!»

И план удался вполне. Они прошли с Андреем через открытые ворота на территорию городища и присели под деревом на лавочку, ожидая экскурсовода. Ждали долго. В конце концов, тот явился. Похоже, и здесь, как в Европе, стало трендом проведение экскурсий настоящими учеными. На этот раз ему достался целый кандидат исторических наук со старинным и значимым именем Василий.

Этот Василий — длинный, слегка не от мира сего парень лет двадцати восьми — показался Олегу слегка странноватым. Он был погружен в прошлое так плотно, что Миров заволновался: «Интересуется ли он окружающими, знает ли о чем-нибудь, кроме своих черепков?»

Но, как говорится, чем богаты, тем и рады. И они двинулись по развалинам древнего города. Из рассказа просвещенного экскурсовода Мирову сразу стало понятно, что Херсонес Таврический, или, как его называли предки русских, Корсунь, — место абсолютно уникальное. Здесь сплелись интересы многих наций и народов. Здесь были все. Уже сто пятьдесят тысяч лет назад на этих землях были стоянки древних людей. Потом волна за волной в Крым приходили новые завоеватели. Доители кобылиц — киммерийцы, потом странные своей дикостью тавры, непобедимые воины-скифы. Затем объявились греки. За греками — римля-

не. Потому то ли мифических, то ли воистину живых амазонок — сарматы. Наконец, бич божий — гунны. За гуннами — легендарные хазары...

В конце концов, Миров понял, что запомнить все побывавшие в этих краях народы невозможно. Но экскурсовод продолжал: готы, турки-сельджуки, венецианцы, армяне и, наконец, татары. И обо всех — с подробностями...

Олег изнемог под бременем информации и попросил Василия как-то сократить рассказ. Сосредоточиться на более близких временах. В итоге они «сторговались» на греческом периоде. Мирову, недавно вернувшемуся из Греции, было абсолютно ясно, что древний Херсонес — маленькая копия древних Афин. Он понял эту простую истину и сразу сообразил все про здешнюю жизнь.

Наконец ему удалось остановить поток красноречия Василия. И он стал задавать вопросы о более близких ему временах и людях:

— Конечно, как и афиняне, херсониты поклонялись какой-нибудь местной богине? — наугад спрашивает он ученого гида.

— Да, здесь был культ богини — Девы, посреди города стояла ее статуя. Много сейчас по этому поводу идет разговоров. Что за богиня это была? Некоторые говорят, что Артемида. Другие называют ее Парфенос. Третьи пытаются привязать это имя к какой-то нимфе. И однозначного ответа, в общем-то, нет. Хотя в жизни этого города женщины сыграли немалую роль. Даже если вспомнить легенды и мифы.

С этого момента интерес к Мирову вернулся. И он задал следующий наводящий вопрос:

— Очень интересно. И какую роль сыграли женщины в истории этого города?

— Что-то в духе советских сказок о Павлике Морозове. Или фильма «Сорок первый».

— Ну-ну!

— Гикия была единственной дочерью правителя Херсонеса — архонта Ламаха. Ее выдали замуж за сына царя соседнего Боспорского царства Асандра. Зять поселился в доме архонта. И они жили долго и счастливо. Но вот архонт умер. И царь Асандр посчитал, что теперь править Херсонесом будет его сын. И таким образом сбудется его мечта — захватить этот город и присоединить к своему царству. Но не тут-то было. Выбрали архонтом другого. Уязвленный муж Гикии разработал план захвата власти. Под предлогом организации поминок тестя он принял приехавших с дарами молодых воинов из Боспора и прятал их в подвале огромного дома. Расчет был прост. В день поминок, когда все гости захмелеют и уснут, воины Боспора выйдут из подвала. Перебьют спящих и стражу. Откроют ворота. А там уже будут стоять корабли Асандра...

— Что-то эта легенда мне напоминает! Такой ходячий сюжет! — замечает Миров.

— Вы намекаете на Трои?

— Ну да! «Бойся данайцев, дары приносящих!»

— Только Троию захватили. А здесь все пошло по-другому. Служанка случайно обнаружила присутствие врагов в подвале. И доложила госпоже. Гикия поступила как патриотка своего города. Она сообщила о врагах горожанам. А затем обложила свой дом хворостом и дровами. Подожгла. Итог? Боспорцы сгорели. А кто выбежал из огня — того убили на улице.

— Сожгла вместе с любимым мужем?

— Ну да! За это ей поставили на главной площади две статуи с надписью на постаменте.

— Круто! Но это говорит только о женском коварстве. Надо же, напоила и сожгла. Н-да! — озадаченно произнес Миров. — Не хотел бы я быть мужем такой бабы!

— Я тоже! — согласился с ним Василий.

— Люди мало изменились с тех пор, — продолжал подбираться к современности Милов. — И жизнь наша, в сущности, такая же, как у них. Вот здесь ели! Тут спали! Это надевали. А вот так развлекались!

— Да, хлеба и зрелищ! Как было в эпоху Рима, так происходит и сейчас.

— Ну, все-таки духовный прогресс какой-никакой есть, — заметил, чтобы не казаться пессимистом, Олег Павлович. — Мы стали гуманнее.

— Да, перестали сажать людей на кол и подвешивать, как свиные туши, за ребра. Прогресс в наличии! — сострил Василий.

— Ладно вам! С приходом христианства многое изменилось. И здесь тоже.

— Ну да! Только не все так просто, как нам кажется. Легенды говорят, что здесь проповедал сам Андрей Первозванный. А факты, — Василий вздохнул, — факты рассказывают другое. Сюда из Византии направляли епископов. Так вот херсониты, прежде чем дали себя окрестить, убили четверых!

— Да, крепкие в своей вере были ребята!

— Мало того, уже после крещения сюда, на окраину Византийской империи, ссылали еретиков. Херсонес, по понятиям византийцев того времени, был местом северным, холодным и унылым. Жизнь тут сама по себе уже была наказанием.

— А для нас, для русских, для северян, оно кажется земным раем.

— Все познается в сравнении. Вот, пожалуйста, уже будучи православными, жители Херсонеса ухитрились уморить голодом папу римского Мартина Первого. У папы были разногласия по поводу христианской доктрины с императором Константином Вторым. Император его осудил за государственную измену. И навечно сослал сюда. Жители города, боясь вызвать неудовольствие императора, не продавали папе продукты.

Мартин так и пишет в своих письмах: «Ни разу не смог бы я купить хлеба... так же как и других продуктов какого-либо рода, если бы... не с суденышек, которые изредка заходят сюда, чтобы уйти с грузом соли». Он еще некоторое время жаловался на жестокосердие херсонесцев: «Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками... они не имеют совершенно никакой человечности, кою природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает...»

— Люди есть люди! — Олег Павлович уже очень хотел прекратить этот разговор и задать те вопросы, ради которых он сюда приехал. Василий же словно вспомнил, что должен вести экскурсию, и вернулся к своей теме:

— Да, я должен вам показать то, что здесь у нас всегда ищут русские, приехавшие на отдых в Крым. Место, где был окрещен князь Владимир. Так сказать, сакральное место.

— А оно сохранилось? — удивился Милов.

— А как же!

— Это там, где храм стоит? — кивнул Олег в сторону музейного окна, из которого был виден квадратный, украшенный такими же квадратными орнаментами, храм.

— Нет, не в соборе! Раньше господствовала точка зрения, что князя Владимира крестили в соборе или базилике, которая находилась на этом месте. Но впоследствии археологи раскопали так называемый баптистерий, крещальню, которая находится чуть дальше к берегу. И сегодня все сходится на том, что крещение, скорее всего, состоялось там.

— Интересно! — нейтрально заметил Милов. И взгляд его упал на монету в витрине. С нее смотрела удивительная по красоте девичья головка.

На несколько секунд он остановился.

— А-а, и вы заметили? — воскликнул гид. — Вот так же, наверное, стоял у портрета Анны и князь Владимир, когда захотел получить в жены сестру императоров.

— Интересно, — оторвавшись от витрины, сказал Миров, — ведь столько разного пишут о его крещении.

— Конечно, написано много. И о том, что шел «спор о вере». То есть, какую веру принять. И о посланцах князя в разные страны. И о том, что он хотел, чтобы племена были объединены в один народ. Все это, наверное, так. И приводятся его знаменитые слова, мол: «Веселие Руси есть пити!» И то, что он был потрясен красотой и величием греческого богослужения. А также убранством храмов. Но я все-таки думаю, что он принял крещение из-за женщины.

— ???

— Видите ли, как и всякое событие исторического значения, крещение князя Владимира и его дружины, конечно, обросло потом легендами, мифами и разного рода домыслами. Но если посмотреть на личность самого Владимира, то сразу станет понятно, что человеком он был абсолютно неординарным. Я бы сказал, творческим, пассионарным, любвеобильным и очень тщеславным.

— Да? И на основании чего можно сделать такие выводы?

— Во-первых, христианство на Руси распространялось и до Владимира. Бабка князя, Ольга, будучи вдовой, крестилась в Константинополе. Потом на киевский престол взшел Ярополк, не скрывавшей своей приверженности христианству. То есть, в принципе, христианство, хоть и медленно, но верно распространялось по Древней Руси. Это факт. Владимир же был язычником не только формально, но и по сути. Ему было двадцать лет. Он пошел войной на брата, убил его. И стал княжить. Потом он убил полоцкого князя. Женился на дочери убитого Рогнеде. Соответственно, у него был еще и гарем. А о христианстве он и не думал в то время. Наоборот, он выстроил пантеон славянских богов — сродни древнегреческому. И во главе его поставил бога-громовержца. У греков — Зевс. У него — Перун. Все было с религией прекрасно и без крещения. Пока!

— Что «пока»?

— Пока Владимира не попросили помочь константинопольскому базилевсу удержаться на троне. Он согласился. Но попросил за эту помощь сестру императора Анну! В жены. Видно, в своей ненасытности двадцатилетний князь захотел попробовать еще и порфирородную принцессу. У мужчин есть такое, когда очень хочется владеть женщиной, которая выше тебя по статусу.

— Да, бывают такие женщины, ради которых не только крестишься, но и делаешь много еще чего такого! Точнее, глупостей, — пробормотал Миров, вспомнив Марину Затейкину и свое безрадостное путешествие с нею по Европе.

— Но византийцы никогда не выдавали своих невест за варваров, которых считали людьми второго сорта. До этого к Анне сватался сын германского императора. Но получил высокомерный отказ. По этому поводу император Константин Седьмой даже писал: «Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с базилевсом ромеев, то есть либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь базилевсу ли в жены или сыну базилевса, должно отклонить эту их неразумную просьбу...»

— Видимо, положение его было уж совсем, как говорится, хуже губернаторского, раз он согласился отдать Анну?

— Василий Второй был в отчаянном положении. В империи начался мятеж. И бунтовщики уже осадили столицу — Константинополь. Пообещал. Но только поставил условие: Владимир должен был креститься. Ударили по рукам. Но ромей есть ромей. Без обмана они жить не могли. Напрасно наш князь ждал невесту. Поняв, что его обманули, Владимир решил показать им кузькину мать. Напасть на них. И осадил ближайший византийский форпост. Это была Корсунь, или Херсонес. И было это летом девятьсот восемьдесят восьмого года. Осада была долгой, изнурительной. В конце концов, после долгих перипетий, голодом и жаж-

дой он сломил упорство горожан. Они сдались на милость победителя. Архонта убили. Дочь его Владимир, как и положено язычнику, «взял на поругание». Город, правда, сильно не грабили. Владимир поселился в Херсоне и поставил Василию ультиматум: или принцессу подавай, или иду войной на Константинополь. Деваться некуда. Отправили двадцатипятилетнюю плачущую Анну к жениху. Есть и другие легенды. Якобы князь ослеп. А когда его крестили — прозрел. И уверовал. В общем, чтобы жениться, он крестился. В христианстве он получил новое имя — Василий, что в переводе с греческого значит «царь». Принял императорский титул. И возложил на себя корону. Так-то вот. Ну а затем состоялось и вождеденное венчание с Анной. После этого венчания с порфирородной принцессой он стал юридически равен византийскому императору. Возвысился неимоверно. А уже из Херсонеса с женой и огромными обозами вывозимого из города добра отправился в Киев. С ним двинулось и духовенство.

— А что ж дальше-то было?

— А дальше было Крещение Руси. Князь, вернувшись домой, снес городище языческих богов. Загнал киевлян в Днепр, где и окрестил их. Потом отправил дружину в Новгород. Там «Добрыня крестил новгородцев мечом, а Путята — огнем». То есть новая религия насаждалась силою.

— Ясненько! — задумчиво протянул Олег Павлович. — Значит, у вас двое исторических тезок. Византийский император и русский. И вас самого зовут в переводе с греческого «царь». Так, Василий?

— Выходит, что так!

— А скажите мне, Василий, как император императору: Александр Первый был в этих краях?

— Конечно, он ведь объездил весь Крым, перед тем как вернулся в Таганрог. И ушел странствовать. Здесь он якобы и заболел лихорадкой.

— Значит, вы считаете, что он не умер?

— Боже упаси! Конечно, он ушел из Таганрога странствовать. И, может быть, даже жил где-нибудь здесь первое время. В каких-нибудь пещерах скрывался.

— Вот как! — И Олег Павлович еще раз подумал о странностях судьбы.

— Давайте пройдем к месту крещения. Я вам покажу его.

— А в храм, что, не зайдём? — спросил Миров, когда они двинулись по песчаной дорожке мимо Владимирского собора.

Василий слегка замялся:

— Да он сейчас закрыт. Наш настоятель отец Сергей Халюта призвал народ на митинг. Поэтому почти все ушли, как говорится, «на фронт».

Олег Павлович остановился у каменной купели баптистерия с возвышающейся над ней беседкой-часовней и вглядывался в голубеющие под неярким зимним солнцем воды бухты. Там, у противоположного каменистого берега, сиротливо стояла пара списанных военных катеров. Но видел он вовсе не их. Перед его глазами трепещут под зимним ветром десятки грубых полотняных парусов. Ему кажется, что именно на них смотрел князь Владимир в тот момент, когда обнаженный окунался в купель. А было это более тысячи лет назад.

VII

Доехать до центра Севастополя им не удалось. Уже на дальних подступах улицы постепенно заполняла густеющая толпа. Миров еще раз прочитал полученный после экскурсии в отделе кадров музея адресок, убедился, что дом находится на Северной стороне. И самый короткий путь туда — переправиться через бухту. Он остановил машину, вышел на площади Суворова и двинулся по направлению к площади Нахимова, надеясь сесть на катер на Графской пристани и оттуда через

Севастопольскую бухту добраться до бухты Голландия. В советское время на ее берегу располагалось Высшее военно-морское училище подводного плавания.

А пока Олег Павлович шагал по улице Ленина, его не покидало какое-то странное, двойственное ощущение от города. Севастополь был вроде прежний, а вроде и не тот. Он помнил любимый город как суровую неприступную крепость, военно-морскую базу, оплот великой могучей империи, место стоянки сотен кораблей. Теперь он видел заштатный городок. В толпе, которая разлилась по улицам, почти не видно морской формы. Хотя по осанке, выправке и, конечно, по какому-то особому взгляду он узнавал бывших моряков. Отставников.

По дороге вспоминал: здесь, в штабе флота, он служил. Сюда заходил после работы попить пивка. За этими окнами находилась комендатура. Однажды его, молодого лейтенанта, забрал сюда за нарушение формы одежды строгий патруль во главе с дурковатым капитаном третьего ранга. Казалось, все это было вчера. Но на самом деле прошло двадцать два года.

Севастополь всегда славился своей сугубо морской чистотой. Сейчас же то там, то сям он замечал сиротливо лежащий мусорок. Обветшание чувствовалось и по облупившимся фасадам зданий, по некрашеным бортам стоящих в бухте кораблей.

А народ все прибывал, толпа густела, так что ему пришлось почти проталкиваться в сторону Графской пристани. Движение его замедлилось. В этот момент кто-то тронул его за плечо и произнес:

— Сколько лет! Сколько зим! Какие люди?! И без охраны!

Он обернулся и увидел смеющееся лицо. Оказалось — его хороший знакомый, зубной врач по профессии.

«Как же его фамилия? — силится вспомнить Олег Павлович. — Улыбкин? Нелюбин? Что-то такое!» Наконец, в голове всплыло: «Красавин! Виталий Красавин!»

Они сошлись в походе на крейсере «Москва». Молодой корреспондент был прикомандирован к экипажу для освещения боевой службы. А доктор — тоже молодой, красивый, а главное, постоянно улыбающийся белыми зубами — проходил стажировку на эскадре, отправлявшейся в Средиземное море. Целый месяц они прожили вдвоем в крошечной каюте на крейсере.

Сейчас лицо Красавина округлилось. На висках пробилась седина. Но улыбка была все та же и глаза — озорные, с чертиками.

Они душевно обнялись.

— Друзья встречаются вновь! Только я никак не пойму, что у вас сегодня? Празднование Дня Советской армии и Военно-морского флота? По какому случаю митинг? Или это что...

— Это митинг народной воли! — отчеканил Красавин. — Видишь, — он показал в сторону трибуны, что находилась рядом с памятником адмиралу Нахимову, — наше городское начальство собралось. Вон их сколько! Стоят, как галки на палке.

В это время рядом с ними через толпу к трибуне пробиралась группа людей. Впереди невысокий обросший щетиной человек в кожаной тужурке и черном свитере с высоким воротом.

Народ начал скандировать:

— Ча-лый! Ча-лый!

— Это Алексей Чалый, — объяснил Красавин. — Сейчас будем смещать старую власть. И избирать Алексея в мэры.

— Зачем?

— Революция у нас! — улыбаясь, ответил доктор. — Хотим сменить украинских прихлебателей на своего, прорусского. Чалый как раз такой.

Его последние слова потонули в гуле голосов. И приятели переключились на то, что творилось у трибуны.

К микрофону пытались пробиться еще какие-то люди. Судя по хорошей одежде и важной осанке, местные чиновники. Их не пускали то ли дружинники, то ли члены отряда самообороны.

— Я представитель власти! Вы за это ответите! — доносилось оттуда.

— Дайте нам слово! — кричали депутаты.

«Самооборонщики» стояли стеной.

Чалый с соратниками беспрепятственно поднялся на возвышение.

Миров никогда еще не был на таком мероприятии. На его глазах происходило нечто. Революция не революция, но переход власти в городе прямо в ходе митинга.

А с трибуны продолжали:

— Кто за то, чтобы избрать мэром Алексея Михайловича Чалого, прошу голосовать!

Взметнулся лес рук.

В общем, все шло как по накатанной.

Виталий, видимо, был вполне в курсе событий и потихоньку комментировал происходящее:

— Чалый только утром прилетел в Севастополь. Во многом сейчас идет сплошная импровизация. И избрание его, и митинг — это все окончательно проговорили только сегодня на координационном совете его соратники. Для них наступил звездный час. Я думаю, и они, и все мы много лет мечтали об этом.

— О чем? — спросил его Миров.

— О России! — неопределенно, но с совершенно ясным смыслом ответил ему Красавин на этот раз даже без улыбки. — Сейчас ребята будут принимать резолюцию.

Действительно, не тратя времени даром, с трибуны уже зачитывали решение митинга. Миров слушал чеканные слова и думал: «Здесь — как в древние времена. Севастополь сейчас похож на какой-то греческий полис, в котором вот так же правило народное собрание».

С трибуны звучало:

— В настоящее время на Украине произошел государственный переворот. Власть захватили украинские националисты, которые немедленно начали репрессии против работников милиции и политических оппонентов. Деятельность Верховной Рады не легитимна. Севастопольцы ее не признают. Чтобы вернуть ситуацию в законодательное поле, мы требуем от депутатов Верховной Рады... сложить свои полномочия... Поручаем новому избранному городскому голове незамедлительно приступить к формированию городского исполнительного комитета, отрядов поддержки охраны правопорядка и создание муниципальной милиции в целях обеспечения нормальной жизнедеятельности города...

— Кто за?

И снова лес рук.

— Ну, теперь пошло дело! — улыбался Красавин, оглядываясь на серьезные, суровые лица окружающих. — Люди готовы на все! Сейчас еще поговорят, а потом начнут запись добровольцев в отряды самообороны.

Официальная часть митинга закончилась, слово дали всем желающим. К микрофону прорвались «бывшие градоначальники». Миров думал, что они начнут кричать о незаконности всего происходящего. Но, как ни странно, бывший мэр, а затем председатель горсовета поддержали выборы и резолюцию.

«Видно, боятся ответственности. Чиновники, они ведь всегда такие. Чуть запахло жареным — и в кусты». И Миров почувствовал брезгливое презрение к этим суеязящимся, машущим кулаками после драки людишкам.

— Ну, я пойду записываться! — сказал Красавин, будто даже посмеиваясь над собой. — Я, как врач, должен быть с ребятами. Может, понадобится!

Миров посмотрел на Виталия, на окружающих. Он понимал, что это не его война. Но что-то томило душу, тревожило, задевало. Видно, есть в нас нечто глубоко сидящее, не часто выходящее наружу, не проявляющее себя полностью что-то общее.

Так и не осознав до конца, что его томит и волнует, он сказал:

— А я, наверное, поеду!

— А ты что в наших краях-то делаешь? — вдруг поинтересовался Красавин.

Что он мог ему сказать? «Ищу потерянные смыслы? Радость жизни? Что-то важное в себе самом?»

— Ищу одного человека!

— А-а! Ну, давай, покедова! — с разочарованной усмешкой ответил Красавин и протянул ему пухлую ладонь.

Олег вышел из толпы, которая уже начинала потихоньку рассыпаться, размыкаться, и быстрыми шагами направился к белой колоннаде Графской пристани.

Пройдя буквально метров двести, он лоб в лоб столкнулся... Да, это был, несомненно, он, Мирослав Мымрин. «Щирый украинец». Небольшого роста, черный, носатый, сутулый, похожий одновременно на турка, армянина и еврея.

Мымрин, державшийся раньше молодцевато и задиристо, заметно постарел, под глазами чернели круги, свидетельствовавшие, судя по всему, о проблемах с почками. Он торопливо снимал проходящих людей на портативную видеокамеру. Вот на этот зрачок камеры и наткнулся Олег, выходя на свободное пространство.

Сделать вид, что они друг друга не заметили, было невозможно. Так что остановились.

— Ты? — спросил изумленный Мымрин.

— Я! — ответил Олег.

— А что ты здесь делаешь? — напряженно произнес Мирослав.

А Олег не счел нужным лукавить и что-то придумывать:

— Татьяну ищу!

И по тому, как дернулся уголками рот Мымрина, он понял, что попал в больное место.

— Может, по старой памяти подскажешь, где она? — добавил Миров. — Как-никак не чужие.

— Не знаю! — грубо рявкнул Мирослав и перевел разговор на другое, — Я слышал, ты в Питере осел?

— Да, есть такое!

— Говорят, хорошо устроился. Бабушка помогла?! Олигархом стал? — и в голосе его Миров узнал те же отголоски зависти и недоброжелательства, что и двадцать лет назад.

— Живу, не жалуюсь!

— А что-то я тебя в списке «Форбса» не видел, — ехидно заметил его бывший сослуживец.

— Значит, не заслужил!

— То есть ты — не настоящий олигарх. Так сказать, облегченный вариант. Лайт-версия!

— Ну, наверное, так!

— Ты, говорят, и в Государственную Думу пытался пройти, да не получилось?

В его голосе Миров почувствовал нотки торжества. Получается, что за его, Олега, судьбой внимательно следили... Ему стало даже смешно. Двадцать два года. Целая жизнь прошла! Целая вечность. А этот все такой же!

И он весело ответил:

— Да, вот не получилось. Только до питерского горсовета добрался!

— Зря ты сюда приехал! — злобно процедил Мирослав. — Скоро тут порядок будут наводить! Так что может и тебе достаться.

— Я куда хочу, туда и езжу! И никому отчет не обязан давать! — теперь оцетинился Мирослав. — Смотри, как бы тут тебе не досталось! Видел? Народ-то поднимается за Россию, а?

Мырин посмотрел на него долгим немигающим взглядом, в котором читались откровенная ненависть и бессильная злоба.

Олег тоже посмотрел ему в глаза, внимательно-внимательно, покачал головой и, плюнув под ноги, пошел дальше в сторону пристани. Шел и чувствовал за спиной тяжелый, свинцовый взгляд.

А над городом гремело: «Легендарный Севастополь...»

И что-то опять поднялось в его душе. Но на этот раз он сразу узнал это давно забытое чувство — гордость за этот город, за этих людей. За его, города, и свое прошлое...

Он спустился по ступенькам к воде. Тут недалеко, буквально в нескольких метрах от берега, покачивались небольшие катерки.

Да, времена переменялись. Раньше причаливать к Графской пристани могли только катера высшего командного состава ВМФ. А теперь — пожалуйста! Водные извозчики наперебой предлагали свои услуги. К Мирославу тут же подошла милостивая смуглая девушка с остатками, видимо, египетского или турецкого загара. Предложила экскурсию на катере по Севастопольской бухте (революция революцией, а бизнес страдать не должен):

— Мы можем показать вам корабли Черноморского флота России, а также флот Украины. Провести экскурсию...

Но Мирослав прервал ее:

— Мне надо сходить на Северную сторону. А через пару часов вернуться сюда обратно!

— Мы бы вас перевезли, — замялась она, — но...

Мирослав понял заминку юной коммерсантки, беспокоившейся об упущенной выгоде. Экскурсия наверняка стоит гривен с тысячу. А переезд — сотню-другую. Поэтому он решительно предложил компромисс:

— Я плачу вам как за экскурсию, а вы меня просто доставите в бухту Голландия...

Но девушка была не промах. Что ж, жизнь, а точнее, выживание здесь, в городе, утратившем статус базы, но так и не обретшем средств к процветанию, приучила ее извлекать максимальную выгоду из каждого возможного случая.

— Если вы заплатите за две экскурсии, то мы покажем вам бухту, корабли, проведем экскурсию. Катер подождет вас у причала бухты и через два часа доставит обратно...

Мирова такой расклад вполне устроил.

Девушка позвонила по мобильному, и катер с мягкими сиденьями вдоль борта подошел к стене. Рулевой — молодой парень, может, даже ее «коханый», придержал его у стенки, а матрос-мальчишка лет пятнадцати быстро поставил трап, чтобы пассажиру не пришлось прыгать с причала на борт. Мирослав легко перешел на чуть покачивающееся на волне суденышко, выбрал место поудобнее. В эту минуту на берегу к девушке-экскурсоводу подошел какой-то седой человек в форменной шапке и черной куртке, но без погон. Они о чем-то поговорили, и девушка, взойдя на катер, обратилась к Олегу:

— Тут один наш знакомый тоже хочет переправиться на Северную сторону. Вы не будете против, если мы его возьмем на борт попутчиком?

Мирову было все равно. Лишь бы быстрее оказаться на той стороне и найти заветный дом. Мужчина перебрался на катер. Наконец, они отчалили от стены, и белые колонны Графской пристани начали удаляться.

Лена-экскурсовод и судоводитель Саша что-то обсуждали. Олег прислушался и выяснил, что какой-то Костя «завис в Южной бухте». И ему надо помочь, так как у него закончилось горючее. Экскурсия, получается, была совмещена еще и со спасательной операцией. А маленький кораблик скользил по водам бухты мимо пристани, здания штаба Черноморского флота, городской мэрии. По ходу между Олегом и его попутчиком как-то так незаметно завязался разговор.

Пожилой — судя по всему, отставной моряк — взял на себя функцию гида, и когда они шли мимо сгрудившихся в бухте вспомогательных судов, называл стоящие на рейде корабли:

— Это плавучий госпиталь! А вот рядом с ним, видите, возвышаются борта судна экологического контроля? А там во-он, чуть поодаль, стоят суда размагничивания.

— Для чего? — спросил Мирков, чтобы поддержать разговор.

— Что для чего?

— Размагничивают?

— Чтобы магнитные мины не срабатывали. Оплетают корабль кабелем. И снимают с корпуса напряжение.

— А вон «Сетунь». Это кабелеукладчик...

Взгляд Мирова скользнул по серому металлу бортов и уперся в белый, прямотаки лебединый, бок большой гражданской яхты с гордой надписью «Сапсан».

— А это что за чудо? — спросил он собеседника.

— А это посудина сына нашего президента Виктора Федоровича Януковича!

— Да, видно, талантливый бизнесмен у него сын! — усмехнувшись, сказал Мирков.

— Видно, талантливый, — вздохнул собеседник и добавил: — Я вижу, вы не местный, раз спрашиваете. Позвольте представиться — капитан второго ранга в отставке Георгий Чикин.

— Капитан третьего ранга... в отставке Олег Мирков.

— Позвольте полюбопытствовать, вы случайно не служили у нас на крейсере «Москва»?

— Ходил! Но недолго!

— Вот и я смотрю. Вроде лицо знакомое! А где видел — вспомнить не могу... Какими судьбами?

— Да ищу одного человека!

— Ну, и как вам город, флот?

— Странно все, — вздохнул Мирков. — Вроде на месте, однако все не так. Я покинул Севастополь в самом начале девяностых и больше здесь не бывал. А теперь вот смотрю — митинг. А в бухтах как-то пустовато. И моряков на улицах почти нет.

— Вот-вот! Пустовато! Потому что, когда флот поделили, украинцам досталось около одной пятой. И что? Они даже это не могли содержать в порядке. Знаете, как в той поговорке: «не зьем, так хоть понадкусываю!» Большая часть их судов так и стояла у причалов, пока не сгнила. И их списали на металлолом.

В этот момент прогулочный катер с «экскурсантами» завернул в очередную бухту, и взору Мирова открылась нелепая картина — абсолютно проржавевшая снизу доверху подводная лодка.

— Вот полюбуйтесь: «великий украинский пидвидный човен «Запорижжя»». За все годы существования ВМСУ они так и не смогли привести его в порядок. Вот он и дошел до такого состояния, что его приварили к причалу. Чтобы не утонул...

Миров уловил в голосе отставника боль и злость.

— Загубили корабли, разложили плавсостав, превратили Севастополь в свалку. Чуть не привели сюда наших исконных врагов. Вы знаете, что Госдепартамент Соединенных Штатов разместил тендер на постройку в Севастополе казарм для экипажей судов НАТО?

— Да ну? Не может быть!

— Я, за что купил, за то и продаю! — еще раз вздохнул собеседник, вглядываясь в приближающийся берег бухты.

А Мирову в эти минуты все чудилось: вот сейчас, на стоянке, где стоит борт о борт российский флот во главе с ракетным крейсером, появится авианосная группа «Адмирала Кузнецова». А потом пойдут по глади бухты десантные корабли. Поднимутся в воздух с палуб вертолеты с морпехами...

* * *

Он шел в горочку, пытаясь разглядеть учебные корпуса высшего военно-морского училища подводного плавания. Но почему-то видел только жилые дома. Судя по всему, училища на этом месте нет уже давным-давно.

— А училище-то где? — спросил попутчика.

— Тоже разорили украинцы! Ведь там готовили специалистов по обслуживанию атомных установок на подводных лодках. Зачем оно было им нужно? Хрен его знает! Ведь из лодок у них был только этот «човен» «Запорижжя».

— Н-да! А я ведь тут пережил одно немаленькое приключение.

И Миров неожиданно для себя самого рассказал Чикину, как он молодым корреспондентом вместе с курсантами-подводниками практиковался на занятиях. Решил участвовать в учебном выходе наружу из затопленной лодки. Полз по трубе торпедного аппарата. И... застрял в ней. Рассказал, как своему человеку, сослуживцу.

— С тех пор я страшно боюсь замкнутых пространств, — закончил он. — Боюсь ездить в маленьких лифтах. Боюсь самолетов. Да много чего!

Георгий слушал его молча. И, странное дело, Миров теперь чувствовал какое-то давно забытое единение с этими людьми, с которыми его когда-то свела жизнь и с которыми он делил общий тяжелый морской труд и общую судьбу.

Наконец они поднялись на горку. Чикин показал Олегу, куда ему идти.

— Ну, а мне в другую сторону!

Прощались они уже как товарищи.

Улицу он нашел. Дом тоже. Но дверь квартиры открыла совсем другая женщина — молоденькая, миловидная, судя по всему, украинка. На его расспросы ответ один: кто здесь жил до нее, она не знает. Куда уехали — тоже.

Милов толкнулся к соседям. Но и они не могли припомнить улыбчивую кореянку. В общем, вернулся он, как говорится, несолоно хлебавши. Высадился на пристани и пошел напрямиком к оставленному на стоянке авто.

За эти несколько часов атмосфера в городе резко изменилась. Прошла группа людей с российскими триколорами в руках. Кто-то задал ему вопрос:

— Товарищ! Ты не подскажешь, где записывают в ополчение?

В ответ он лишь пожал плечами. Вот и городской Совет. Миров обнаружил, что к зданию придвигается толпа. По виду — казаки, отставники и силовики. Слышались голоса: «Будем брать власть! Займем горсовет!» Люди начали энергично колотить в стеклянную дверь, из-за которой выглядывало лицо испуганной вахтерши. Наконец в ответ на требование толпы дверь открылась. Вышедший чиновник спросил: «Чего вы хотите?»

— Провести совещание!

Двери распахнулись, народ заполнил фойе. Миров заметил среди них Алексея Чалого: судя по лицу, тот был настроен решительно.

«Ну, пошла писать губерния!» — подумал Олег. И даже собрался подойти к ребятам. Но тут зазвонил телефон. Это был Эдик Доля:

— Ну, что? Нашел ты ее?

— Нет! Там она не живет давным-давно!

— А я вот тут надыбал новую вводную. Таня работала в последние годы в бахчисарайском музее, что в ханском дворце. Попробуй там поискать!

— Спасибо тебе, дружище! — обрадовался новой ниточке Миров.

Они поговорили еще какое-то время обо всем происходящем. Эдик поведал:

— Вернулся из Киева наш крымский «Беркут». Все в ужасе. На Украине (Миров заметил, что Эдик сказал не так, как говорят хохлы, «в Украине», а уже так, как говорят русские — «на»...) переворот! Янукович драпанул. Говорят, то ли у нас прячется, то ли в Харьков подался. Или в Донецк... В общем, разворачиваются события. Наши тоже задумались. Что делать завтра? С утра до вечера идут совещания. В городе митинги. Готовимся к похоронам погибших «беркутов». Что будет?!

— Не знаю! — ответил в тон ему Миров. — Поживем — увидим. Тут, в Севастополе, тоже все поднялись на дыбы. Встретил Мырина.

— А-а, перебежчика? Ну и как он?

— Физиономия гнусная, весь сморщенный, но так и брызжет ядом. Как змей или паук!

— Он таким всегда был. И в России. И у хохлов.

VIII

— Конечно, гарем хана был не таким роскошным, скажем, как гарем турецкого султана. Но во всем остальном его устройство соответствовало восточным канонам. Среди жен была установлена строжайшая иерархия. Мать правящего хана находилась на самой вершине. Чуть ниже стояли четыре, так сказать, официальных жены хана — кадины. Еще чуть дальше по социальной лестнице — икбал-фаворитки. А затем где-то — девицы, замеченные султаном... В общем, система была еще та — можно сказать, как российская вертикаль власти!

— Значит, они здесь жили? В четырех огромных корпусах? И лили слезы? От этого и название такое у фонтана — фонтан слез, о котором писал еще Пушкин? — наивно спросил Олег Павлович.

Его экскурсовод Сергей Малиновский весело рассмеялся, показывая молодые белые зубы:

— На самом деле это не женщины плакали в гареме, а хан плакал. Жестокий хан Кырым Герай вспоминал некую умершую Диляру Бикеч. Тосковал по ней. Мы можем подняться к ее мавзолею.

От гаремного корпуса по широкому двору они направились к виднеющемуся вдали куполу гробницы. По дороге Миров заметил еще один фонтан. Он стоял на дороге в верхнюю часть дворца.

— А это что за бесслезный фонтан?

— Это фонтан Александра Первого.

— Так он что, тоже здесь бывал? — удивился Олег.

— Сподобился! Благословенный путешествовал, перед тем, как ушел то ли из жизни, то ли из мира. В Херсонесе он велел построить Владимирский собор...

«Как странно, — в очередной раз удивлялся про себя Миров. — Его следы теперь вот в Бахчисарае...»

Вчера после поездки на Северную сторону он вернулся к машине и обнаружил, что его верный «скакун» стоит «на трех ногах». А рядом ходит Андрей и почему зря материт кого-то:

— Твою мать! Сволочи-подонки! Нашли где отметиться!

И рассказал, как, поставив машину в тень на стоянке, он отлучился к соседнему киоску с шаурмой. Буквально на минуту. И уже шел обратно, когда заметил, что возле «мерса» крутятся два парня в балаклавах.

«Эй, вы, что там потеряли?» — крикнул он им и прибавил ходу. Но прежде чем убежать, один из парней ударил в правое колесо чем-то острым.

— Ко мне подходили местные мужики-таксисты. Говорят, такое у них бывает. Есть тут элемент в Крыму, которые не любят российские номера. Иногда пишут краской из баллончика: «Слава Украине!» Или рисуют трезубец. Эта шушера активизировалась сейчас, когда пошла такая сумятица. Говорят, мы легко отделались.

— Нечего сказать — легко! — воскликнул Миров. — У нас запаски нет!

И подумал в эту минуту о Мырине: «Его выкормыши!»

— Но докатка же есть! — возразил Андрей.

— На докатке далеко не уехать! А залатать, похоже, не удастся. Надо искать новую резину. А такого диаметра, небось, во всем Крыму не купишь! Эксклюзив, понимаешь! Ладно, что-нибудь придумаем.

Но ничего придумать пока не удалось. Они к вечеру доехали до «Дюльбера». А утром разделились. Андрей подался в Ялту искать новую резину. А Олег Павлович начал вызванивать в турбюро транспорт для поездки в Бахчисарай.

Ему предложили машину вместе с экскурсоводом. Он согласился.

Экскурсоводом оказался крепкий, белозубый, как с рекламного плаката, чок со знаменитой фамилией Малиновский. А звали его Сергей.

Первая остановка состоялась у мемориала на Сапун-горе. Там и разговорились. Но не о боях, которые случились в этих краях, не о штурме. Как-то так незаметно разговор перескочил на годы оккупации. Проходя мимо торпедного катера на постаменте, Миров, стараясь аккуратно выражаться, спросил своего интеллигентного качка-экскурсовода:

— Знаете, еще в начале девяностых, когда сюда возвращались из Узбекистана крымские татары, я часто слышал, что они, как бы это выразиться поточнее, позиционировали себя как «коренной народ». Мы, мол, здесь жили испокон веков. А вы все пришлые, и потому никаких прав у вас нет. Это что, так и осталось?

Сергей неожиданно побагровел, и Мирову даже показалось, что слегка вздыбились его кучерявые черные волосы. Видно, он едва сдерживался. Но, в конце концов, ответил вполне вразумительно, культурно:

— Понимаете, говорить здесь, в Крыму, о каком-то коренном народе — это, по крайней мере, беспрецедентная наглость. А почему тогда не мы? Вот я — представитель древнейшего населения полуострова. Я караим! Мы тут обитаем с незапамятных времен. И что теперь? Объявим всех пришельцами? Потребуем выселения? Как немцы, оккупировавшие Крым в конце сорок второго года? Гитлер тогда заявил, что из Крыма надо выселить всех «чужаков», то есть негерманское население. При этом нацистские бонзы ссылались на то, что в середине третьего века сюда вторглись племена готов. Они создали здесь свою державу и жили тут, говорят, до пятнадцатого века. Гитлер сказал Розенбергу, что после окончания войны, когда все вопросы с населением будут решены, Крым будет называться Готеланд. В ответ Розенберг предложил назвать Симферополь Готсбургом, а Севастополь — Теодорихсхафеном.

— Получается, если бы немцы победили, то крымских татар все равно бы выслали?

— Конечно! У СС были планы переселить в Крым этнических немцев из междуречья Днепра и Южного Буга. Были также проекты по переселению сюда южных тирольцев. И Гитлер относился к этому с энтузиазмом. Он говорил: «Я думаю, это великолепная идея. Кроме того, я также считаю, что Крым и климатически, и географически подходит тирольцам, а по сравнению с их родиной это действительно земля, где текут реки молоком и медом». Более того, он подписал директиву, по которой русских надо было выселять из Крыма практически сразу. А чуть позднее — украинцев и татар. Но, как сейчас говорится, что-то пошло не так... Немецкие планы рухнули под натиском Советской армии...

Они прошли от катера на постаменте до самого конца экспозиции. Ее главными экспонатами были корабельные орудия, грузовики, донные мины, гигантские снаряды. Остановились у круглого здания диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года».

«Сколько же здесь народу нашего полегло в войнах! Сколько наших людей продано на невольничьих рынках! И Крым стал наградой за это — раем для русского человека. Не зря же здесь селилась вся знать. Художники, поэты, писатели. И все это... Одним махом. Одним росчерком пера...»

Машина тронулась, поехали дальше. Плыли мимо захватывающие дух пейзажи: горы, долины, сады. Ехали быстро, пока не обнаружили, что на том же самом месте, где в советское время размещался пропускной пункт в «режимный город Севастополь», стоит блокпост. На трассе бетонные блоки создавали «змейку», которая не давала с ходу проскочить это место ни легковушке, ни тяжелому грузовику. Дальше — полосатый шлагбаум. Возле него стояли вооруженные люди в камуфляже. Проверяли документы. Осматривали подозрительные машины.

Миров вышел из машины, чтобы подойти поближе.

Водитель «газели» открыл задние двери, показывая, что везет, и попутно спрашивал:

— Ну что, когда встали?

— Вчера встали! — ответил ему, видимо, уже привыкший к расспросам мужик с военной выправкой. — По решению горсовета шесть блокпостов вокруг Севастополя мы выставили. Будем держать оборону.

— Молодцы вы! — заметил водитель, закрывая двери. — А наши что-то в Ялте не шевелятся. А тоже бы надо! Укропы обещают направить «поезда дружбы».

— Ну, Севастополю никто не указ! — ответил мужик и подал команду молодому бойцу у шлагбаума: — Открывай, Петя! Свои!

Когда их машина прошла шлагбаум, Миров снова сел в салон. Малиновский, резво трогаясь с места, сморщил рассудительно нос:

— Быстро они сработали, севастопольцы. Народ у них тут мятежный.

По его тону Миров так и не понял, восхищается он горожанами или осуждает их.

Полусонный Бахчисарай встретил их краснокирпичными крышами ханского дворца. А также двумя стройными минаретами вновь отстроенной мечети. Вполне естественно в таком месте слышался призыв муэдзина на молитву. Тягучий и протяжный глас призывал правоверных мусульман оставить все свои дела и обратиться к Аллаху.

— «Бакче-сарай» в переводе значит «сад-дворец», — прервал молчание Малиновский. — Ханы не зря выбрали это место для резиденции. Видите, вокруг горы, а дворец находится прямо в долине. Так что тут свой микроклимат.

Они вышли из авто и направились мимо каменной колонны, украшенной орлом (так называемой екатерининской мили, какие устанавливались через каждые десять верст, когда Екатерина путешествовала по Крыму), к воротам. Остановились у тяжелых створок, над которыми на красной стене фасада было высечено редкое изображение двух сплетающихся змей. Полюбовались. И вошли.

Оказались на широком, вымощенном камнем дворе. В ханские времена тут, наверное, собирались войска, послы, просители. А теперь — туристы. Купили билеты. И Малиновский начал свой показ. Но не так, как местные экскурсоводы, а сразу — с «запретного», с гарема¹⁰.

Направились к гробнице любимой женщины хана.

А ведь Миров уже был в этих местах однажды. В молодости. Вместе с Татьяной. Поэтому Олега абсолютно не интересовали сегодня ни Соколиная башня, ни жилой корпус, ни ханское кладбище. Он вспоминал прошлое. Будто бы вчера все было.

Доехали они тогда автобусом от Севастополя до бахчисарайского автовокзала. А потом пешочком — все дальше и дальше в горы. Была безумная весна. Все цвело и пело. А они шагали мимо ворот этого ханского жилища туда, вверх, к Свято-Успенскому монастырю, к развалинам Чуфут-Кале...

В общем, прошлись они с Сергеем по обновленному ханскому комплексу. Наконец, набрали на здание, которое занимали художественная галерея и сувенирный киоск. Мирову пришлось потратить на памятные мелочи «драгоценные» гривны с изображением князя Святослава. И поговорить со словоохотливой тетенькой-смотрителем — так, слово за слово, о былых временах, о национальном составе экскурсоводов и служащих музейного комплекса, чтобы невзначай, ненавязчиво спросить:

— А вот в прошлый раз нашу экскурсию вела женщина-корейка. Она у вас еще работает?

— Да куда она денется?! Конечно. Она сейчас повела экскурсию на Чуфут-Кале. Приехали какие-то важные гости из-за границы. То ли из Финляндии, то ли из Норвегии. Спецзаказ, одним словом. Вот она их и повела.

«Все. Круг замкнулся! — мелькнуло в голове у Мирова. — Мы опять встретимся. И, удивительное дело, опять здесь же!»

И вот он уже чуть ли не бежал вверх по асфальтированной дороге. Туда, где раньше лежали руины. А теперь стояла восстановленная церковь Успения Богородицы...

...Ему двадцать четыре. Ей восемнадцать. У них полные рюкзаки домашней еды. Спальный мешок один на двоих и одеяло. Они молоды и влюблены. Идут вверх по дороге — все выше и выше. Пока не натыкаются на пустынные развалины древнего города Чуфут-Кале. Через так называемые малые ворота входят они в этот таинственный город-крепость. Стоят у мавзолея дочери золотоордынского князя Тохтамыша, разглядывают руины мечети, удивляются глубоким колеям, проделанным в камне колесами телег последних жителей города — караимов. Заглядывают в руины караимских молитвенных домов — кенасов. Наконец, решают остановиться. Находят на склоне каменную пещерку. В ней сухо и уютно. А прямо в пещерное окно заглядывает цветущая яблоневая ветка, и открывается дивный крымский пейзаж. Стелют прямо на каменной скамье свой толстенный спальный мешок...

На всю свою оставшуюся жизнь запомнил Олег ее смугловатое тело, налитые соками груди с круглыми сосками, опухшие от бесконечных поцелуев мягкие податливые губы.

«Шепот, легкое дыхание...»

Они лежат на каменном ложе, и она спрашивает его:

— Ну, теперь у меня будет ребенок?

¹⁰ Слово «гарем» пришло в русский язык через французский из арабского «харам» — «запретный, недоступный».

Группу он увидел издалека. Они спускались от Малых Южных ворот. Сердце колотилось.

Неужели она? Неужели он, наконец-то, нашел ее?

Он видел издали черные волосы, восточный овал лица. Она! Не она?

Вот они остановились у каких-то руин. Она?

Что-то рассказывает своим спутникам. И...

...И тут он понял, что это восточная женщина, может быть, даже кореянка, но — не она!

Эта явно моложе...

Олег с гидом сидели в кафешке, что примостилась рядом с мостом через речку. Ждали, пока говорливая, полная, круглолицая хозяйка-татарка подаст им лепешки и отварное мясо. Говорили о том, о сем:

— Мы, караимы, тут обитаем с незапамятных времен. Наш народ теперь уже совсем немногочисленный, — рассказывал Сергей, попивая чай из большой белой пиалы.

— А вот скажите, пожалуйста, — возвратился к прежнему круговороту мыслей Олег Павлович, — ведь караимов не выселяли из Крыма? А татар, болгар, армян и многих других Сталин отправил к черту на кулички. Смысл какой-то есть в этом? Откуда такой ярлык появился — «народ-предатель»? И что тут правда, а что — ложь?

— Название, такое обидное для татар, дал не Сталин. В Крыму было немало партизанских отрядов во время войны. Вот один из руководителей партизан и дал им такое название. Оно и прилепилось намертво. Сказать однозначно, что это так, конечно, нельзя. Но посудите сами. Серьезные историки считают, что так называемые коллаборационистские формирования в Крыму составляли к концу оккупации всего около сорока тысяч человек. Национальный состав их был разный. Были и русские, и украинские, и казачьи формирования. И даже Восточный легион. Но, конечно, самыми многочисленными были крымско-татарские. Около двадцати тысяч человек. Если принять ту численность населения, что была тогда в Крыму, то получается такая картина: почти все способные носить оружие мужчины крымско-татарского народа состояли в этих формированиях. Кроме того, из них был сформирован батальон «Schuma». А этот батальон занимался охраной главного концентрационного лагеря Крыма. Назывался он Красный. Сначала там держали пленных, а потом — всех врагов оккупационного режима. В нем погибли, по разным данным, от восьми до пятнадцати тысяч человек. И это, как говорится в России, лыко в строку, тоже было записано в вину крымским татарам. Ну и, вы же знаете, в Крыму проходила Ялтинская конференция. Поэтому полуостров «зачистили» от всех неблагонадежных элементов самым примитивным способом. Выслали и крымских татар, и болгар, армян, крымчаков...

— А после войны, говорят, были планы создать в Крыму еврейскую автономию?

— Ходили такие разговоры... Но ничем не закончились. Автономию создали на Дальнем Востоке...

Хлопотливая хозяйка с озабоченным видом подала на накрытый клеенкой стол лепешки и дымящееся блюдо с бараниной. Потом поставила рядом пиалы с сорпой.

— Кушайте, гости дорогие! — торопливо проговорила она и скрылась за две-

рью, где, судя по всему, находилась кухня (оттуда слышались звон посуды и голоса).

Гости принялись за ароматную баранину, и разговор на время утих.

Проголодавшийся Олег Павлович в этот обеденный перерыв анализировал новые данные. Увы, Татьяны он здесь не встретил. Но у «восточной подруги» узнал, что она перебралась на работу в Симферополь на какую-то ответственную должность в парламенте республики. Телефон подруга не дала. Посчитала, что не вправе.

А Олега грызли сомнения: «Как она воспримет мое появление? Может, я ей и даром не нужен?! Может, она счастлива! А я, как черт из табакерки, со своими воспоминаниями, сентиментальными соплями и запоздалым то ли раскаянием, то ли покаянием. И предложением начать новую жизнь. Да и возможно ли это?..»

Теперь ему стало страшно, что обретенная с таким трудом надежда на новую жизнь окажется иллюзией. И закружится все сначала — без надежды на радость, любовь и счастье.

Так сидел он, задумчиво жевал баранину, вздыхал и сомневался.

Но жизни все равно. Она идет вперед.

Перед глазами его снова встает дразнящая картина. Высоченный водопад. Со скалы срываются струи ледяной воды. И обнаженная Татьяна стоит под этими переливающимися в солнечном свете струями. Она смеется и машет ему рукой. Давай, мол, сюда! Он сбрасывает с себя все и заскакивает под обжигающий поток.

И они стоят под водопадом, слившись в сладком, долгом, таком долгом, что вот-вот задохнешься, поцелуе...

В это мгновение грезы его прервались самым прозаическим образом. Хозяйка чайханы принесла написанный от руки на листочке счет. Олег оплатил его. Малиновский вышел покурить, а Миров отправился мыть руки после баранины. Когда он собирался уходить, полная хозяйка нерешительно подошла к нему. Видимо, простая и добросердечная женщина хотела что-то сказать.

— Вам все понравилось? — теребя в руках салфетку, наконец, проговорила она.

— Да, спасибо! Все было хорошо!

Он видел, что она хочет еще что-то спросить.

— Мы видим, что вы человек не местный, — наконец решилась она. — И, наверное, большой человек. Русский. У нас тут ходят... — она сбилась с тона. Потом поправилась и продолжила:

— Наш мулла и старейшины говорят, что если сюда придут русские, то нас снова высылат в Сибирь. Это правда?! — В ее голосе слышались растерянность и страх.

— Что?! — Миров вскинул брови. — Кто вам сказал этот бред?! Да вы плюньте ему в лицо! Чуть собачья!

И он торопливо вышел на улицу, где его ждал однофамилец маршала и советского министра обороны Малиновский. Миров, возмущенный до глубины души, рассказал ему о состоявшемся разговоре, на что караим задумчиво ответил:

— Это выселение теперь — как родовая травма для крымских татар! На нем теперь спекулируют все, кому не лень. Есть тут у них вожди — запугивают народ. А украинская власть старательно их использует в противовес русской общине Крыма. Политика... Разделяй и властвуй...

IX

Прошло всего несколько дней с тех пор, как Олег приехал в Крым, но даже за это время все разительно изменилось.

В Симферополе уже не было никакой сонливости, присущей любой провинции. Центр города походил на растревоженный муравейник. Люди с растерянными

лицами, нахмуренные и беспокойные, суетливые, торопились, бежали куда-то. Эдик Доля тоже был занят. У него постоянно звонил телефон, он с кем-то перебрался короткими фразами.

— Да, сделаю! Вчера возили к базе песок. Привезли сорок тонн. В мешках...

Отзвонился. Спросил Олега:

— Ты на колесах?

— Машина стоит на стоянке у почтамта.

— Мне шеф поручил выяснить, что происходит сейчас у базы крымского «Беркута». Там начинается заваруха. Наши опасаются, что майданутые захватят базу. Оружие... Давай сгоняем туда?

По дороге заехали в гастроном. Купили омовцам гостинцы.

У металлических ворот дежурили люди — несколько казаков и молодые парни прибалтнного вида. В металлической бочке горел огонь. Все грелись. Они прошли на территорию. Там, прямо за воротами, стоял бронетранспортер. А окна казармы были заложены мешками с песком.

По ходу Эдик разъяснял обстановку:

— В Киеве назначили нового министра внутренних дел. Некого Авакова. А он отдал приказ: «Беркут» расформировать! И наш, и севастопольский выполнять этот приказ отказались. А чтоб на них не наехали, решили забаррикадироваться прямо у себя на базе.

Они прошли внутрь помещения, прямо в кабинет, где «сидел на телефоне» командир крымского «Беркута».

Не отрываясь от разговора, он протянул им крепкую ладонь, а сам чеканил кому-то в трубку:

— Нет! Нет! Нет!

Миров с интересом разглядывал боевую обстановку. Командир выглядел устал, потный, какой-то запыленный.

Звали его Юрий Николаевич. Наконец, он закончил разговор.

— Друг звонит. Говорит — вас больше нет! Вы расформированы. А как это нас нет?! Мы вот они! Стоим!

— Мы тут вам гостинцев привезли! Там, в машине. Заскочили на базар... — сказал Доля.

— О, это хорошо! У нас тут уже шаром покати. Держимся на подножном корму.

— Ну, а у вас как обстановка? Шеф спрашивает!

— У нас абзац полный. Постоянно звонят из Киева. Требуют арестовать Януковича, который якобы сюда прилетел... Я тут вчера своих ребят тренировал. Очень жестко тренировал. Пояснял: вас теперь не бить, а убивать вас будут. Так что готовимся. Киев обещает прислать «поезд дружбы». Да тут и местные майданутые зашевелились. Второй день собираются у ворот. Но наш народ тоже собирается. Так что передай: мы держимся! Будем держаться, сколько сможем! Ну, а они пускай там что-то решают... Быстрее. А то, говорят, к нам Аваков должен вылететь. Разбираться...

— Завтра Константином собирает депутатов на внеочередное заседание Верховного Совета. Будут решать... — обнадежил Эдик.

Они вышли на улицу и с удивлением увидели, что обстановка кардинально изменилась. У ворот базы собралась уже немаленькая толпа майданутых. Кого здесь только не было! Безусые юнцы в балаклавах, штатские, одетые в защитную униформу. Ультрас...

Над толпой реяли украинские «жовто-блакитные» флаги, виднелись плакаты: «"Беркут", сдавайся!», «За единую Украину!». А возле ворот тоненькой цепочкой стояли малочисленные защитники штаба.

Олег машинально посчитал: восемь одетых в кубанки и камуфляж, судя по всему, крымских казаков. И несколько «ребятишек». Он с удивлением обнаружил среди них и своего дорожного знакомого — того самого горячего, порывистого Михаила, которого они с Демуриным подобрали на дороге из Киева.

Судя по всему, толпа пыталась выполнить указания киевских властей. С ревом подступала к воротам.

Один казак, показывая, будто рвет на груди рубаху, закричал:

— Сначала нас убейте! А потом мы вам позволим к ним прорваться!

Миров и Доля придвинулись поближе, чтобы услышать, о чем идет горячая дискуссия у ворот базы.

Седовласый, важный, в ладно сидящей форме, в фуражке с трезубцем, старик лет семидесяти гордо вещал преградившим путь казакам:

— Я бандеровец! Теперь наша власть. Мы вам, москалям, покажем кузькину мать!

— А я — сын Советского Союза! — кричал ему в ответ Михаил, опираясь на черенок от лопаты. — Вы рано стартанули, сволочи! Народ на Юго-Востоке напу-гали. Теперь не пройдете...

— Мы этот «Беркут» поставим на колени, как в Ровно, как во Львове. Возьмем в заложники их семьи и близких. И поставим!.. — орал стоящий в первых рядах какой-то активный юнец с флаштоком.

— Врешь! Не возьмешь! — пытался ответить ему в перепалке какой-то при-блатненный парень с наколками на руках.

«Все смешалось в кучу! И криминал поднялся на защиту «Беркута», — думал Олег, уже ничему не удивляясь.

А рядом, по улице Куйбышева, тек поток легковых автомашин. Они притормаживали, сигналили. Водилы кричали из окон стоящим:

— Держитесь, ребята!

И — странное дело — Миров, оказавшийся между этими двумя противоборствующими силами практически случайно, явственно осознал, что его дело — вовсе не сторона.

* * *

Звонок от Доли прозвучал неожиданно.

— Узнал! Она работает в отделе у Маргариты Пономаренко. Но сегодня отпросилась по каким-то своим делам. А завтра будет на месте. Я дал им твой телефон, чтобы они передали ей. И сказали, что ты ее ищешь. Так что жди!

Но звонка от Татьяны Миров так и не дождался. То ли ей забыли передать, то ли она просто не хотела звонить ему.

Олег провел тревожный день на гудящих улицах Симферополя. Вечером они с Долей, что называется, посидели в гостиничном номере.

Говорили о нынешних делах. Потому что в данный момент им было не до воспоминаний о прошлом. Обоих напрягало будущее.

— Слушай, а что татары? Какой их интерес-то? Что они, извиняюсь за выражение, задницу рвут за Украину? — не удержался, задал вопрос Олег Павлович. — Ведь Украина им ничего не дала. Языка их не признала. И землей не наделила.

— Они всегда себя чувствуют обиженными. И пытаются что-то выгадать при любом историческом повороте. Выторговать. И сейчас тоже.

— И что они сейчас выторговали?

— Их вожак, Рефат Чубаров, в Киеве был. Прискакал сюда. Там ему пообещали пост спикера Крымского парламента. И квоту. Мол, в правительстве на всех постах будут их люди.

— Так уж на всех?

— На всех главных постах! Во всяком случае, половина уж точно.

— Тогда понятно, за что они бьются.

— Ну да! Пользуясь общим хаосом, татары в лице председателя своего меджлиса объявили, что они будут решать все проблемы.

Посидели, помолчали.

— Заварушка намечается знатная. Каша заваривается еще та. Украинская хунта, захватившая власть в Киеве, — с одной стороны. И ее ставленники в органах власти, возглавляемые Могилевым...

— А это кто у вас с такой фамилией грустной?

— Это премьер, глава исполнительной власти... С другой стороны — Константинов с Аксеновым и «Русское единство», которое стало основой для формирования народного ополчения. А с третьей — еще и меджлис, претендующий на власть. Похоже, дело пахнет большой дракой... Татары точно пытаются оседлать волну. Чубаров заявил, что в Сакском районе он уже создал штаб.

— А план? План какой-то есть у Константинова?

— А хрен его знает! Похоже, плана нет. На завтра назначили внеочередную сессию парламента с нейтральной повесткой дня: отчет правительства, принятие постановления об общественно-политической ситуации в стране, восстановление конституционного порядка, гарантий автономии и прав крымчан.

— А поговаривают, что будет назначен референдум о присоединении к России?

— Да бог его знает, что там будет назначено! — махнул рукой Эдик.

Х

«Была не была! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Пусть будет, как будет!» — подбадривал себя Олег прежде, чем звонить.

Мучительная неопределенность положения во всем достала его. И он, наконец, решился. Набрал заветный номер. Ждал чего угодно. Молчания. Проклятия. Холодности. Нежности.

Она отозвалась сразу. Как будто ждала.

И сразу он узнал ее легкий, веселый голос:

— Слушаю вас!

— Таня! Это я, Олег!

— Какой Олег? — в голосе появилась озадаченность.

— Я, Олег Мировой!

— Олешка, ты?! Какими судьбами? Сколько лет, сколько зим! Хотя чего там «сколько»? Почти двадцать два года. Ну, и как ты? Что?

— Я здесь, в Симферополе! Уже неделю ищу тебя. Хочу встретиться!

— Ну, это сложненько будет. У нас сегодня сессия парламента. И мы тут готовим документы. Ну, никак не удастся. Может, позднее? Завтра! Или послезавтра!

Олег уже настроился на встречу и находился в состоянии «пан или пропал».

— Таня! Это очень важно для меня! Я не могу ждать. Давай сегодня. Хоть сейчас! Хоть ночью! Мне нужно тебя увидеть!

На том конце провода, хотя никакого провода, конечно, не существовало, похоже, прониклись. Помолчали. И уже другим, не таким легким и смешливым, тоном ответили:

— Ну, я, правда, не знаю! Я нахожусь в Пентагоне¹¹ с шести утра. Тут полно работы!

¹¹ Пентагон — неофициальное название здания Верховного Совета Автономной Республики Крым в Симферополе.

— Давай я приду туда. А ты выйдешь, хоть на минуту. Глаза в глаза поговорим. Не по телефону! — настаивал он.

Она задумалась. И, видимо, тоже что-то решила для себя. Скорее всего, ей, как и всякой женщине, стало любопытно, чего это он загорелся?

— Давай! Как доберешься — позвони! Я постараюсь выйти. Но только на минуту! — Хорошо!

В принципе, Олег был доволен. А точнее — ликовал. Главное — встретиться. А там он найдет, что сказать. Личная встреча — не телефон. Собрался быстро. Доехал до стоянки мигом.

А вот дальше пошли неувязки. Всю площадь перед зданием Верховного Совета занимали толпы татар и майданутых. Татары держали украинские «жовто-блакитные» флаги. Рядом с ними развевались красно-черные бандеровские флаги «Правого сектора». Дальше стояли с плакатами: «Я гражданин Украины!», «Я русский — хочу жить в Украине!»

Периодически толпа по команде сотников выкрикивала лозунги:

— Крым — не Россия!

— Банду — геть!

— Крым — Украина!

А затем — неизменное и неизбывное, разносившееся гулким эхом:

— Аллах Акбар! Аллах Акбар!

Кое у кого Миров заметил торчащие из-под полы длинных курток концы бейсбольных бит. У других в рукавах прятались металлические прутья.

Все-таки Олег пытался протолкнуться поближе, но тут его остановил милицкий кордон. А с той стороны кордона, почти у входа, он разглядел русские лица ополченцев и казаков.

Над ними реяли крымские флаги и российский триколор.

Перед толпой татар появился человек с бородой в круглой каракулевой черной шапке и с мегафоном в руке. Он что-то кричал. Толпа отвечала.

«Наверное, это и есть Чубаров!» — подумал Олег.

Все произошло почти в одно мгновение: перепалка, какие-то стычки. И вдруг толпа рвется к входу, разом заполнив все свободное пространство. Жиденькая цепочка невооруженных милиционеров пятится под напором «жовто-блакитников». Начинается чудовищная давка.

Раздается ни с чем несравнимый вой. Стоны людей. Татары рвутся к входу. Милиционеры и казаки не дают им двигаться. Люди задыхаются, хрипят, кто-то орудует палкой. Пошли в ход флаги.

«Эх, ОМОН бы сейчас сюда!» — думал Миров, наблюдая, как татары таранили всей своей массой жиденькую цепь милиционеров. Рвались по головам, лезли к деревянным дверям парламента.

Но «Беркут» сидел у себя на базе.

А здесь в бой шли пожилые казаки, безоружные ополченцы, отставники. На его глазах смешались в кучу бараньи шапки, папахи, кожаные кепки, балаклавы, бейсболки. В какой-то момент стало ясно, что татары постепенно прижимают к дверям сторонников русского единства. И... вот в этот момент, видимо, поступила команда.

Милиционеры начали сливаться, растворяться, как соль в воде.

Прошло несколько минут, и сторонники русского единства, которые и так были в меньшинстве, оказались один на один со сторонниками меджлиса...

Миров, которого это невольное движение вовлекло само собою, выбрался к краю и отошел в сторону.

Где-то там, у ворот, началось уже ничем не прикрытое столкновение. А проще говоря, драка. Вдруг раздался убедный гул.

Татары прорвались в парламент.

Он сидел в кафе неподалеку. Прилизанный официант подал ему чашку с дымящимся чаем. Улица и площадь перед Пентагоном опустели. Только изредка мелькали какие-то люди.

Толпа рассосалась, так как было объявлено, что сессия не состоится, потому что не удалось собрать необходимый кворум депутатов.

Она появилась ожидаемо и неожиданно.

Лицо круглое. Тонкие очки. Фигура стройная. В курточке, в джинсиках. Такая независимая. Ну, конечно, ей никак не дашь и сороковника. Можно даже обратиться «девушка». Что и сделал подошедший официант:

— А что будет ваша девушка?

Сначала он растерялся и забыл про цветы, которые купил в соседнем магазине. Но собрался. Преподнес. Она попросила официанта поставить цветы в какую-нибудь посудину, тот забрал букет и вернулся через минуту с вазой. В общем, пока происходили все эти маневры, Олег и Татьяна вели себя так, как будто расстались вчера. А сегодня встретились. Татьяна, наконец, устроилась и... закурила тоненькую дамскую сигарету. Миров слегка обаддел. Он нервничал. Он думал, что она заговорит о прошлом, о любви. Но разговор шел о дне сегодняшнем.

— Господи! — торопливо произнесла она. — Что мы сегодня пережили! Ужас какой-то! С утра пришли на работу. Еще темно было. Все в здании боялись снайперов. Представляешь? Само постановление сессии человек писал, сидя в туалете. А печатала его наша машинистка, лежа на полу. Вот такая сегодня была обстановка. Утром стали собираться депутаты. Кто сам пришел. А кое-кого ополченцы привезли. Между кабинетами по коридорам метались посланники Киева. Из Верховной Рады приехал Андрей Сенченко. Тут же Рефат Чубаров из меджлиса. Я его раньше видела. Вполне приличный, сдержанный человек. А тут весь в истерике бьется. По телефону куда-то звонит. К Владимиру Андреевичу заскакивает. И начинает голосить: «Будет море крови!» Кому-то по телефону: «Вы продались Москве!» Как сумасшедший. Курит! Плюется! Бегает, орет... В общем, дурдом сплошной. Мы, а в аппарате работают в основном женщины, сидим, трясемся. Что будет? Что будет?.. В окна начали выглядывать. А там дикая толпа. А когда они ринулись на штурм и милиция разбежалась, я поняла: ну, все...

Миров всматривался в ее лицо и только теперь, когда уже прошло несколько минут, заметил, что молодость, красота и уверенность ее — это больше маска, результат усилий парикмахера и косметолога. А за нею скрывается испуганный и даже измученный человек. И в ту минуту, когда он понял это, его охватило неизбывное чувство жалости и любви. Но он не перебивал, чувствуя, что надо дать ей выговориться.

— Начали регистрировать депутатов. Должно было быть для кворума шестьдесят три человека. А оказалось всего сорок девять. Остальные попрятались. Что делать? Чубаров с Сенченко обрадовались. Нет, мол, кворума. А без него сессия не легитимна. Только отложили сессию, как раздается рев толпы. Это татары, отеснив наших ополченцев от боковой двери, ворвались в здание. Внизу татары встретили Чубаров и Аксенов. Сказали, что сессия не состоится. Чубаров вопит: «Крым победил! Сепаратистская сессия сорвана! Можно спокойно расходиться!» Тут новость приходит. Двух человек в этой толчее у входа насмерть задавили. Множество раненых. А один татарин прорвался — и сюда, на этаж. В приемную Владимира Андреевича. Глаза стеклянные. Орет как резаный: «Я пришел забрать твою жизнь! Убить тебя! Я — «Правый сектор»! Брал Межигорье Януковича!»

Бьется в истерике, как припадочный. С пеной у рта. Похоже, обкуренный... А Владимиру Андреевичу какво?

Она, наконец, закончила тираду. Глубоко затянулась ароматной сигаретой. Выдохнула.

— Мы дождались, когда все затихло, и тоже стали выбирать. Господи! Что будет? Что будет дальше? Тут такие разговоры идут! Мол, скоро прилетят самолетом и придут «поезда дружбы». Начнут убивать, грабить....

Миров подлил ей в бокал вино и собирался сказать: «Все будет хорошо!» Но так и не сказал, потому что не хотелось врать. Он и сам толком не знал, что будет. А главное — ему самому теперь стало страшно. Но все-таки решил, что надо переменить тему. Положил свою руку на ее холодную ладонь и произнес:

— Таня! Я к тебе приехал!

Она молча потихоньку убрала свою руку и насмешливо (но губы все-таки дрогнули) произнесла:

— Не прошло и четверти века, как ты о нас вспомнил!

Он потупил глаза. И молчал, пока подошедший официант ставил на столик кофе и убирал посуду. Он хотел что-то объяснить, посмотрел ей прямо в подернувшиеся влагой глаза. Но она опередила его:

— И куда ты исчез тогда? Я ждала. Писала. А ты пропал! Почему? Отчего?

По ее дрожащим губам, по тому, как обозначились легкие морщинки на переносице, он понял, как ее жжет нахлынувшая старая обида.

— Я ушел тогда вместе с «Адмиралом Кузнецовым». На Северный флот...

— Ну, хорошо! У вас, мужиков, долг, служба... Но почему ты не позвонил? Не написал тогда... потом? Я ждала. Спрашивала у ребят. Искала тебя. Господи, чего я только тогда не передумала!

Трудные вопросы. И трудные ответы.

— Мы целый месяц шли в Североморск. А потом... Потом мне сообщили, что ты вышла замуж, — он помолчал секунду, — за Мирослава... — И добавил, чтобы уж все было точно: — За Мымрина.

— Кто же сообщил?

— Были люди. «Добрые»...

— Вот как?! И ты, значит, обиделся? А со мной не надо было поговорить? И у меня спросить, что и как, — в голосе ее опять зазвенела старая боль и обида, — не удосужился за двадцать два года!

Он опустил голову. Что на это скажешь?

— Ты обиделся. И даже не стал интересоваться, что, почему? Хочешь знать, почему я вышла за него? Хочешь? Хочешь?

Он кивнул.

— Я тебе скажу! Когда ты исчез, я, конечно, надеялась. А потом, потом скоропостижно умер папа. От инфаркта. Мне было восемнадцать. И мы остались с мамой вдвоем. В чужом городе. Без поддержки. Без денег. Без работы. И все это, когда мир рассыпался на наших глазах. А я была беременна!

Миров аж подскочил в своем кресле:

— Как?!

— Так! Беременна от тебя! И куда мне было деваться?! А тут он. Мымрин! Танечка! Танечка! Ласковый такой. Помогал с похоронами папы. Мама просила меня. Я ждала. Ждала. Хоть какой-то весточки от тебя... А потом ждать перестала. И вышла за него. Можешь спросить, как мы жили. Сначала ничего. А потом, когда он понял, осознал, что я его не люблю, начал звереть. Жизнь стала адом. И я от него ушла. С годовалой дочкой на руках. Жили из милости на квартире у одной доброй тетки. Торговала на рынке. Чтобы не помереть с голоду... А теперь ты приехал. Благородный, добрый, с цветочками...

Ошарашенный Мирков в эту минуту думал об одном:

— Значит, у меня есть дочь...

— Это у меня есть дочка!

— Тань! Я виноват! Кругом. И не виноват. Так получилось. Все вокруг валилось. Меня вызвал начальник контрразведки и сказал: «Хочешь остаться живым? Вали отсюда, пока все не затихнет!»

— Поздно уже!

И не понятно было, о чем это она: то ли поздно, что уже вечер, то ли он поздно приехал.

— Я устала! Мне надо домой. Надо жить как-то дальше. Ты приехал. И уедешь! А мы тут остаемся. Как и тогда. На съедение этим майданутым! — Она вздохнула: — Видно, такая судьба. Знаешь, как в той песне. Про рябину и дуб. Хотелось рябине к дубу перебраться, да, знать, судьба такая — век одной качаться.

Она ушла. А он остался один. В голове пустота. И какой-то звон в ушах.

Его встряхнул телефонный звонок от Эдика.

— Ну что, встретились?

— Встретились! — вздохнул Мирков.

— Судя по тону, хреново все.

— Хреново?

— Да, теперь надо начинать все заново. Кстати, ты где сидишь?

— В кафе. Недалеко от вашего Пентагона.

— Я сейчас подойду!

— Ну, давай! — Мирков даже обрадовался живому человеку, потому что, как представил, что надо пережить эту ночь одному, стало не по себе.

Доля появился так быстро, что Мирков не успел допить свой бокал вина. Эдик был озабочен и деловит. Присел на краешек кресла, в котором до него сидела Татьяна. И взял быка за рога:

— Слушай, тут у меня одно поручение есть от самого, — он не назвал фамилию, но Мирков сразу понял, что речь идет о Константинове. — Он попросил меня сейчас отвезти одно письмо. Но так, чтобы оно попало к адресату немедленно. А я что-то с утра заметил: за моей машиной, как приклеенная, движется еще одна. Судя по всему, это ребята из СБУ. Вот я и подумал: мало ли что? Твое чудо-юдо на колесах?

— На колесах!

— Может, мы на ней рванем? Они ни в жизнь не догадаются! Ты-то здесь не местный, чужой. А догадаются, так и не догонят!

Мирова почему-то укололо слово «чужой». Но он промолчал.

— Давай съездим!

— Только письмо это жутко секретное! — шагая к стоянке, говорил Доля. — Нельзя, чтобы оно попало в руки к кому-нибудь еще, кроме адресата.

— Ну, ты прям темнишь. Кто адресат-то?

— Тут в санатории отдыхает один человек. Из наших. Бывший подводник. Служил на Северном флоте. Сейчас в отставке. Предприниматель. Зовут его Олег Евгеньевич Белавищев. Надо отдать ему это письмо во что бы то ни стало!

— Да ты, Эдик, не нагнетай! Надо — сделаем! А твоя тачка где?

— Да вон стоит! А позади нее через одну стоит их тарантас. Ждут, видно, когда я вернусь к своей машине. Только хрен вам, милые...

Черный тюнингованный «мерседес» тихо скользнул по улицам Симферополя. А на трассе, задействовав все свои шестьсот лошадиных сил, быстро помчал их к воротам элитного закрытого санатория.

За окном дремала столица Крыма. А ему не спалось. Яркий свет от реклам и шум какого-то движения на улицах не давали Мирову заснуть глубоко, по-нормальному. Он постоянно просыпался. И в голову его, как ночные воры в сарай, пробирались беспокойные мысли. Одна за другой. Они будили воспоминания, несбыточные надежды и горькие разочарования.

Этот «круговорот мыслей в природе» начинался с Татьяны. Потом перекатылся к дочке: где она? Кто? Чем занимается? На кого похожа? Знает ли хоть что-то о нем? Теперь, Олег это хорошо чувствовал, он связан с Крымом не только воспоминаниями юности, но и кровными узами. Здесь его женщина. И дочь.

Покрутившись вокруг дней прошедших, Мирю начал, как бусинки на четках, перебирать, перетирать в голове нынешние события. Киев. Крым. Что будет дальше?

«Все они уповают на Россию. Россия, мол, нам поможет».

А вот он лежит, не спит и сомневается: на родине правит бал так называемый либерализм. И люди без гражданского чувства. Люди мира. Что им за дело до надежд и переживаний русского народа! Им бы брюхо набить. Хорошо кушать. Хорошо какать. Это, с одной стороны. А с другой? Если верх возьмут бандеровские недоумки, то России как государству тут не остаться. Базу Черноморского флота ликвидируют. А если флот выгонят — куда деваться морякам? В Новороссийск! Там что-то строят, какой-то «запасной аэродром». Но ни климат тамошний, ни местоположение не располагают. А народ куда? Это сколько людей надо будет переселить! Сотни тысяч! Моряки, их семьи. Беженцы. Опять как в девяностых. Да сколько ж могут русские бежать из собственной страны?! А америкосы поставят здесь свою базу. Поднимут свой флаг. И их матросики в белых поварских колпаках будут снимать русских девчонок в кабаках... И, может, даже его дочь!..

Губы шевелились, произнося ругательства. «Мы тут будем гостями. И бандеровцы в бараньих шапках и свитках будут говорить через губу: «Чемодан. Вокзал. Россия».

От этих мыслей у Мирова голова шла кругом, сжимались челюсти. И закипела в груди давно забытая русская ненависть — к тем, кто лишает выбора.

* * *

Он шел по длинной утренней улице мимо скверов и домов, мимо памятника Екатерине Второй.

«Где же выход? — думал Олег Павлович. — Должен же быть какой-то выход? Кто-то должен положить предел этой вакханалии? Этому беспределу! Так продолжаться не может. Эта вечная беготня. А наши-то куда смотрели? Все эти великие дипломаты, политологи... Все профукали, проглядели. Все просрали... Думали, если газ даем дешевый, то за это все нам будут благодарны. Дурачье черво! Дождались! А те работали. Тихо, тайно. Обработывали мозги. И вот теперь...»

Блуждающий взгляд Олега упал на величественный памятник, и ему показалось, что и сама Екатерина, и Потемкин, и Суворов, и все-все они смотрят с усмешкой и даже некоторым презрением на него... да что на него! На всех своих незадачливых потомков!

«И что теперь? Гражданская война? Бойня?! Народ тут настроен решительно. Вожаки есть. Тот же Константинов, Аксенов! Но и с той стороны тоже. Татары опять же... То-то полыхнет, когда пойдут сюда наики с цепями, кольями, а за

ними — орда мародеров, рейдеров, мошенников... И опять — передел власти, собственности...»

На подходе к зданию Верховного Совета Крыма Олег Павлович заметил нечто странное. На обочине улицы в ряд были припаркованы тентованные КамАЗы. А посреди улицы, сколько хватало глаз, бесконечной, уходящей куда-то вдаль линией стояли через каждые пять-семь метров люди. В камуфляже. В новых сферических касках. И с оружием. Но без опознавательных знаков на форме. Просто «зеленые, хорошо экипированные человечки». Стояли и молчали.

«Это сколько же их здесь? До хрена! — думал Миров. — Явная демонстрация силы. Но чьей силы? Кто они?»

Вот и площадка перед зданием парламента. Здесь группами стояли горожане. Тоже думали-гадали, расспрашивали друг друга.

Олег подошел к одной такой группке, которая кучковалась вокруг общительного, небольшого росточка, слегка комичного мужичка с трехдневной щетиной. Он рассказывал:

— Ночью. Ночью они приехали. Зашли в Пентагон.

— Как зашли? Там же охрана? — перебил его длинный, явно политичный старичок, из тех, что названы в романах Ильфа и Петрова «пикейными жилетами».

— Да они просто взорвали дверь! И вошли. Охрану, ментов этих, вывели на улицу. И отпустили. Потом стали обходить этажи. Я спал в подвале. В подсобке. Они меня разбудили, растолкали...

— Бухой, что ли, спал? — спросил крепкий, спортивный парень в кожаной куртке.

— Ну да! И попросили меня на выход.

— Так уж и попросили? — перебил старик.

— Может, по шее дали?

— Не-е, вежливо попросили. И даже пожелали хорошего дня.

— А кто они то?

— Хрен его знает, кто! Но какие-то они слишком вежливые...

Миров отошел от этой группы и двинулся дальше по длинной улице мимо КамАЗов. Странное дело. Каким-то шестым чувством он ощутил незримую связь между событиями нынешнего утра и своей вчерашней ночной поездкой. С письмом к бывшему адмиралу. Но перевести это интуитивное чувство в большее, в какую-то конкретную логическую мысль, ему так и не удалось, потому что его внимание быстро переключилось на новую «сцену у фонтана».

По этой же улице идут симферопольские девчонки, пять подруг, проходят мимо стоящего у обочины тентованного КамАЗа. Возле него на страже стоит молчаливый «зеленый человечек» в полной экипировке, с маской на лице. Девчонки щечечут о своем.

Но вот одна разбитная в коротенькой юбчонке начинает заигрывать, проходя мимо часового:

— Ребята! Вы откуда такие красивые и важные?

— Вы чьи такие суровые? — подхватывает вторая, черноглазая и грудастая.

И, видно, не выдерживает солдатское сердце. Откликается. Зеленый, не зря же он «вежливый», не может не ответить девушке. И так негромко, но звонко, сквозь свой «намордник» произносит:

— Мы свои!

Олег, проходя мимо, услышал это оканье и сразу почувствовал северный вологодский говор. «Господи, — вихрем пронесся у него в голове рой мыслей. — Это же наши! Наши пришли! Русские! Россия! Россия пришла на помощь! И демонстрирует силу! Предупреждение всем, кто хочет устроить здесь кровавую бойню».

И сразу потеплело на душе.

— Равняйся! Смирно! Вольно!

Он стоит в строю. Рядом со всеми. Одетый, как и все. Камуфляж. Бушлат. Кубанка.

И ждет приказа.

С утра Миров вышел из гостиницы, чтобы ознакомиться с обстановкой в городе. А сейчас стоит правофланговым в четвертой роте симферопольского ополчения. Рядом с ним казак Михаил. Тот самый, которого он подобрал в степи под Корсунью. В ряду через несколько человек видна грудь его водителя.

Они здесь. А «мерседес» — на платной стоянке.

А получилось это так. Утром Демурин явился к шефу и заявил: «Хочу записаться в местное ополчение. Чтоб хоть как-то помочь своим». Миров подумал. И разрешил. А потом спросил сам себя: «А что я? С Татьяной пока получилось, как получилось. Уезжать я не намерен. Другие чем-то заняты в эти дни. Так почему бы и мне не помочь по мере сил? Социальное положение мое здесь не определено. Я теперь не «лайт-олигарх», а Миров. Странник. Человек без определенных занятий. Да, кстати говоря, у них в ополчении полно богатых и успешных. Приезжают на дорогих иномарках, ставят на стоянку, а сами — в строй. Так чем я хуже их?»

Так он оказался в роте. И нашел свое место в строю. При его росте оно оказалось на правом фланге.

Раздалась новая команда:

— Разойдись!

Командир, бывший офицер Советской армии Самвел Мартоян по телефону выяснял обстановку, а ополченцы, покуривая, говорили о том о сем. Казак Михаил, потягивая зажатую в кулак сигарету, повествовал о вчерашнем деле — встрече «поезда дружбы». В выражениях не стеснялся:

— Они, суки, думали, что будет, как в Киеве. Или под Корсунью. Одначе ошиблись! — Михаил сплюнул желтой слюной на брусчатку и запальчиво, даже с истерической ноткой продолжал:

— Мы их уже ждали! С железными щитами, с дубинами, черенками от лопат. Мужики из исторического клуба даже кольчуги и латы пододели. Выстроились мы на перроне. Тыщи две нас. Стоим. Ждем. Ну, сволочи, зверье, щас мы вам покажем! Думаю, только из вагона рванут — сразу вдарю! В колья возьмем! Подходит поезд. Все подготовились. Подтянулись. Стоим... А никого в вагонах нету. Пусто. Струсили, сволочи! Высадились в степи. Бежали, хреновы вояки! Им только с безоружными воевать. С бабами, стариками и детишками. Бандеры, е... Это им не Корсунь, где нас в автобусах жгли...

Раздалась команда на построение. Из здания возвратился Мартоян. Вышел. Стал перед их сотней — приземистый, угловатый, крепкий такой. Сказал:

— Сейчас я беседовал с новым премьером. Аксенов сообщил, что в наш аэропорт должны в ближайшее время прилететь каратели. Сергей Валерьевич нам поставил задачу: блокировать взлетную полосу и не дать сесть самолетам из Киева.

— А кто такой этот Аксенов? — спросил кто-то из рядов.

— Сергея Валерьевича утвердили премьером правительства Крыма на проходящем сейчас заседании парламента. Он теперь у нас — исполнительная власть!

— А, это тот, что пытался развести нас с татарами?

— Да.

— А татары-то притихли! — заметил стоящий рядом с Мировым ополченец.

— Притихнешь тут, когда у них зачищают схроны с оружием. Оружие изымают.

— Во как! Молодцы! — восхитился Михаил.

— Разговорчики в строю! — совсем по-военному скомандовал Мартоян. — Сейчас берите во-он там черенки от лопат. И готовимся к погрузке.

Через полчаса тентованные КамАЗы двинулись по вечерним улицам Симферополя в сторону аэропорта. Мужики понимали, что дело их отчаянное, поэтому на душе у каждого была тревога. Но и решимость — не допустить карателей в город, не дать разгромить парламент, разогнать людей.

Дорога не заняла много времени. Выгрузились в темноте, молча. Так же, молча, вышли на освещенную площадку у неказистого «пластмассового» здания аэровокзала. Двинулись в сторону решетки, окружавшей летное поле. Откуда-то из темноты к ним навстречу вышли дежурные милиционеры. Остановили. Отцы-командиры провели свойские, неспешные переговоры. Благо милиция здесь дежурила своя, местная.

Через несколько минут двинулись толпой дальше. Напряжение нарастало. Подошли к металлической решетке, через которую собирались попасть на поле. На воротах замок. Тишина.

— А бочки с горючкой забыли! Оставили в машинах! Надо вернуться. Забрать! — предложил Михаил. — Айда обратно за ними!

Михаил, Олег, Андрей и еще несколько ополченцев вернулись и принялись сгружать бочки. Подтащили их к ограде. В это время люди взяли за ворота.

— Ну что, начали! — скомандовал Самвэл.

И ополченцы дружно навалились, уперлись черенками в железо. С первого натиска одолеть тяжелые металлические ворота не удалось. Принялись их раскачивать. Туда-сюда. Туда-сюда. Металл выгибался и выкручивался.

Еще раз всей массой дружно навалились на решетку, и ворота с грохотом рухнули, освобождая путь.

Рота прорвалась! Вперед! Вперед!

Подсвечивая себе фонариками, торопясь, они бежали по бетонке к взлетно-посадочной полосе. Наконец, добрались. Подтащили бочки с горючей смесью. Самвел расставил народ по всей длине полосы.

— Зажигай факелы!

Загорелись обмотанные полотенцами самодельные факелы. Задача почти выполнена. Теперь летчики уж точно увидят, что на полосе горят огни. Поймут — садиться нельзя.

Шли минуты. Самвел позвонил Аксенову, доложил:

— Сергей Валерьевич, я на взлетной полосе! Готов поджечь бочки! Ждем команды!

Время тянется томительно медленно. Наконец, приходит ответ:

— В Киеве уже знают, что аэропорт заблокирован. Так что теперь они не сунутся! Можно уходить!

Это известие вызвало у народа неподдельное ликование:

— Ура! Дело сделано! Ну, ребята! Мы молодцы! Можно уходить.

Рота превратилась в толпу и начала обратное движение к светящемуся в темноте зданию аэропорта. Все были радостно возбуждены. Напряжение спадало. Но на подходе к зданию терминала откуда-то из бокового входа навстречу им вышла группа с автоматами.

В толпе поднялся шорох:

— СБУ! СБУ!

Они остановились.

Олег, как и все, крепко сжал свое единственное оружие — черенок от лопаты.

Из группы эсбэушников вышел человек. Миров глазам не поверил, даже потер их ладонью: Мымрин! Мирослав!

Вот где в прямом и переносном смысле снова пересеклись их стежки-дорожки.

— Вы кто? — повелительным тоном, не обещающим ничего хорошего, начал разговор эсбэушник.

— Мы — народное ополчение Крыма, — спокойно-примирительно ответил ему командир роты.

— Зачем вы сломали ограду?! — повышая тон и взвинчивая себя, закричал Мымрин. — Вы знаете, что это режимный объект!?

— Мы сломали. Мы и починим! — мирно ответил Самвел.

— Значит, вы местные?

— Мы местные!

— Так вот, местные господа! У вас две минуты, чтобы сдать оружие! — орал Мымрин.

— У нас нет оружия!

— Время пошло!!!

Напряжение росло.

Мымрин заметил среди ополченцев Мирова. На секунду их взгляды пересеклись, и лицо врага перекосила гримаса ненависти. Миров видел, как дрогнула рука, сжимавшая приклад автомата.

— Оружие к бою! — скомандовал Мымрин.

И как в замедленной съемке, поднялись на уровень груди черные стволы. Клацнули взводимые затворы.

«Ну, все, конец!» — как-то отстраненно подумал Миров. Но страха в его душе почему-то не было. Скорее, тихая ярость. Та самая, бессильная, безнадежная русская ярость, которая заставляет рвать в последнюю минуту рубаху на груди. И кричать в лицо врагу: «Стреляй, сволочь!»

Все понимали: сейчас раздастся последняя команда «Огонь!» — и всех их положат прямо здесь, на бетоне, перед терминалом.

Миров слышит позади себя чей-то молитвенный шепот: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий! Помилуй мя, грешнаго! Пронеси чашу сию!» Он тоже мысленно прощается со всеми. Но глаз не опускает... Секунды бегут...

Что это?

Раздается звук двигателей. Позади них загорается свет. Этот свет бьет прямо в лица стоящих впереди с автоматами наизготовку эсбэушников. Слепит их. Они начинают морщиться. Чертыхаться. Ополченцы оглядываются. И видят: один за другим выезжают на поле армейские грузовики. Разворачиваются. Строятся в линию. Из них выскакивают «зеленые человечки» в полной экипировке. С оружием наизготовку. Занимают позиции. Подходят к ополченцам сзади.

Раздается голос:

— Что здесь происходит?

И опять Миров, а вместе с ним и вся сотня чувствует, что это свои. Кто-то кричит в толпе: «Россия, вперед!» Этот крик подхватывает сотня голосов. И начинают скандировать:

— Россия, вперед!

Кто-то истерически смеется. Кто-то заводит песню. Люди обнимаются. Плачут. У Мирова дрожат колени. Он пытается идти навстречу солдатам. И не может. Чувствует, как слезы сами собой текут у него по щекам.

Рядом всхлипывает Михаил. И пока царит радостная сумятица, свет от фар как-то незаметно растворяет эсбэушников.

Они, как призраки, исчезают в темноте.

Уже сидя под тентом направляющегося в город КамАЗа, Милов задремал. А в гостинице впервые за много дней заснул спокойно, с мыслью: «Много еще будет всего впереди. Но теперь ничего не страшно. Что бы теперь ни случилось здесь, теперь мы не одни! За нами Россия!»

XII

Утро туманное. Туман окутывает дома и улицы. Делает призрачными силуэты людей. Заставляет водителей усиленно таращить глаза в поисках зеленого сигнала светофора.

Но этот туман обнадеживает Олега. Потому что он — предвестник весны. Теплый воздух пробивается сюда, смешивается с зимним холодом, повисает пеленой над полуостровом. Пройдет еще час-другой. Ветер развеет туман. И обязательно выйдет солнце.

Они с Андриюхой завтракали в гостинице. Завтрак всегда тут один и тот же: овсянка, яйца, сосиски, хлеб с маслом.

Андрей завел разговор:

— Севастопольский «Беркут» перекрыл въезды в Крым. Все три!

— Ну и что? Это хорошо! — гудел Милов с набитым ртом.

— Шеф! Их всего двадцать четыре человека! Они просят поддержки. На Чонгаре, что к нам ближе всего, — семеро. Если правосеки попрут дуром, они не удержатся! Мы с ребятами хотим выдвинуться туда, чтобы хоть как-то их поддержать!

— Ну и что от меня требуется?

— Да я за разрешением! А вы пока сами поездите здесь!

— Вот что, дорогой, — ни минуты не сомневаясь в своем решении, сказал Милов, — я тоже поеду с вами!

Что-то изменилось в нем после прошедшей ночи, внутри, будто переродился человек. Если раньше Олег Павлович долго прикидывал, сомневался, то теперь в его голове порядок и четкость. После пережитого он точно знал, что надо делать.

* * *

Голому одеться — только подпоясаться, говорит русская пословица. Но в данном случае Милов с Демуриным собрались капитально. Загрузили в багажник все, что могло пригодиться в длительном стоянии на Чонгаре. Палатку, спальники, консервы. С собой посадили еще двоих казаков и рванули.

Доехали быстро. Сами не заметили, как впереди показался Чонгарский мост. Перед ним блокпост из мешков с песком. Будка с российским триколором, бетонные блоки. Естественно, шлагбаум. Рядом бронетранспортер.

Командир Севастопольского ОМОНа принял их под свое крыло со сдержанной радостью и озабоченностью:

— Мало нас, — вздохнул он, поправив берет, — а там, — показал рукой за мост, — накапливается «Правый сектор». Если пойдут буром, нам их не удержать. Одна надежда, что подойдут наши. Но когда подойдут, кто знает...

Разъяснил обстановку и сразу поставил на дежурство вместе со своими бойцами. Они уже сутки фильтровали на блокпосту проходящий с Украины поток. Шла боевая работа. Милов, надев повязку и взяв первый раз в жизни милицейский жезл, остановил первую машину. Двое омоновцев взяли ее на мушку. Мало ли кто едет и что задумал... Андрей со своим старым знакомцем Михаилом попросили документы и осмотрели салон и багажник.

Работа спорилась, хотя и слышалось иногда из салонов недовольное ворчание. Отстояв свою смену, пошли отдыхать в палатку, а на их место заступили новые

ребята. Вздремнув, Миров с Демуриным отправились на импровизированную кухню поесть. Сегодня на обед им выдали по банке тушенки с хлебом.

К вечеру ситуация улучшилась: из села Чонгар приехал мужик с продуктами. Селяне, прослышав о том, что «наши» стоят, чтобы не пустить в Крым банды «правосеков», подвезли на «Ниве» продовольственный запас в виде сала, банок с разными соленьями и вареньями, а также свежее испеченным хлебом.

К ночи движение спало. Остановившись и проверять стало некого. Но старший наряда — усатый, небритый омоновец, «сурьезный» парень Виталий, словно чего-то ждал и постоянно выходил с автоматом по мосту вперед. Стоял там подолгу, прислушивался.

Миров, закутавшись в одеяло, подремывал у костра. Было зябко. Он подтянул под себя обувь в меховые ботинки ноги и подумал: «Эх, надо было валенки купить! Только где ж их купишь, когда тут юг!..» Мысли катились плавные, понятные, а главное — простые: «Отстоим Крым. Встретимся с Татьяной снова. И без нее я теперь не уеду отсюда. Своего добьюсь! Конечно, ее обиду понять можно. Но сегодня не девяносто первый. И даже не двухтысячный. И мы другие. И люди другие. И страна наша другая...»

Не заметил, как заснул, и проснулся от громкого голоса Михаила:

— Твою мать! Кто-то едет!

Олег вскочил, посмотрел на мост, погруженный в утренний туман. Но Михаил его поправил:

— Из Крыма едут!

— Кто это может быть?

— Ребята! Тревога! К бою!

Из палатки начали вылезать омововцы и ополченцы. Все повернули головы в сторону дороги на Чонгар, откуда медленно приближалась вереница огней. Через несколько минут в предрассветном тумане показались пассажирские автобусы с табличками на лобовом стекле «Люди». Все насторожились. Хрен его знает, кого это несет в четыре часа утра? Автобусы остановились. И из первого вышел статный, крепкий мужик, перепопоясанный кожаной офицерской португеей. В кубанке с алым верхом. И, конечно, с пышными усами, в которых пряталась добродушная усмешка.

— Ну, кто тут главный? Кубань идет на помощь!

Вышел вперед командир.

Вновь прибывший приложил руку к кубанке и представился:

— Атаман Кубанского казачьего войска, есаул Сидор Кравченко! — протянул руку. Обнялись.

Через минуту все разъяснилось. Это прибыла на помощь первая сотня казаков. Люди горохом посыпались из автобусов. Тащили из багажников баулы с амуницией, палатками, котлами и разной другой утварью, которая требуется для жизни в полевых условиях. Блокпост ожил. Сотня одетых в камуфляж, организованных и сплоченных бойцов, знающих, что и как надо делать, словно муравьи таскали, ставили, размещали привезенные с собой вещи.

Когда взошло солнце, лагерь кубанцев и донцов предстал перед Мировым со товарищи во всей своей красе. Ровные ряды больших зеленых армейских палаток.

— Что-то наши с полевой кухней отстали, — волновался Сидор и принялся звонить по телефону, объяснять дорогу к лагерю:

— Вы на развилке, похоже, не там свернули. Надо было направо! Да-да, там, где указатель сбит. Во-во! Это и есть дорога на Чонгар. Двигайтесь по ней! И через полчаса будет село. А уже за ним и мы.

И, действительно, минут через тридцать на трассе показался большой зеленый

«лендкрузер-100» с полевой кухней на прицепах. Чтобы водить такого монстра, требуются права на автобус, так как у него салон на десять сидений. И задняя дверь — действительно дверь. Но в этой машине было не десять человек, а всего четверо.

С интересом всматривался Миров в лица выходящих. Первым выскочил на замороженную дорогу водитель. Широкоплечий прапорщик с белобрсым чубом из под щегольской кубанки. «Старый вояка», — подумал Миров.

А вот и второй... Белая голова, белая борода, черная сутана. Поверх нее — черная куртка. Это же... отец Анатолий! В миру Казаков! Старец, которого он оставил на Афоне... Хочешь верь, а хочешь не верь глазам своим! Миров поверил и устремился навстречу. Он подскокил к отцу Анатолию и неожиданно даже для самого себя кинулся обниматься — как с родным. Тот, недоумевая, кто это обхватил его медвежьими объятиями, посмотрел в раскрасневшееся лицо Мирова.

— Боже ж ты мой! Боже мой! Ты здесь?! Вот где довелось встретиться! Вот как Господь управил!

И посыпались один за другим вопросы: как же ты уехал? Да когда приехал? Да почему? Да отчего?

— Когда ты уехал, мне стало так тошно, — говорил отец Анатолий, — так что я тоже решил выйти к людям. Сначала — в наш монастырь. А потом — к грекам, к их властям. А те уж меня и депортировали, как я и думал, в Россию. А тут такое творится! У всех на устах Крым, Крым! Поднимается волнение народное. Я — к друзьям. Что ж мы, не русские, что ли? А от них к товарищам моим боевым — казакам. Вместе, еще в мою бытность офицером, в Чечне были. И вот так вот решились. А где тут сейчас самое горячее место? Чонгар! А ты-то какими судьбами?

— Ты же сказал тогда — ищи, где потерял. Вот я и ищу.

— Эй, ребята, что стали? Давай разгружаться! — к ним подошел мужик богатырского телосложения, в плечах, как раньше говорили, кося сажень. Стан уже не тонкий, но без пуза. Лицо круглое, а лоб высоченным куполом. С зальсынами. Глаза тоже необычные. Спокойные такие. «Твердые», — определил Миров. Твердые, но одновременно теплые, глубоко посаженные, внимательные глаза. Одет просто. Но удобно и дорого. Не в камуфляже, а в гражданской куртке с меховым воротником. Кожаные перчатки. Щегольские меховые канадские сапоги на тракторной подошве.

Анатолий представил их друг другу полшутя:

— Мой друг детства, великий человек Александр Дубравин! А это мой афонский искатель мира — Олег Миров. Я тебе рассказывал о нем.

Поздоровались. Рука у Дубравина оказалась теплая и неожиданно мягкая. Во время этого мимолетного рукопожатия, заглянув Александру в глаза, Миров почувствовал в этом человеке твердое, нерушимое спокойствие: «Станный человек... Кругом напряг, чуть ли не война. Такая дорога. Переправа. А от него веет миром, покоем, тишиной. И силой. Станный!»

Багажный отсек зеленого «крокодила» до самого потолка был загружен вещами — спальниками, одеялами, котлами, газовой плиткой, складными стульями. В общем, всем, что нужно для более-менее комфортной жизни.

Миров привел вновь прибывших в армейскую палатку, где квартировал и сам. Они тут же поставили свои раскладушки в углу. Разожгли чугунную печку-буржуйку. Водитель, назвавшийся Виктором Палаховым, отправился к начальству, чтобы выяснить порядок действий. А Миров, Казаков и Дубравин присели у огонька, чтобы попить чайку, передохнуть после дальней дороги и поговорить.

За стенами палатки кипела жизнь. Казаки развели костры, повара принялись готовить на всех горячую пиццу. Где-то чуть поодаль, словно для пробы, робко за-

играла гармошка. Даже по звукам было понятно: это не праздные туристы приехали, не табор цыганский прикочевал — это стали биваком военные люди.

Поговорить друзьям особо не удалось. Раздалась команда на построение. На улице светало. И сотня в лучах рассветного солнца вытянулась в две шеренги вдоль дороги. Сидор Кравченко, перепопоясанный офицерскими ремнями, прохаживался вдоль строя ядреных мужиков. Ставил задачу:

— Не допустить прорыва «правосеков» через мост на Чонгар... Держать оборону до прихода подкреплений... На посту во время дежурства вести себя вежливо и культурно... Показать всем, что донское и кубанское казачество — это дисциплина, порядок... Мы — одна семья...

— А за нами Россия, — добавил кто-то.

И все как-то воодушевленно подтянулись. Солнышко светит. Оттепель.

Дубравин оглянулся и, словно улавливая общую мысль, засмеялся:

— Отцы! А ведь сегодня — первое марта! Весна идет. Крымская весна!

XIII

День выдался беспокойный. С утра рыли окопы. Долбили мерзлую землю лопатами. Вгрызались в грунт. Дежурили по очереди на пропускном пункте. В принципе, проезжающие с пониманием относились к их работе. Подавали документы, открывали багажники своих автомобилей. Однако встречались и отдельные несознательные личности, которые, несмотря на все предупреждения, вступали в дискуссию или пытались как-то проскочить.

Таких останавливали, вели разъяснительную работу.

Но сегодня был один отчаянный случай.

Миров поднял жезл и указал потрепанной «газельке» место, где она должна остановиться. Водитель — молодой, краснощекий хлопец, как потом выяснилось, с Западной Украины, — сигнала не воспринял. Наоборот, с места рванул в карьер и стал резво уходить по трассе в сторону села. Ровно через двадцать секунд была организована погоня. «Патриот», конечно, «газельке» не товарищ. Но пуля летит быстрее. Шины «газели» с шипением опустились до ободов, и фургончик начало мотать по дороге.

Хлопец остановился. Били его недолго. Так, заехали пару раз для остратки в ухо-горло-нос и отпустили душу на покаяние.

«Газельку» обыскали. И нашли в ней обрез да короткоствольный автомат с запасными обоймами. Хлопчика немедленно повязали и отправили в местные правоохранительные органы.

Когда Миров с товарищами отвезли изъятые у «газелиста» вещдоки, то по дороге обратно встретили в степях колонну автобусов. На лобовых стеклах — огромные портреты Рамзана Кадырова. Внутри — бородатые нохчи в камуфляже и беретах.

Подошли. Поздоровались.

И тут в бородатом, огромном, похожем на медведя, чеченце отец Анатолий узнал Вахида Султанова. Ну, что делать? Друзья встречаются вновь!

Оказалось, это военнослужащие из бывшего батальона «Восток». Получили задачу — выдвинуться в район Бахчисарая и там приступить к патрулированию в селениях крымских татар. Да вот в ночное время слегка заплутали в бескрайних полях.

Ну, что ж! Это свои, нохчи!

Перекинувшись парой фраз, отец Анатолий показал им на карте верную дорогу. И автобусы, с трудом развернувшись на узкой трассе, двинулись дальше. А они постояли еще немного. Поговорили за жизнь в том духе, что вся Россия подня-

лась за Крым. И что не только из Татарстана едут проповедники и депутаты, чтобы объяснить ситуацию здешним татарам, но и другие мусульмане поведут товарищей правильным путем. Укажут, так сказать, дорогу в светлое завтра.

А Мирон спросил Дубравина о том, что волновало всех крымчан на полуострове:

— А Россия, Путин решится на то, чтоб Крым вернулся в ее состав? Сегодня большинство настроено на это, а не на расширение полномочий и всякие другие косметические меры.

— А вы думаете, что это зависит от Путина?!

— А от кого же? — удивился Палахов, сидящий за рулем. И даже обернулся к ним.

— Ты рули, рули! Не отвлекайся! — сказал отец Анатолий.

Дубравин еще раз усмехнулся, вздохнул. И наконец, как отец неразумным детям, принялся объяснять:

— Это зависит от воли народа!

— ???

— Вот давайте разберемся, как управляется Россия. Как и всякая империя, Россия управляется императорами. Или, если проще для нашего слуха, — царями. А также генсеками, президентами, что в сущности одно и то же.

— Правда, на Западе, — вставил Мирон, — никак не могут понять, как управляется наша страна. И некоторые умные головы говорят, что она управляется непосредственно Богом, минуя всякие представительные органы власти.

— Но это не совсем так! — продолжил свою речь Дубравин. — Может, она и управляется Господом, но все же через его помазанников. Система такова. Известно, что у нас воля народа — это глас Божий. Смотрите, как это происходит: воля народа транслируется на Небеса и оттуда должна быть услышана царем. А царь, услышав ее, уже выполняет. Отдает указания боярам и служивым государевым людям. Такая вот конструкция. Простая, но эффективная...

— На Западе воля народа передается его избранникам, депутатам, президентам. И они уже ее выполняют, — попробовал подискутировать Палахов, — без Бога...

— Прошу меня не перебивать! Когда царь эту волю не слышит, его свергают и ставят нового. Так было в семнадцатом. Народ хотел мира, земли, конституционной монархии. А царь, как глухой, сидел и слушал царицу... Ну, это другой случай... Сейчас воля русского народа снова проявлена. Мы хотим снова объединиться в одно государство. И если наш Верховный эту волю не услышит, то дела его будут плохи... И вряд ли он досидит до конца срока. Так я думаю...

— А что нам Крым? Почему Крым? Еще непонятно, какая ему будет цена, — снова влез Витька Палахов, поддавая газку. — Ведь так и до войны можно пойти. А не хочется...

Он выразил общую тревогу всех, кто сидел сейчас в машине. И лица как-то сразу поскуцнели и посуровели. Дубравин откашлялся. А потом почему-то засмеялся:

— За Крым мы, русские, уже столько крови пролили, что... — он не сказал, что дальше, но попутчики его поняли, что дальше.

— Русские ходили походом на Крымское ханство еще во времена Ивана Грозного. Софья — сестра Петра — отправляла своего фаворита князя Голицына на полуостров. Правда, безуспешно. Бились мы за него при самом Петре. И при Екатерине. Князь Потемкин, Суворов, Румянцев, Ушаков... И Крым по праву считался бриллиантом в русской короне. Потом была Крымская война. Первая оборона Севастополя.. А в Великую Отечественную мы с немцами схватились.

— Отсюда, между прочим, отправились в эмиграцию последние защитники царской России, — вставил свое просвещенное слово Олег.

— Ну, так за что бились? — как бы сам себе задал вопрос Дубравин. — Понятное дело, выход к морю, торговые пути... Но не только это. Если смотреть на нашу страну мистическим образом, а она действительно мистическая, то мы увидим такие интересные вещи!

Что такое Петербург — новая столица? Это мозг России. Культурный, европейский центр, источник прогресса. Не зря Путин у нас питерский. А Москва? Москва — это сердце. Это даже на картах видно. Центр страны. Транспортные артерии идут через нее. Хранительница наших традиций. А вот Урал возьмем. Что это такое? Не зря же бытовала присказка: Урал — становой хребет России. Так оно и есть на самом деле.

— А Крым? — уже понимая, куда клонит Дубравин, спросил Анатолий.

— А Крым — это душа России!

— Почему?

— Да потому, что отсюда пошла наша ментальность, религия и связанная с нею культура. Из Херсонеса с крещением князя Владимира христианство двинулось по Руси. А вместе с ним — архитектура, иконопись, письменность. Отсюда протекает наша духовность.

Мирова вдохновила эта идея, и, вспомнив Грецию и лекции Алексея Элпиадиса, он подхватил:

— Крым — он для нас не только душа. Он еще и мост во времени и пространстве. Крым связывает нас напрямую с Византией — наследницей Рима и настоящей европейской культурой. Запад не стал истинным преемником Рима. Европейские варвары просто уничтожили ту цивилизацию. Это мы толерантны в лучшем смысле этого слова. Они же нетерпимы. Это у нас народы сохранили свои языки, обычаи, веру.

— И когда вырвали из тела России этот нервный узел, душу, — добавил отец Анатолий, — он стал нашей фантомной болью. Здесь остались два миллиона русских. Остались дворцы и дачи, в которых жили наши писатели, поэты, художники. Остался кусок нашей истории.

— И возвращение Крыма будет закономерным возвращением нашей души, — добавил Дубравин. — Такова воля народа! И если правители эту волю не исполнят, народ их сметет...

— Так уж и сметет?! — задумчиво заключил Анатолий.

— Да ты посмотри, что делается в России! Народ воспрянул духом. Все прилипли к телевизорам. Ждут новостей отсюда. Просыпается у русских забытая гордость. Вернулись надежды на лучшее. Готовность самим определять свою судьбу. Все — и белые, и красные — едины в идее: Крым наш. Когда такое было, а?

— Да, правда. Такое есть! Казаки вот тоже делились, а теперь все заедино, — заметил из-за руля Палахов.

Приехали на место. Сильно взволновал Олега Павловича этот разговор в машине. Мелкими показались на фоне всего происходящего его собственные проблемы. В душе его оставался какой-то осадок, какая-то досада на то, что он не сразу понял значение того, что происходит в Крыму. Слишком уж замкнут был в себе, зациклен на своих переживаниях.

И еще одно его грызло. Как? Для чего? Почему он оказался здесь? В чем какой-то тайный, мистический смысл его ухода из Петербурга, его метаний, странствий по миру? И так взволновал взгляд Дубравина на все эти события, так тронул что-то в его сердце, что Миров решил для себя: «Выберу удачный момент и один на один спрошу обо всем! Может быть, этот человек, от которого так веет внутренней силой и спокойствием, наконец, разрешит мои вопросы и сомнения, поможет найти свой путь?»

Случай повернулся на следующую ночь. Им выпало дежурить на посту вдвоем с Дубравиным. Казаков и Палахов, которых они сменили, радостно слиняли в палатку спать.

А Дубравин и Миров заняли их место.

Гигантский купол неба раскинулся высоко-высоко. И звезды на его черном бархате сверкали, как бриллианты.

Глухо плескалась вода под мостом. Где-то впереди притаился «секрет» из двух кубанцев. А здесь на посту горел костер. Темнели громады армейских палаток.

Сидят они у потрескивающего костерка. Слушают зимне-весеннюю ночь. Ведут неспешный разговор о грядущем референдуме, на который вынесен простой, как валенок, вопрос: «Вернуться в Россию и быть русскими? Или остаться в Украине и стать разменной монетой в большой, чужой игре?»

— Мыслимое ли это дело? — говорил Дубравин. — База в Севастополе. Американская. Да все наши погибшие адмиралы перевернутся в гробах. И проклянут нас навеки за такое!

— Да, — поддержал мысль Миров, — шаг за шагом они шли к своей цели. А мы? Все сдавали и сдавали позиции. Но, Бог даст, все теперь исправится.

— Люди обычно не понимают того, что они участвуют в великих исторических событиях. Вот мы. Ну, приехали. Сидим. Охраняем. Нам холодно. Будет референдум. А на самом деле? Помните китайскую притчу о камешке: «Лежал камешек. Попал в колесо колесницы. Она сломалась. На колеснице ехал на битву император. Из-за поломки опоздал. В результате битву проиграл. История империи пошла другим путем». Крым — это тот самый камешек, из-за которого история мира пойдет другой дорогой. Мы эти двадцать два года находимся под либеральным игом. Оно высушило душу народа. А если вернем Крым — возможно, все пойдет по-другому.

— Дай Бог! — согласился Олег. — А я все никак не могу понять свою судьбу, — заговорил он о сокровенном. — Что гонит меня по миру? Почему нет покоя? Я ведь из Петербурга. Все бросил. Ищу!

И неожиданно для самого себя Миров рассказал товарищу всю историю своих метаний. Начиная с тех пор, как покинул в девяностые Севастополь.

— И вот получил я недавно от этой ясновидящей такое сообщение, — он протянул Дубравину свой айфон с письмом, в котором Бобриня сообщила, что, по версии проницательного бурятского ламы, он, Олег Павлович Миров, бывший офицер флота, бывший удачливый бизнесмен, ныне странник и бомж, является реинкарнацией императора Александра Первого, прозванного Благословенным.

Дубравин прочитал, помолчал, подбросил еще пару полешек в костер, поставил неспешно на огонь закопченный чайник с водой. И только вернувшись на свое место, сказал:

— Ну, во-первых, о метаниях. Каждый в жизни занимает свое место. Это не случайность. На это место нас приводит карма прошлой жизни. И совокупность всех поступков и черт характера в нынешней. То есть каждый занимает в обществе ровно то место, которое и должен.

Чтобы изменить обстоятельства жизни, надо измениться самому. Внутри себя. А рыбки и скачки — это от лукавого. От темных сил. Ты ушел физически, а мыслями остался там же. Отсюда и раздвоенность. Теперь что касается Бобриной. Я ее немного знаю. Как профессионала. И лама мне знаком. Ему верить можно. Наверное, они посчитали точно. Да и совпадений в твоей судьбе с судьбой Александра Первого много. Для чего же тогда это повторяется? А вот для чего! В прошлой жизни император не решил те проблемы, которые должен был решить. Он победил Наполеона, дал конституцию Польше, Финляндии. А в России так и не сделал того, что был должен. Не освободил крестьян, не отменил крепостное право,

не дал стране конституцию. Декабристы на него надеялись, а он обманул их надежды. Высшие силы поставили его на высшее место в мире. Он же не смог реализовать их божественный план. А почему? А потому, что был он человеком сложным, колеблющимся, внутренне противоречивым. И эти метания, в конце концов, привели его к тому, что он приехал в Таганрог, разыграл свою собственную смерть. И ушел странствовать под личиной старца Федора Кузьмича. Некоторые исследователи говорят, что он совершил подвиг. Отказался от власти. Ну, и все такое. Я так не считаю. Если божественная воля поставила тебя на это место, ты должен выполнить предназначение. И в первую очередь, чтобы это сделать, надо преодолеть самого себя. Изменить. Не уклоняться от пути. Выработать нужные качества души. В данном случае это была решимость, которой ему так и не хватило. Что в результате? Россия, не испытывавшая реформ, отстала на десятилетия. И Крымская война показала это. И уже с девятнадцатого века мы окончательно превратились в страну, которая постоянно догоняет... Ну, а что дальше? Дальше происходит вот что. Душа рождается в новом теле. Ставится, конечно, не совсем в те же самые условия жизни. Но близкие. И движется по второму кругу. Она должна наработать нужные качества. Иначе не сможет совершенствоваться дальше. Вот и вы, Олег Павлович, должны были, наверное, преодолеть обстоятельства, сложившиеся в Петербурге... А вы решили уйти. Начать другую жизнь. А она не получается такой, как вам хочется. Впрочем, как говорится, чужую беду руками разведу. Я не сужу, ибо сказано в Писании: «Не суди, да не судим будешь!» Вы спросили — я ответил.

Оба молчали. На столе закипел чайник. Дубравин бросил прямо в него щепотку чая. Подождал с минуту. Налил обоим в зеленые металлические кружки.

Погрели о кружки руки, попили чай.

На востоке небо посветлело, звезды потихоньку гасли. В палатке послышалась возня — просыпались казаки. Вот кто-то шмыгнул на улицу. Потянулся с хрустом...

Начинался новый день.

XIV

Небо между облаками синело совсем по-весеннему. Облака сказочно-серого цвета казались игрушечными, рисованными. А вдали стояли вертикальные облачные столбы. Будто колонны или стражи, охраняющие синеву. Ветер утих. Вода под мостом прозрачно искрилась в бурунчиках. Небольшая волна набегала на прибрежные камни.

Весна в Крыму — это самая веселая, самая добрая, ласковая из женщин.

Миров стоял на посту. Прохаживался туда-сюда, а мысли его летали далеко-далеко. Где-то там, с нею. В последнее время Олег, находясь здесь, в замкнутом кругу, как-то заново научился мечтать. Мечтать о счастье. Вроде кругом не пойми что. Напряжение нарастает. А он становится все более мечтательным. Фантазирует. И душа его, успокоенная и обнадеженная этой весной, этой надвигающейся обещей для всех радостью, летает. Странно это.

Вот и сейчас, шагая вдоль перил чонгарского моста, он мысленно сочинял письмо Татьяне. И письмо это получалось доброе, наивное. И даже, казалось, глуповатое.

«Ну и пусть, — думал Олег. — Все равно же никто не прочтает! А для себя — можно».

«Таня! Таня! Танечка! Твой облик растворяется в жесткой повседневности. Я лишь рисую тебя в своем воображении. Миленькая, маленькая, улыбчивая. Маленькая, миленькая, хрупкая. Солнечное личико твое, тонкая талия, удлинен-

ные детские ручки, маленькие стройные ножки. Головка украшена волосами черной ночи, пахнущими весенними травами. Глаза, каких ни у кого нет. С удивительно чистыми, прекрасно плавными линиями. С длинными, сильно загнутыми ресницами. Глаза глубокие и сейчас грустные.

Как приятно мечтать о тепле и ласке. Мечты, мечты. Только одни вы способны согревать и ласкать.

Танечка, почему ты — теплая, добрая, ласковая и совсем настоящая? Почему ты — не миф?

Ведь ты всегда была во мне сказочной и далекой. Ты — далекая и близкая, сказочная и настоящая. Растворила меня в душе своей. Ты — теплое течение. Да, да, ты вся — горячая, но о тебя никто не обожжется. Ты не позволишь, ты добрая.

Твое тепло уже коснулось меня. Мне хорошо. Будто бы маленькие, зеленые почки добродетели и доброты распустились во мне.

В тебе я нашел и утешение от всех бед. И силы для борьбы и действия. Вот ты — маленькая и слабая, хрупкая, но благоразумно наделенная природой властью, то есть красотой...

Да, еще одно открытие. Ты — маленький тиран, всесильный завоеватель. Эти черты в большей или меньшей степени свойственны всем женщинам. Мужчины же, наделенные природой стремлением к красоте, очень быстро оказываются вашими поклонниками, а если вы пожелаете, то и рабами. Подчинение силы красоте — это великое завоевание человечества...

Но даже добрые, любящие люди не способны иногда почувствовать тоску и боль, терзающие другого...

Танька, я приехал к тебе с просьбой об излечении, ибо ты — единственный мой волшебный целитель ран. Ты дышишь для меня энергией, дающей мне силы...»

— Эй, Миров! Олег! Ты что, оглох, что ли? Я тебя зову, зову! А ты — как глухарь. Что-то бормочешь и уходишь все дальше и дальше, — горячий и порывистый казак Михаил догнал его и сообщил, зачем пришел:

— Ты вчера жаловался, что нога ноет. Там на пост приехали врачи. Командир меня послал подменить тебя. Я за тебя постою. А ты сходи. Чай, уже не молоденький!

Мирову в его словах слышалась не досада, чего и следовало ожидать, а нежность и тепло.

— Ну, давай! Я по-быстрому!

И он, прихрамывая, заторопился в сторону палатки с невесть откуда появившимся красным крестом на боку.

Действительно, в последние дни у него ныли суставы. А вчера пошли и прострелы.

Взвоешь тут. Ему предлагали съездить на прием к врачу в Симферополь. Но он решил остаться со всеми. А тут — такая оказия! Медики сами приехали. И он похромал к лагерю.

У палатки стоял зеленый «уазик» тоже с красным крестом на боку. Рядом курил незнакомый чернявый парень, наверное, водитель.

— Кого привез? — спросил его Миров.

— Ополченцы, санитарная рота. Фельдшера и медсестру.

— А где они?

— Фельдшер пошла по делам в штаб. А медсестра здесь. — И водитель кивнул курчавой цыганской головой на палатку.

Он откинул полу входа, зашел внутрь, пошарил глазами в темноте:

— Есть тут кто-нибудь? А то со света не сразу и разберешь!

И вдруг услышал в ответ:

— Олег, ты?

Это был ее голос. Голос Татьяны Ким! Он верил и не верил своим ушам и глазам.

«Великое чудо маниту! Зверь с двумя хвостами!» — мелькнула у него в голове глупая присказка, прилипшая с детства, когда он читал романы Фенимора Купера. Олег посмотрел в угол, где горел огонек фонарика, и ясно увидел ее — в белом халате, накинутом поверх грубого камуфляжа.

— Таня! Я!.. Я!.. — от нахлынувших чувств никак не мог выговорить фразу.

Вот ведь какое дело! Он только что на посту сочинял такие пространные, длинные письма, называл ее такими ласковыми словами. А теперь не мог вымолвить ничего вразумительного. Бормотал что-то. И тихо произнес:

— Я не могу без тебя.

И эта короткая фраза, эта прифронтная обстановка, эта неожиданность встречи, наконец-то, разбили тот лед, тот стеклянный барьер, что они так и не смогли преодолеть в Симферополе.

Она встала от столика с разложенными на нем какими-то лекарствами, бинтами. Подошла к нему, долго стояла напротив. И молча обняла его вечным женским движением за плечи. Прижалась так близко, что он чувствовал сквозь одежду все ее тело... Они стояли так в обнимку, кажется, целую вечность. И она тоже шептала что-то убаюкивающее. Из всех ее слов он слышал только:

— Господи! Как долго я тебя ждала!..

— Ты же никогда не видел нашей дочки! — Татьяна подняла со столика телефон, нажала кнопку. — Вот, смотри! Это Вика!

Олег был мало сказать изумлен — растерян. На него смотрело знакомое лицо. Да это же девчонка-экскурсовод из Афин, вместе с которой они ездили в Дельфы! Проверя себя, он спросил:

— Может, я что-то путаю, но мы знакомы. Я ее видел. В Греции!

— Да?! — теперь изумилась Татьяна. — Она была там в прошлом году. На стажировке в греческой фирме. Учится в академии туризма. Скоро окончит...

И они, растерянные и даже потрясенные такими вот магическими совпадениями, замолчали, осмысливая произошедшее. А потом пошел разговор. Говорили, говорили, говорили... О том, что есть, видимо, какие-то законы мироздания, которые управляют человеческими судьбами. Что ничто в этом мире не случайно, а все закономерно и целесообразно. Только мы этих законов не знаем. И он снова, как когда-то в юности, чувствовал ток радостной силы, умиротворения.

У входа раздался чей-то строгий и насмешливый голос:

— О, я вижу, что прием уже начался!?

— Софья Андреевна, познакомьтесь! Это мой... — Она на мгновение остановилась, подыскивая подходящее слово, определяющее характер их отношений. А у Мирова мелькало в голове в эти мгновения: «Друг... Старый знакомый... Любимый?.. Муж?..» Ему страшно хотелось, чтобы она сказала последнее. И она словно уловила его мысль: — Мой муж! Олег Павлович Мировой!

И оба торжествующе-радостно улыбнулись строгой седой фельдшернице.

* * *

Они лежали на разложенном древнем диване в снятой ими избушке в селе неподалеку от переезда. В печи гудел огонь. За окном начинался весенний месяц март.

«Боже мой! — думал он. — Какое поразительное количество деталей о прошлом помнит женщина! Я уже давно все забыл за эти годы, а она помнит».

— А помнишь, как ты пел? И играл на гитаре?

— Я — на гитаре? — Миров удивился почти искренно. Действительно, он тогда знал три аккорда и иногда тренькал на инструменте. Но считал, что выходило это у него плохо. Так плохо, что, уехав из Крыма, ни разу за все эти годы не брал гитару в руки.

А она вот помнила. И не только помнила. Но и благоговела...

— А помнишь, ты говорил, что сразу отличишь моряка-подводника от любого другого?

— Как? — удивился он.

— Ты говорил, что все подводники ходят вперед правым плечом, оттого что на лодке привыкли так делать.

— Надо же... А я ни фиги...

Зато он помнил другое. Ее круглые очки, делавшие ее похожей на стрекозу. Короткий халатик, туго перевязанный на талии. Прохладное, молодое гладкое тело. И то, как, целуясь, она чувственно приникала своим языком к его языку... Помнит, как, спускаясь по склону в горах, она оцарапала колено. И как он пытался лечить его... поцелуями...

Светало. За окном раздался приглушенный звук мотора. Это за ними приехал Андрей.

Олег поднялся с дивана, подошел к креслу. Там в беспорядке лежала их одежда.

Она сидела на диване и с восхищением смотрела на его подтянутое мускулистое тело.

— Боже мой! Какой ты огромный! Как ты был крут тогда! И какой ты красивый, породистый сегодня...

Миров был горд и польщен. Она неожиданно вскочила с дивана, подошла, обняла его крепко-крепко и прошептала нежно и исступленно:

— Желанный! Мой! Мой!..

XV

К бетонному причалу подошло огромное, со сдвинутой к корме надстройкой, судно. Загрохотало железо открываемых ворот.

Паром прибыл из России.

Из его утробы один за другим на свет божий выехали армейские грузовики. По длинной лестнице вдоль борта цепочкой спустились «зеленые человечки».

Миров и компания ждали, когда паром освободит трюм и Андрей аккуратно загонит туда черный «мерседес». Тогда они с Татьяной поднимутся на палубу.

А пока прощание. И последний разговор со всеми, кто пришел их проводить.

Эдик Доля, вспоминая прошедший накануне референдум, тихо заметил:

— Моя матушка — чистокровная украинка. Но когда увидела все, что происходит в Киеве, тоже пошла голосовать за Россию.

— Да, — задумчиво проговорил Олег, — теперь новый этап пошел. Теперь начали украинцев разоружать.

— Дубравин со своими поехал в Феодосию. Там, говорят, самые упертые части стоят. Морпехи, которых муштровали натовцы.

— Ничего! С Божьей помощью преодолеем, — сказал отец Анатолий.

— Знаете, кого я встретила вчера на выборах? — спросила Татьяна, чуть жмурясь от солнечных лучей.

— Кого? — Олег почувствовал в ее голосе подвох.

— Угадай!

— Неужели Мырина?

— Да! Шел голосовать вместе с новой женой. И такой довольный.

— Уже переметнулся, гад! — возмутился Эдик. И махнул безнадежно рукой. —

Вот мразь какая! В воздухе переобулся!

Постояли. Повздыхали. Обнялись на прощание. Теперь уже не на долгое. Теперь Олегу не пристало прятаться от жизни. Он вернется в Питер. Заново разберется во всех своих делах. Наведет порядок. Теперь у него есть для кого работать. Есть жена, дочь, в конце концов, страна...

Андрей на «Мерседесе» по железному трапу въехал на паром. Распорядитель с повязкой долго размахивал руками, устанавливая машины так, чтобы не было зазора.

Олег с Татьяной поднялись по металлической лесенке в надстройку. Прошли мимо капитанской рубки. И Мирю краем глаза заглянул туда — задрал ноги, капитан паром лежал на лежанке. Отдыхал. Видимо, сейчас они день и ночь мотаются между Керчью и портом «Кавказ».

Снова грохот. Заработал двигатель. Дрожь пронзила огромный тяжелый корпус парома.

Короткие гудки.

И крымский берег начал удаляться. Ширилась полоса серо-стальной воды. В проливе их настигли чайки. Крикливые, большие птицы парили рядом с идущим судном. Иногда бросались вниз, в бурун, который оставляли за собой винты. Но чаще кидались за крошками и кусочками булок и хлеба, которые бросали пассажиры.

Татьяна тоже достала из сумочки булочку. Отломил кусочек. И держала в руке, выжидая удобного момента, чтобы покормить птиц. Легкий шарф трепетал на ветру. Лицо ее выражало спокойствие и умиление этим утром, восходящим солнцем, чайками, недалеким путешествием по воде. Наконец она бросила свой ломтик. И белая огромная чайка спикировала за ним, подхватывая хлеб на лету у самой воды.

В этот миг вышедший на палубу Андрюха удивленно произнес:

— Е-мое! Радуга! Смотрите, радуга!

Татьяна и Олег удивленно подняли глаза и увидели, что над проливом с одного берега на другой цветным коромыслом легла радуга — уперлась концами в Кубань и Крым. Они залюбовались ею. И Мирю даже пришло на ум: радуга — это дорога в рай.

Паром уже прошел половину пути. Затерялся где-то вдали крымский берег. Впереди виднелись железные баки элеватора порта «Кавказ». В этот момент Олег еще раз оглянулся в сторону радуги. Но ее уже не было.

Над гладью пролива белым миражом повис новый мост.

Мирю разглядел величественную ажурную арку, под которой медленно-медленно прошел черно-белый огромный, как айсберг, океанский лайнер. Изумленный, он тихо сказал Татьяне:

— Взгляни туда! У меня видение!

Она посмотрела. И ахнула.

— Это же Крымский мост!..

